

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2024 Том 16 № 3

Правовая и общественная жизнь древних обществ

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Научный редактор выпуска

Гвоздева Т.Б., кандидат исторических наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Оттава, Канада

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 10.08.2024. Выход в свет 20.08.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,27. Тираж 500 экз. Заказ № 1070. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2024 VOLUME 16 NUMBER 3

Legal and social life of ancient societies

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Scientific Editor of the issue

Tatiana B. Gvozdeva, PhD in History, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities «Conversations about important things», State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*

Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая и общественная жизнь древних обществ

ПРАВО И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Гвоздева И.А. Locatio в римской агрименсуре	267
Квашнин В.А. Еще раз о категории «роскоши» в экономике и праве древнего Рима	274
Махлаюк А.В. Экспрессия чисел в «Деяниях Божественного Августа»	287
Никишин В.О. Институт заложенничества в римской политической практике в конце Республики и в начале Империи	304

ЭКОНОМИКА АНТИЧНОСТИ

Булычева Е.В. Роль архонта в организации аренды священных земель в Аттике второй половины V–IV вв. до н.э.	316
Парфенов В.Н. Последний из Флавиев и римская экономика	326
Телепень С.В. Финансовая политика римского наместника в отношении провинциальных общин в период Принципата	341

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Хапаев В.В. Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» об участии херсонеситов в боевых действиях III–IV веков: военно-тактический аспект	352
---	-----

СПОРТ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Гвоздева Т.Б. Греческие пятиборцы: путь к победе.....	369
--	-----

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ

Беляев Д.Д. Формирование раннего государства у древних майя в доклассический период I тыс. до н.э.	384
Сафронов А.В. «Эмблемный иероглиф» Вашактуна: эволюция царского титула классического периода	415
Секачева Д.С. Царские списки Паленке VII–VIII вв.	431

CONTENTS

Legal and social life of ancient societies

LAW AND POWER IN ANCIENT ROME

- Gvozdeva I.A.** Locatio in Roman agrimensura 267
- Kvashnin V.A.** Once again about the category of «luxury» in the economy and law of ancient Rome 274
- Makhlaiuk A.V.** Expressiveness of numbers in “The Achievements of the Divine Augustus” 287
- Nikishin V.O.** The institution of hostages in Roman political practice at the end of the Republic and at the beginning of the Empire..... 304

THE ECONOMICS OF ANTIQUITY

- Bulycheva E.V.** The role of the archon in the organizing the lease of sacred lands in Attica in the second half of the V–IV centuries B.C. 316
- Parfyonov V.N.** The Last of the Flavians and the Roman Economy 326
- Telepen S.V.** Financial Policy of the Roman Governor towards Provincial Communities during period of the Principate 341

THE FOREIGN POLICY

- Khapaev V.V.** The treatise by Constantine Porphyrogenitus ‘De Administrando Imperio’ on the Chersonesos participation in the 3rd–4th centuries’ wars: military tactical aspect 352

SPORTS IN ANCIENT GREECE

- Gvozdeva T.B.** Greek pentathletes: the path to victory 369

THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

- Beliaev D.D.** Early State Formation in the Maya Lowlands in the Preclassic 1000 BCE —150 CE..... 384
- Safronov A.V.** Uaxactun Emblem Glyph: the evolution of the Classic Maya royal title 415
- Sekacheva D.S.** Palenque royal lists of the 7th-8th centuries..... 431

ПРАВО И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕМ РИМЕ LAW AND POWER IN ANCIENT ROME

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-273

EDN: KEWSHG

Научная статья / Research article

Locatio в римской агрименсуре

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ innagvozdeva@mail.ru

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием в отечественной историографии работ, в которых был бы детально рассмотрен феномен locatio как акт создания посессиона. Используя комплексный метод исторического исследования, автор всесторонне изучает как правовой компонент упомянутого феномена, так и его практическую составляющую: речь идет об arsipinius как техническом выражении locus. Цель автора заключается в том, чтобы, всесторонне изучив процедуру простой locatio, дать правовую оценку самому явлению, а также определить его место в системе римской агрименсуры и в римском земельном праве. В работе использованы труды выдающихся римских агрименсоров, таких как Гигин Старший и Агенний Урбик (*Corpus Agrimensorum Romanorum*), а также обширная историография, как отечественная, так и зарубежная. Автор приходит к следующим выводам: во-первых, locus и arsipinius в архаический период истории Рима символизировали категорию ager publicus; во-вторых, владение, возникшее на общественном поле в результате locatio, закреплялось древним правом ius Quiritium и сохраняло свое значение вплоть до эпохи Империи; в-третьих, во времена Империи подобным образом стали выделяться угодья, предоставляемые гражданам в качестве владений на условиях аренды. Таким образом, древняя locatio сохраняет свое значение на протяжении всей истории римского государства.

Ключевые слова: место участка, участок в природных границах, посессион, угодья, граница

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 12.02.2024. Принята к публикации: 29.04.2024.

© Гвоздева И.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Гвоздева И.А. Локация в римской агрименсуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–273. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-273>

Locatio in Roman agrimensura

Inna A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ innagvozdeva@mail.ru

Abstract. The relevance of this study is due to the lack of works in Russian historiography that would examine in detail the phenomenon of locatio as an act of creating a possession. Using a comprehensive method of historical research, the author comprehensively studies both the legal component of the mentioned phenomenon and its practical component: we are talking about arcifinius as a technical expression of locus. The author's goal is to, having comprehensively studied the procedure of simple locatio, give a legal assessment of the phenomenon itself, as well as determine its place in the system of Roman agrimensura and in Roman land law. The work uses the works of outstanding Roman agrimensors, such as Hyginus the Elder and Agennius Urbicus (*Corpus Agrimensorum Romanorum*), as well as extensive historiography, both domestic and foreign. As a result of the undertaken research, the author comes to the following conclusions: firstly, locus and arcifinius in the archaic period of Roman history symbolized the category ager publicus; secondly, the possession that arose in the public field as a result of locatio was secured by the ancient law of ius Quiritium and retained its significance until the era of the Empire; thirdly, during the Empire, land provided to citizens as possessions on a lease basis began to be allocated in a similar way. Thus, the ancient locatio retains its significance throughout the history of the Roman state.

Keywords: locus, arcifinius, possession, land, finis

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 12.02.2024. Accepted: 29.04.2024.

For citation: Gvozdeva IA. Locatio in Roman agrimensura. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–273. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-273>

Введение

Процесс выделения участка земли и передачи его в собственность гражданину в период классического *Ius Civile* в Риме был построен на особых системах землеустройства, основывающихся на точном расчете площадей. Согласно сведениям агрименсоров, собранным в *CAR* (*Corpus Agrimensorum Romanorum*), демонстрируется совершенная система межевания земель — центуриация, где все пространство поделено на равные единицы площади — квадратные центурии (*CAR*, S. 136–141). Но сочинения агрименсоров отразили, как на разных этапах развития *Ius Civile* передача земли в собственность могла происходить

и в виде *locatio* (I. С. 226, 4). Так, обозначалось лишь место участка (*locus*) без подсчета его площади (I. С. 235, 1, 12; 237, 8) [1]. Землемеры подчеркивали, что подобная простая локация отличалась от *divisio* площадей при подготовке их к *assignatio*. Тем не менее, передача *locus* гражданину без *divisio* встречается повсеместно. В *CAR* все сведения о *locus* даются в сравнении с полями *divisio* (*CAR*, S. 5, 8). Более того, на земле агрименсоры подчеркивали, что *locus* должен быть изъят из массива *divisio* (*CAR*, S. 121).

Locatio — акт создания посессиона

А. Шультен полагал, что до II в. до н.э. в Италии была преимущественно *locatio*, дававшая самое общее представление о площади участка [2. S. 8]. Действительно, в период действия *Ius Quiritium* гарантией для любого *locus* служила священная клятва *fides*. Такие соседствующие *loci* также подтверждались *fides*, следовательно, *locatio* и была в архаику способом выделения участка земли. Но можно ли рассматривать такой участок, как *privatus*? Этот вопрос первым поставил в научной литературе Ф. Кастаньоли [3. P. 23–36]. С точки зрения Э. Сальмона, в Италии до периода Гракхов наделение земель происходило преимущественно через *locatio* [4. P. 69–79, 98–100].

Гражданин осваивал *locus* как *possessio* на землю. Но уже в период *Ius Quiritium* развивается процесс *occupatio* той земли, которая получила статус *Publicus*. Только патриции имели право на создание *agri occupatorii* через простую *locatio*. В отличие от *locus ager occupatorius* получал более точные природные пограничные реперы, закрепляя их с соседями на *fides* как свою оккупацию. Агений Урбик рассматривает *occupatio*, проводившуюся в Италии, именно как *locatio* (*CAR*, S. 53) [5]. Гигин Старший считает, что выработка с соседями отношений по локации строилась всегда на местных обычаях (*CAR*, S. 93). О. Берендс видел в этом проявление в праве власти всей *civitas* [6. S. 93]. *Agri occupatorii* превращались в посессионы на земле, неограниченные во времени и пространстве. Это, по сути, и была *locatio* [7]. По мнению Л. Капогресси-Колоньези, подобное *ius occupandi* было *iniuria*, т.е. неправомерной акцией [8. С. 118].

Но параллельно шел еще один процесс, в котором участвовала уже вся римская *civitas*. Это был захват земель Италии как результат войн с соседними племенами. Вот именно этот процесс Л. Капогресси-Колоньези характеризовал уже как этап развития римской агрименсуры [9. P. 68–69]. А вот О. Берендс считал это лишь примитивной сущностью римской агрименсуры [10. S. 6–10]. Это тоже была *locatio*, но уже новых полей, с которых согнали местное население. Именно такое поле получило название *ager arcifinius* или *arcifinius*. Это составной термин из *ager* — поле и *finis* — граница. М.Х. Кастилльо-Паскуаль, анализируя *arcifinius*, принимает во внимание лишь термин *arcere*, подразумевавший изгнание врага [11].

Arcifinius — техническое выражение *locatio* в агрименсуре

Для периода *Ius Quiritium locus* получил техническое выражение — *arcifinius*. Согласно землемерам это было поле, очищенное от врага. Тацит такие поля называл *agri capti* (Тас. *Ann.* XII. 32). Тит Ливий называет это поле *vacuus*, т.е. захваченное у врага. А для Сикула Флакка такой *locus* — *solutus* (CAR, S. 100). Помпоний же считал, что *locus* по *Ius Quiritium* также выражается в *arcifinius*, а закрепляется как *ager* при создании *possessio*на (Pomp. I. 26). Если в *oscuratio* проявляется идея демонстрации публичности акции в гражданском коллективе, то в агрименсуре создается граница именно по *natura loci*: ровики, водопады, речки, отдельно стоящие деревья и *loci*, которые стали *possessio*нами. Иногда граница обозначается даже можжевельником (CAR, S. 113). Для землемеров важно, что *арцифиний* не подвергался *межеванию*. Кл. Моатти считает достаточно ясным положение, что *loci* с момента образования Рима продолжают сохранять выражение категории общественной собственности [12. P. 59–60]. Показательно, что в своих сочинениях агрименсоры постоянно сравнивают *arcifinius* и категорию *divisio*; а Сикул Флакк подчеркивает, что *locus* не имеет никакого *modus* (CAR, S. 107). *Locus*, сохраняющий значение *Publicus*, переносит это значение общественного поля и на *arcifinius* (CAR, S. 161). Л. Капогросси-Колоньези считает, что *possessoria* является исключительно оригинальной формой римской *proprietas* [8. С. 395]. О. Берендс подчеркивает, что *locus* — это *possessio*н, обозначенный без *магистрата* по *Ius Quiritium* [6. S. 247]. И Помпоний рассматривал *locus* как предпосылку для создания *possessio*на в период *Ius Quiritium*, основанного только на *fides* (Dig. XLI, J. 26; Pomp. I. 26). В результате развития тенденции на обозначение через *locus* земли *Publicus* он технически воплотился в *arcifinius* — неизменном массиве с природными границами (CAR, S. 40) [6. S. 247]. Тем самым *arcifinius* выражал идею общественной собственности, т.е. *Ager Publicus populi Romani*. Однако для обозначения участков граждан вызывает необходимость добавлять уточняющие эту площадь обозначения. Сложившаяся традиция выделения *Publicus* закрепляется через *natura loci*. Это происходит и на вновь приобретенных Римом площадях Италии; *arcifinius* распространяется повсеместно.

В архаику *controversia de loco* была спором даже не столько о границе, сколько о самом факте существования общественной собственности. Поэтому, начиная с первого издателя текстов А. Рудорффа, в научной литературе *de loco* так и стал рассматриваться как вещный иск в процессе *legis actio*. Наиболее яростным защитником *de loco* в течение всего периода существования римского земельного права выступает Р. Кнютель [13. S. 303]. Ф. Хинрикс же видит в этой *controversia* кроме *de loco* и признаки *пограничного иска* [14. S. 193–195]. В *legis actio*нном процессе *de loco* рассматривается как *controversia*, существовавшая до введения категории *modus*. Ведь в *Ius Quiritium* декларация об участках происходила с опорой на место,

а не на его площадь, что и выяснялось в момент *litis contestatio* (CAR, S. 37). По мнению М. Казера, при проведении *litis contestatio* достаточно было только *fides* для гарантии установления *possessio* на *usucapio* [15. S. 11–12]. Гай считал, что этот вид архаического судопроизводства мог сохраняться в предклассический и даже в классический периоды *Ius Civile* (Gai IV. 42). Так, *locus*, подкрепленный техническим выражением *arcifinius*, создал механизм выделения участка земли как *locatio*. Важность этой акции для архаического периода была в том, что он так отражал существование *Ager Publicus*. Создание же на *Ager Publicus* древнего владения в первую очередь выражало принадлежность к гражданскому коллективу (Cic. De off. I. 7; Cic. De leg. agr. I. 1. 3; III. 3. 12). По сути, через *locatio* создавалось владение на *usucapio*. Но в конце периода Республики в этот процесс требовалось уже преторское вмешательство, т.е. власть магистрата внедрялась в гентильную процедуру наследственной собственности. О. Берендс считает, что *usus* основывается на *auctoritas* в гражданском обществе, поэтому пока расчет площади был и не нужен, вполне достаточно было *usucapio* на *locus*, т.е. локация [6. S. 249–269]. Если в текстах землемеров появляются указания, что внутри центурированного поля есть участок с природной границей, то это лишь демонстрирует идею сохранения древнего *possessio* на *Ager Publicus*. Агений Урбик так и подчеркивает, что это *possessio* по *Ius Quiritium* (CAR, S. 30–34).

Для Фронтинуса главным было то, что локация технически оформляется как *arcifinius*. Гигин Старший усиливает это заявление, подчеркивая здесь сохранение древних фрагментов *Publicus*. Следовательно, для авторов CAR *locus* закрепил выделение участка и его правовой статус. Агрименсоры постоянно сравнивают локацию с *agri divisi*. Но для проверки локация внутри центурированного поля агрименсоры применяют особый способ измерения — *ager mensura per extremitatem comprehensus* — измерение по внешней границе без внутреннего межевания (CAR, S. 121). Этой границей землемеры подчеркивают, что перед нами древний *locus*, сохранивший свое особое положение на размежеванном поле. Более того, агрименсоры считают, что подобный архаический *locus* можно даже поменять на оказавшийся в другом месте центурированного поля древний участок (CAR, S. 93). Такой обмен они называют *locus pro loco* (CAR, S. 119–120). Так, категория землеустройства *locus* закрепила существование *Publicus* в межевом пространстве Рима, осуществляемом через локацию.

Locatio на угодьях

У землемеров для обозначения заброшенного участка есть такое обозначение — *locus relictus* (CAR, S. 33, 61). Оно возникло как проявление *Ius Gentium* при завоевании Римом Италии. Так через *locus* и *arcifinius* показывали приращение *Ager Romanus* в природных границах (CAR, S. 2, 108–109). В архаический

период обе категории, и *locus*, и *ager* выделялись через *arcifinius* (CAR, S. 55–56). Существование этой важной для угодий территории также происходило через *locatio* [14. S. 90]. Дело в том, что *locatio* площади, по сути, не отделяет собственность от владения. Ведь при *locus-princip* не имеет значения — пригодна ли эта земля для пахоты или нет. А *relictus* — это «неровное» поле (CAR, S. 67). По сути, эти земли представляют собой остатки архаической аграрной жизни Италии (CAR, S. 92, 108). Хотя это и не пахотная земля, но для скотоводства она имеет большое значение. А социальная напряженность и земельный голод конца Республики востребовали в оборот и реликты, и леса, и выгоны. Август систематизировал правовое положение этих земель для угодий (CAR, S. 46–47; 67). Он же использовал для предоставления фрагментов этих угодий испытанный способ *locatio*. Есть еще один вид полей, попадавших под статус угодий, но лишь во временное пользование. Это — *subsecivi*, отрезки от межевания. Они образовывались в каждой центурии и могли предоставляться на условиях аренды колонистам. А выделение их поселенцам происходило тоже через *locatio* [16]. Примечательно, что в CAR на таком же правовом положении рассматриваются и поля *extra clusa* — вне межевания. Выделенные из *divisio*, они также предоставляются временно под угодья на условиях аренды. Хотя Гигин Громатик рассматривает такое поле как *locus vacantus*, это все же только резерв колонии, и поэтому аренда на нем предоставляется через *locatio*. Ф. Фавори считает, что в земельном праве именно агрименсоры первыми указали на разницу *relictus* и *extra clusa* (CAR, S. 165) [17].

Заключение

Так, до полного господства *divisio* в римском землеустройении наблюдался для выделения участков способ простой *locatio*. *Locus* как категория землеустройства сохраняет свое значение в земельном праве как *Publicus*. Оформление же *locus* через *arcifinius* усилило техническую сторону римской *locatio*.

Библиографический список

1. Гвоздева И.А. Категория площади в земельных ассигнациях эпохи римской республики // Аграрное и земельное право. 2018. № 4 (160). С. 32–38.
2. Schulten A. Die Römische Flurteilung und ihre Reste. Berlin : Weidmann, 1898.
3. Castagnoli F. Le ricerche sui resti della Centuriazione. Roma : Ed. di Storia e Letteratura, 1958. Pp. 48.
4. Salmon E.T. Roman colonisation under the republic. L. : Thames & Hudson, 1969.
5. Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. Архаический и формулярный процесс в земельном праве Древнего Рима // Аграрное и земельное право. 2017. № 2 (146). С. 30–35.
6. Behrends O. Bodenhoheit und privates Bodeneigentum im Grenzwesen Roms // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992. S. 192–280.

7. Гвоздева И.А. Преторская защита владения по трактатам римских землемеров // Древний Восток и античный мир. Вып. 5. М., 2002. С. 166–172.
8. Capogrossi-Colognesi L. La struttura della proprietà e la formazione dei “iura praediorum” nell’età repubblicana. Milano, 1969. V. 1.
9. Capogrossi-Colognesi L. La struttura della proprietà e la formazione dei “iura praediorum” nell’età repubblicana. Milano, 1976. V. 2.
10. Behrends O. Les conditions des terres dans L’Empire Romain // De la terre au giel. Paysages et cadastres antiques. V. II. Univ. Franche-Comte. 2004. P. 6–10.
11. Castillo Pascual M.J. Ager arcifinius significado etimológico y naturaleza real // Gerión. 1993. 11. P. 145–151.
12. Moatti C. Étude sur l’occupation des terres publiques à la fin de la République Romaine // Cahiers du Centre G. Glotz. 3. 1992. P. 57–73.
13. Knütel R. Die actio finium regundorum und die ars gromatica // Die Römische Feldmeßkunst. Interdisziplinäre Beiträge zu ihrer Bedeutung für die Zivilisationsgeschichte Roms. Göttingen, 1992.
14. Hinrichs F.T. Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974.
15. Kaser M. Restituere als Prozessgegenstand. Die Wirkungen der litis contestatio auf den Leistungsgegenstand im römischen Recht. München, 1968.
16. Гвоздева И.А. Ius subsecivorum в агрименсуре и земельном праве Древнего Рима // Древний Восток и античный мир. Вып. 8. М., 2012. С. 149–166.
17. Favory F. La part de l’indigène et du vernaculaire dans les texts des arpenteurs romains // Études rurales. № 167/168, Objets en crise, objets recomposés (Jul. — Dec., 2003). 2003. P. 33–45.

Информация об авторе:

Гвоздева Инна Андреевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119234, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: innagvozdeva@mail.ru. ORCID: 0000-0001-6075-9033. SPIN-код: 9189-1625.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-274-286

EDN: JYRUPK

Научная статья / Research article

Еще раз о категории «роскоши» в экономике и праве древнего Рима

В. А. Квашнин

Вологодский государственный университет, *Вологда, Российская Федерация*

✉ kvashnin195@mail.ru

Аннотация. В последние десятилетия в антиковедении активно изучаются римские законы о роскоши, которые традиционно связываются с теорией «упадка нравов»: согласно этой теории кризис римского государства был обусловлен процессом разложения традиционных норм и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и богатства. В этом контексте очевидна актуальность предпринятого исследования. Автор ставит перед собой цель изучить в деталях внутренне противоречивую суть такого феномена, как римские законы о роскоши. В частности, он обращает внимание на условный характер употребляемого в русскоязычной литературе термина «законы о роскоши», недостаточно точно передающего смысл латинского словосочетания *leges sumptuariae*. В исследовании использованы ряд латинских текстов и другие источники, а также обширная исследовательская литература. В итоге автор приходит к следующим выводам: во-первых, если слово *luxus* ассоциировалось с явлениями, привнесенными в жизнь римской гражданской общины эллинистической цивилизацией и ставшими следствием военной активности Рима на юге Италии и за ее пределами, то термин *sumptus* был связан с исконно римскими представлениями об умеренности и бережливости, которые необходимо рассматривать прежде всего в контексте жизни *familia* и ее хозяйственной деятельности. Во-вторых, если термин *luxus* отражал понятие роскоши как таковой, то употребление слова *sumptus* было связано с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности.

Ключевые слова: древний Рим, законы о роскоши, античная экономика, *civitas*, *familia*, *sumptus*, *luxus*

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 20.02.2024. Принята к публикации: 25.04.2024.

Для цитирования: Квашнин В.А. Еще раз о категории «роскоши» в экономике и праве древнего Рима // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–286. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-286>

В основе данной статьи лежит доклад, прочитанный на четвертой Всероссийской научной конференции «Экономическая история античности в мировой историографии (памяти профессора В.И. Кузищина)» в МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва) 30 января 2024 г.

© Квашнин В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Once again about the category of «luxury» in the economy and law of ancient Rome

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, *Vologda, Russian Federation*

✉ kvashninv195@mail.ru

Abstract. In recent decades, Roman sumptuary laws have been actively studied in classical studies, which are traditionally associated with the theory of “decline of morals”: according to this theory, the crisis of the Roman state was caused by the process of decomposition of traditional norms and values under the influence of foreign morals, luxury and wealth. In this context, the relevance of the undertaken research is obvious. The author sets himself the goal of studying in detail the internally contradictory essence of such a phenomenon as Roman sumptuary laws. In particular, he draws attention to the conventional nature of the term “sumptuary laws” used in Russian-language literature, which does not accurately convey the meaning of the Latin phrase *leges sumptuariae*. The study draws on a range of Latin texts and other sources, as well as an extensive research literature. As a result, the author comes to the following conclusions: firstly, if the word *luxus* was associated with phenomena introduced into the life of the Roman civil community by the Hellenistic civilization and resulting from the military activity of Rome in the south of Italy and beyond, then the term *sumptus* was associated with the original Roman ideas about moderation and frugality, which must be considered, first of all, in the context of the life of the *familia* and its economic activities. Secondly, if the term *luxus* reflected the concept of luxury as such, then the use of the word *sumptus* was associated with housekeeping in general and with the concept of expenses in particular.

Keywords: ancient Rome, sumptuary laws, ancient economy, *civitas*, *familia*, *sumptus*, *luxus*

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 20.02. 2024. Accepted: 25.04 2024.

For citation: Kvashnin VA. Once again about the category of «luxury» in the economy and law of ancient Rome. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–286. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-286>

Введение

В предшествующих работах нами ранее указывалось на необходимость корректного использования и даже перевода термина *leges sumptuariae* [1. С. 91–93]. Традиционно на русский язык он переводится как «законы о роскоши» или «законы против роскоши». Однако понятие «роскоши» как таковой в латинском языке передается термином «*luxus*» [2. *luxus*³.

This article is based on the author’s speech at the international conference the Fourth All-Russian Scientific Conference “The Economic History of Antiquity in World Historiography (In memory of Professor V.I. Kuzishchin)” in Moscow in January 2024.

Р. 1055; 3. *luxuria*. С. 606]. Производное от него понятие «*luxuria*» было связано с категориями чрезмерности, изобилия, избыточности [2. *luxuria*. Р. 1054; 3. *luxuria*. С. 606]. В сочинениях древних авторов лексемы, связанные с «*luxus*», корреспондируют с понятиями высокомерия, своеволия, непокорности. В то же время слово *sumptus* означает не роскошь как таковую, а расходы либо траты на что-либо. Поэтому *leges sumptuariae* буквально это не законы о роскоши, а законы о расходах, которые являются чрезмерными. В словаре И.Х. Дворецкого термин *lex sumptuaria*, собственно, и переведен как «закон о расходах» с прибавлением «на роскошь», причем, очевидно, что дополнение дается по контексту [3. *sumptuarius*. С. 606].

Самое раннее упоминание термина *sumptus* в значении «расход, трата» встречается в сочинениях Плавта и Катона Старшего (Plaut. *Trin.* 250; *Mer.* 693; *Mil.* 673; *Cat. Agr.* I. 5, XXII. 3). При этом следует отметить, что Плавт довольно редко использует слово *sumptus* в своих сочинениях. Не использует он и термин *luxus* в значении «роскошь», хотя в его пьесах один раз встречается слово *luxuriarii* (*Pseud.* 1107) и дважды *luxuria* (*Trin.* 8; *Asin.* 819). В связи с этим основное внимание должно быть обращено на творчество Катона Старшего, в текстах которого можно встретить многочисленные инварианты термина *sumptus*, используемые им применительно к однотипным ситуациям: *sumptuarius* — «касающийся расходов»; *rationes sumptuariae* — «счет расходов»; *sumpto publico* — «на общественный счет»; *sumptu (i) parcere* — «быть экономным в расходах»; *sumptum facere* — «быть экономным в расходах» [3. *sumptuarius, sumptus II*. С. 979].

Особо следует отметить, что в текстах Катона Старшего встречаются оба термина — *luxus* и *sumptus* — но в интересующем нас контексте в подавляющем большинстве случаев используется именно *sumptus*. Так, во фрагментах речей Катона Старшего встречается употребление таких слов, как *luxuriose* и *sumptu*, однако если в первом случае речь идет об избыточном состоянии радости, то во втором — именно о расходах (*ORF. Fragm.* 163, 173). Точно так же в «Земледелии» для характеристики неподобающей вилеку жены используется прилагательное *luxuriosus* в значении «своевольная, испорченная» (*Agr.* 143)¹.

Таким образом, говоря о понимании самими древними авторами смысла термина *leges sumptuariae*, следует выделить две семантически близкие линии, которые, во многом совпадая, тем не менее не являются тождественными. Так, *luxus* скорее ассоциировалось с явлениями, привнесенными в жизнь *civitas* эллинистической цивилизацией и ставшими следствием военной активности Рима на юге Италии и за ее пределами, т.е. с тем, что с легкой руки Вильяма Харриса стало именоваться «римским империализмом». Слово

¹ В этом плане следует обратить внимание на описание Титом Ливием триумфов Гнея Манлия Вольсона и Луция Корнелия Сципиона в 80-е гг. II в. до н.э., которые, по его мнению, принесли в Рим чужеземную роскошь. Как он замечает, это был «лишь зародыш будущей порчи нравов» в переводе Э.Г. Юнца (в оригинале «*semina erant futurae luxuriae*»).

sumptus, напротив, было связано с исконно римскими представлениями об умеренности и бережливости, которые необходимо рассматривать прежде всего в контексте хозяйственной жизни familia. Поэтому, если термин luxus отражал понятие роскоши как таковой, то употребление слова sumptus было связано (и куда глубже уходило в историю Рима) с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности.

Историографическая заметка

В отечественной историографии на данное обстоятельство обратил внимание Б.С. Ляпустин в своей статье 1991 г., посвященной закону Оппия. Как он отмечает, первые законы о роскоши были направлены на экономическое укрепление римской фамилии и недопущение непроизводительных трат ее членами. По его мнению, целью leges sumptuariae была экономическая защита и хозяйственное укрепление римской семейной организации за счет контроля над непроизводительными расходами [4. С. 50–62]. Как нам представляется, именно в данном контексте следует воспринимать знаменитую сентенцию Катона Старшего о том, что хорошему хозяину любо продавать, а не покупать (Agr. 2. 7).

Следует отметить, что уже в литературе XIX — начала XX вв. присутствовала точка зрения, согласно которой появление законов о роскоши было вызвано процессами экономического развития Рима. Их главной целью, по мнению ряда исследователей, была минимизация последствий тех новых экономических и социальных явлений, что были порождены «римским империализмом», что было актуально и для европейского общества второй половины XIX в. [5. С. 22]. Так, по мнению Этторе Паиса, законы о роскоши были связаны с финансовыми и, в частности, фискальными потребностями государства. Огромные средства, поглощаемые импортом предметов роскоши, вызывали озабоченность властей, видевших негативные последствия нового образа жизни знати как для общественной морали, так и экономической стабильности фамилии [6. Р. 458–459]. Последнее положение нашло свое развитие в работах Эмилио Габбы, согласно которому главной целью законов о роскоши было предотвращение экономического банкротства нобилитета в результате необдуманных или рискованных экономических операций. Неудачные инвестиции и новый стиль жизни, основанные на отказе от традиционных принципов умеренности и бережливости, имели своим следствием распыление семейного имущества (patrimonium), что могло привести к быстрому исчезновению многих знатных фамилий, лишившихся своей экономической основы. Законы о роскоши, по его мнению, были необходимы для поддержания финансовой и экономической стабильности знатных семейств, что гарантировало сохранение ведущего положения, которое они занимали в обществе и в политической жизни [7. Р. 27–4]. Аналогичный

подход характерен для Жан-Жака Обера, по мнению которого, появление законов о роскоши свидетельствует не только о феномене стремительного обогащения римской аристократии, но и о тех путях, которыми это богатство растрачивалось или инвестировалось. В связи с этим данные законы показывают не только проявления консюмеризма римской элиты, но и пример совершенно нового подхода в борьбе с моделями поведения, несущими вызов социальному порядку [8. Р. 168–169].

Как полагает Майкл Крауфорд, законы о роскоши находят объяснение, если рассматривать их как средство, необходимое римской аристократии для сохранения единства своей социальной страты. Он обращает внимание на то, что начиная со 181 г. до н.э. на протяжении примерно сорока лет принимается целая группа законов, призванных подавить различные проявления престижного потребления среди определенной части римской знати, вызывавших зависть и возмущение со стороны других аристократов. Таким образом, появление законов о роскоши в Риме рассматривается М. Крауфордом вслед за А. Тойнби, В. Харрисом, К. Хопкинсом в контексте процесса практически неконтролируемого и часто нелегитимного обогащения верхушки римской общины в период создания средиземноморской державы [9. Р. 79–80]².

Проблема источников

Высказанные соображения заставляют обратить внимание на источниковую базу исследуемой проблематики. Ее особенностью является отсутствие непосредственно юридических источников, в результате чего история римских законов о роскоши воспринимается через историко-антикварные штудии Авла Геллия и Макробия. Инго Заурвайн справедливо отмечает в этой связи, что «основной массой сведений по истории сумптуарного законодательства мы обязаны историкам, поэтам и антикварам» [11. S. 3]. К этому следует прибавить то обстоятельство, что не сохранились аутентичные тексты ни одного сумптуарного закона, что значительно сужает возможности исследователя, которому приходится довольствоваться сведениями об их содержании (как правило, очень краткими), содержащимися в античной литературе.

Основным источником по истории римского сумптуарного законодательства являются два больших отрывка из сочинений Авла Геллия (II в.) и Амвросия Феодосия Макробия (V в.). Дополнением к ним служат сообщения Цицерона, Ливия, Плиния Старшего и Афиней, в которых содержатся упоминания об отдельных законах о роскоши. В связи с этим основное

²Со взглядами М. Крауфорда во многом солидарен Фергюс Миллар, отметивший, что сумптуарные законы II в. до н.э. могут быть истолкованы в контексте потребности римской аристократии в поддержании внутрigrупповой солидарности. Одновременно эти законы отражали настроения широких народных масс, негативно относившихся к росту богатства частных лиц [10. Р. 9 + Not. 34].

внимание исследователей сосредоточено на 24-й главе II книги «Аттических ночей» Авла Геллия и 17-й главе III книги «Сатурналий» Макробия. Два этих отрывка настолько близки по структуре и содержанию, что это позволило исследователям поставить вопрос о заимствовании Макробием сведений, приводимых Авлом Геллием, либо зависимости обоих авторов от одного источника³. Вместе с тем были выявлены и определенные различия — не совпадает перечень законов о роскоши, приводимый авторами, отличаются хронологические рамки, датировка отдельных законов, что указывает на то, что Авл Геллий и Макробий могли пользоваться различными источниками [12. Р. 381–406].

Как сообщает сам Авл Геллий, он использовал сведения из сочинения «Сониестанеа» («Записная книжка»), принадлежащего видному юристу начала I в. н.э. Гаю Атею Капитону (II. 24. 2). Сочинение Атея Капитона является ценным источником, поскольку в нем были приведены тексты римских законов о роскоши (loc. cit.). Сходство сведений, сообщаемых Авлом Геллием и Макробием, позволяет предположить, что последний также использовал сочинение Гая Атея Капитона либо напрямую, либо через посредничество какого-то автора, скорее всего Серена Саммоника, на которого он дважды ссылается в 17-й главе своего труда.

То, что Макробий использовал непосредственно сведения Авла Геллия, выглядит сомнительным в свете отмеченных выше расхождений в сочинениях двух авторов, хотя в тексте «Сатурналий» и присутствует ссылка на некоего Геллия, упоминаемого без указания преномена. Как отмечает Анна Ботильери, для концепции Макробия в целом характерен более широкий охват материала. На основе анализа различных вариантов датировки *lex Fannia* у обоих авторов она приходит к выводу о существовании по крайней мере еще одного источника, которым пользовался Макробий. В упоминаемом в «Сатурналиях» Геллии она видит анналиста II в. до н.э. Гнея Геллия [5. Р. 95–96]. По ее мнению, Макробий использовал сведения Гнея Геллия не напрямую, а в пересказе Варрона (возможно, это были его «*Annales*»), сочинения которого были хорошо известны как ему самому, так и Авлу Геллию⁴.

Таким образом, отличительной чертой источниковой базы по истории римского сумптуарного законодательства является отсутствие сочинений римских юристов. Исключением является труд Капитона, который дошел лишь в передаче анналистических и антикварных сочинений. В сохранившихся древних правовых памятниках отсутствует характеристика *leges sumptuariae* как определенного вида законодательства. Нет упоминаний о законах о роскоши и в «*Edictum Perpetuum*», источнике преторского права, даже

³ Обзор соответствующей литературы см.: [5. Р. 83–96].

⁴ См. напр.: Gell. II.18.7, III.18.5, XIII.31.1, Macrobian. Sat. I.11.42, III.18.13, V.20.13.

несмотря на наличие короткого титула, посвященного расходам на погребения⁵. Хотя в тексте Дигест Юстиниана встречается термин *sumptus*, контекст его употребления далек от законов о роскоши⁶. Отсутствие широкого круга источников как юридического, так и неюридического характера объясняет, почему такие вопросы, как количество римских законов о роскоши, время их принятия или содержание конкретных законов, по-прежнему вызывают острую дискуссию.

Исчезнув к началу I в. н.э., эти законы долгое время не вызывали большого интереса не только в связи с утратой актуальности, но и из-за отсутствия информации о них. По-видимому, за исключением Гая Атея Капитона, заставшего при жизни последние законы о роскоши, этот вид законодательства так и не привлек внимания римских юристов. Всплеск интереса к законам о роскоши приходится на II в., когда центральным явлением духовной жизни римского общества становится классицизм, принявший четкие очертания архаизма⁷. Возникшая в обществе ориентация на идеализируемое прошлое вызвала активный поиск антикварного материала, его кропотливое изучение и попытки воспроизвести в подражаниях и переработках. Вместе с тем законы о роскоши, воспринимавшиеся ко времени жизни Авла Геллия и тем более Макробия в качестве архаичного реликта республиканской эпохи, с самого начала изучались не с точки зрения правовой науки, а сквозь призму морально-этических категорий, поскольку в первую очередь они были призваны подчеркнуть как превосходство «древних» нравов, так и несовершенство нравов, характерных для времени жизни «архаистов» периода империи.

«*Sumptus*» и «*luxus*»

Попытавшись определить точку пересечения семантических полей, связанных с употреблением терминов «*sumptus*» и «*luxus*», мы приближаемся к пониманию того, как и чем была очерчена сфера действия римских «законов

⁵ Как отмечает И. Зауэрвайн, это отчасти объясняет, почему современные исследователи рассматривают законы о роскоши как некое периферийное явление античной юридической мысли и даже в какой-то мере как правовой курьез или вовсе не упоминают о них [11. S. 2].

⁶ Нами было проанализировано 14 случаев употребления термина *sumptus* и производных от него *sumptuosus* и *sumptuosa* в тексте Дигест. Практически везде он употребляется в значении просто расходов, понесенных лицом в той или иной ситуации. Единственным исключением является отрывок из 70-й книги «Комментариев к эдикту» Ульпиана, в котором в качестве *sumptuosa* описывается вещь, слишком дорогая в содержании (Dig. 28.8.5.1). Другие случаи употребления термина *sumptus* см.: Dig. 3.5.9; 3.5.30.4; 5.1.79; 6.1.4.8; 10.2.39; 11.7.14.7; 24.3.42.1; 32.35.3; 35.1.80; 39.2.37; 45.1.102; 50.4.1.3; 50.7.7.

⁷ Ср.: «Интерес к памятникам старины усилился настолько, что они, получив авторитет совершенных и непререкаемых образцов, возводились теперь в норму латинской речи. Произведения старинных авторов, таких как Катон Старший, Энний, Плавт, Саллюстий, рекомендовались для чтения, комментировались и приводились в пример для подражания» [13. С. 253].

о роскоши». Первой точкой пересечения, без сомнения, является *familia* как исходный для рассматриваемой эпохи и одновременно базовый социоэкономический организм. Очевидно, что расходы, наносящие вред семейной организации или ставящие под угрозу ее существование, не могли не восприниматься в римском обществе как явление крайне отрицательное. Поэтому появление в Риме эпохи Республики законов, которые должны были исправить, а в идеале предотвратить подобную опасность, было неизбежным.

Второй точкой пересечения *luxus* и *sumptus* была *civitas*, сама римская гражданская община. Собственно говоря, две указанные точки и определили ареал распространения явления, которое мы обозначаем как «законы о роскоши». Помимо прочего, это позволяет отделить от *leges sumptuariae* внешне похожие законы (в силу чего они порой смешиваются в литературе), которые имели, однако, совершенно иные цели (законы, посвященные электоральной коррупции, вопросам наследования и т.д.). И плебесциты периода Ганнибаловой войны, и законы II–I вв. до н.э. в равной степени могут быть отнесены к *leges sumptuariae*, поскольку и те и другие были направлены против расходов, чреватых негативными последствиями, но принимались (и должны восприниматься нами) в различном социоэкономическом и политическом контексте.

Рассматривая термины *luxus* и *sumptus* как близкие по смыслу, но не совпадающие полностью, следует обратить внимание на то, что понятие *sumptus* не только явно возникло раньше по времени, но и было шире по своему содержанию. Тенденция к их слиянию (если их рассматривать в контексте истории *leges sumptuariae*) появляется не раньше II в. до н.э., когда «роскошь» (и расходы на нее) начинают проникать во все сферы общественного бытия Рима. Тем не менее, как нам представляется, полного растворения понятия *sumptus* в более широком концепте *luxus* в условиях античной цивилизации не произошло. Фактическое слияние двух терминов, имеющих разное смысловое наполнение, произошло намного позднее, когда был утрачен исторический контекст происхождения и истории римских законов о «роскоши».

Интеллектуальный продукт эпохи Просвещения

Ощущение того, что предложенные предшествующей историографической традицией модели, характеризующие содержание и эволюцию римских законов о роскоши, исчерпали себя, характерно для появившейся в 2002 г. монографии итальянской исследовательницы Анны Ботильери. Она отмечает, что законы о роскоши в своей совокупности не только отличались разнообразием, но и были неоднородны по причинам, их породившим. В связи с этим она критически оценивает присутствующую как в античной традиции, так и в современной историографии «унитарную» модель, созданную, по ее мнению, историками и антикварами Поздней республики и эпохи

Августа [5. С. 22]. Как полагает исследовательница, отдельные сумптуарные законы появлялись в разные периоды римской истории, были инициированы часто враждебными друг другу политическими группами и отражали проблемы и требования исключительно своей эпохи. В то же время она обращает внимание на постоянство существовавших в римском обществе моральных установок, ограничивавших избыточное потребление.

Размышляя о современном восприятии римских законов о роскоши, А. Ботильери считает его порождением определенной концепции, возникшей и сформировавшейся в основных чертах в эпоху Просвещения. Значительную роль в ее распространении сыграл выдающийся французский мыслитель Ш.-Л. Монтескьё, который в своих сочинениях «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*» («Размышления о причинах величия и падения римлян») 1734 г. и «*De l'esprit des loix*» («О духе законов») 1748 г. неоднократно обращался к теме роскоши, подчеркивая связь между законами о роскоши и процессом разложения традиционных норм морали и поведения человека. Влияние идей философа на последующую историографию трудно переоценить, хотя при этом следует учитывать, что в творчестве Монтескьё и других представителей Просвещения античные реминисценции преломлялись через призму проблем, актуальных для эпохи перехода к раннебуржуазному индустриально-аграрному обществу, получившему развитие в ряде стран Западной Европы. В результате в распоряжении современного исследователя имеется устоявшаяся оценка законов о роскоши, сложившаяся в рамках определенной историографической традиции.

Как отмечает А. Ботильери, первые дебаты относительно роскоши протекали в Европе Нового времени в контексте теории меркантилизма [5. С. 23]. Начиная с XVII в. трудности реального контроля за потреблением предметов роскоши вызвали убеждение в целесообразности введения налогов на определенные группы товаров, потребление которых свидетельствовало о высокой покупательной способности данного лица. В результате теоретически обосновывалась необходимость введения системы налогообложения, предполагавшей наличие фискального контроля за приобретением определенных групп товаров, облагаемых повышенной ставкой налога. Фактически речь шла о необходимости введения повышенного уровня налогообложения богатейшей части населения в интересах малоимущих групп общества [14].

Возникнув в Италии, где с XVI в. существовал налог на лошадей, налоги на предметы роскоши повсеместно стали вводиться на территории Западной Европы в XVII–XVIII вв. В Голландии в 1612 г. был введен налог на экипажи, в 1636 г. — на прислугу, несколько позднее — налог на лошадей. В Австрии в 1692 г. был введен налог на обувь, бильярд и кегли, в 1697 г. — на экипажи. В Швеции при Карле XII были введены налоги на мужскую одежду, изготовленную из шелка, позолоченные шпаги и парики [15]. Особое развитие данный вид налогов получил в Англии, где налог на экипажи был введен

в 1747 г., на лошадей — в 1784 г., на мужскую прислугу — в 1777 г., на женскую прислугу — в 1785 г. Во второй половине XIX вв. были введены налоги на серебряную и золотую посуду, карты, гербы, ружья, охоту. В Германии с конца XVII в. также были введены различные налоги на предметы роскоши: в 1698 г. налог на парики и экипажи, при Фридрихе Великом — на сапоги и башмаки с высокими каблуками, на всем протяжении XIX в. в различных немецких землях вводились налоги на собак и бильярд. Во Франции в 1759 г. были введены налоги на прислугу и лошадей, в 1795 г. — налог на экипажи, затем в XVIII–XIX вв. были введены налоги на бильярд, охоту, собак, велосипеды, фортепиано и др. Существовали подобные налоги и в России, где помимо налога на игральные карты, взимавшегося в интересах Императорского Воспитательного дома в Москве, в 1892 г. был введен налог на охоту, а в ряде городов были установлены местные сборы с собак, лошадей и экипажей [16. С. 105].

Заключение

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на истинное значение термина *leges sumptuariae*. Несмотря на то, что в отечественной традиции принято переводить их как законы о роскоши, под *leges sumptuariae* следует понимать законы о расходах, которые являются чрезмерными. При этом они были адресованы не индивидуальному, а коллективному субъекту в виде римской *familia* в лице представлявшей и возглавлявшей его фигуры *pater familias*. В своем развитии современная концепция законов о роскоши прошла несколько этапов, каждый из которых отражает проблематику и духовные запросы своего времени.

Первый этап формирования представления о *leges sumptuariae* приходится на эпоху Принципата, когда происходит переосмысление древних уже для того времени законов в духе концепции упадка нравов и моральной деградации римской общины, восходящей к разработкам авторов Средней и Поздней Республики⁸. Следы этой работы можно видеть в сочинениях Авла Геллия и Макробия, которые содержат основной корпус сведений об этих законах, доступный современному исследователю.

⁸ Любопытно, что при этом сами античные авторы нечетко представляли себе хронологический рубеж, после которого начинается разложение морали, традиционных устоев и образа жизни римлян. Квинт Фабий Пиктор считал таковым Третью Самнитскую войну (298–290 гг. до н. э.), Валерий Максим — поражение Филиппа Македонского в 197 г. до н. э., Тит Ливий — 187 г. до н. э., Полибий — 168 г. до н.э., Луций Кальпурний Пизон — 154 г. до н. э., Посидоний, Саллюстий, Веллей Патеркул — 146 г. до н.э. Как можно видеть, разброс дат, если отбросить хронологические крайности, составляет примерно 150 лет, с 290 по 146 гг. до н.э., занимая весь промежуток между Первой и Третьей Пуническими войнами. Среди современных авторов на это обстоятельство обращает внимание Э. Грюэн на примере датировок Полибия и Ливия [17. С. 173].

Второй этап переосмысления *leges sumptuariae* приходится на XVIII век, когда в рамках философских (и прежде всего социально-экономических) работ авторов эпохи Просвещения получила дальнейшее развитие идея законов о роскоши, воспринимавшихся в контексте античной концепции упадка нравов, проецировавшейся на европейское общество того времени. В условиях распространения богатства, возникавшего вне рамок традиционных экономических моделей и стратегий, связанных с эксплуатацией земельной собственности, и порожденного им избыточного потребления, осмыслявшихся как общественное зло, законы о роскоши стали восприниматься как одно из средств борьбы с ним⁹. Принципиальная разница заключается в том, что теперь законы должны были регулировать не отдельные виды расходов семьи как базового элемента общественного устройства, а устанавливать контроль за экономическим поведением отдельного индивида через налогообложение дорогих и престижных видов потребительских товаров.

В заключение следует отметить, что в подавляющем большинстве *leges sumptuariae* принадлежали к такой разновидности римского законодательства, как *lex imperfecta*¹⁰. Ее особенностью было отсутствие санкции, в связи с чем правовое регулирование осуществлялось не столько юридическими средствами, предполагавшими прямое принуждение со стороны государства, сколько институтами коллективного контроля морали римской общины, такими как регулярно проводившийся цензорами *regimen morum* [21. S. 35–39]. С этой точки зрения античные *leges sumptuariae*, строго говоря, не были законами в современном понимании этого слова, так же как и не имели своей целью борьбу с таким явлением, как роскошь.

⁹ Как отмечает М. Финли, из трех основных видов богатства, существовавших в античном мире (земля, деньги и рабы), господствующее положение занимала земельная собственность, поскольку она была связана с институтом гражданства [18. С. 53]. Он указывает на то, что в античном полисе деловая активность во многом была делом метеков и ксенов, сосредоточивших в своих руках морскую торговлю продуктами и предметами роскоши. В поисках ответа на вопрос, почему такие высокодоходные занятия, как морская торговля, передавались в руки лиц, не являющихся гражданами, М. Финли приходит к выводу о том, что все виды экономической деятельности, за исключением земледелия, противоречили полисной морали и ценностям гражданской общины. Различия в видах и способах экономической деятельности, стратегии инвестирования богатства в ту или иную сферу — все это, по мнению исследователя, определялось статусом, местом человека в социальной структуре [19. С. 60].

¹⁰ Как указывает Ульпиан, «закон бывает или совершенного вида, или несовершенного вида, или менее чем совершенного вида. Закон совершенного вида (*lex perfecta*) запрещает что-либо делать, а если сделано, то объявляет это ничтожным. Закон несовершенного вида (*lex imperfecta*) запрещает что-либо делать, а если сделано, то не объявляет это ничтожным и не накладывает наказания на того, кто действует вопреки закону...» (Reg. I. 1–2). Подробнее см. [20. P. 25–39].

Библиографический список

1. *Квашнин В.А.* Об одном парадоксе римских законов о роскоши // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 85–96.
2. *Glare P.G.W.* Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1976.
4. *Ляпустин Б.С.* Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1991. С. 50–62.
5. *Bottiglieri A.* La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana. Napoli, 2002.
6. *Pais E.* I pontifici, l'agricoltura e l'«anonna», «leges regiae» e «leges sumptuariae» // *Pais E.* Ricerche sulla storia e sul diritto pubblico di Roma. I. Roma, 1915. P. 423–465.
7. *Gabba E.* Del buon uso della ricchezza: Saggi di storia Economica e Sociale del Mondo Antico. Milano, 1988.
8. *Aubert J.-J.* The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection // The Cambridge Companion to the Roman Republic / ed. by H. Flower. Cambridge, 2006. P. 160–178.
9. *Crawford M.* The Roman Republic. Sussex (NJ), 1978.
10. *Millar F.* The Political Character of the classical Roman Republic, 200–151 B.C. // Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74. P. 1–19.
11. *Sauerwein I.* Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg, 1970.
12. *Türk E.* Macrobe et les «Nuits Attiques» // Latomus. 1965. XXIV. P. 381–406.
13. *Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.
14. *Fournier de Flaix E.* La réforme de l'impôt en France. V. I. Paris, 1885.
15. *Baudrillart H.* Histoire du luxe privé et public. T. III–IV. Paris, 1879–1880.
16. *Белковский Г.* Роскошь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVII (53).
17. *Gruen E.S.* Studies in Greek Culture and Roman Policy. Berkeley-LA-London., 1996.
18. *Finley M.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B.C. Oxford, 1985.
19. *Finley M.* The Ancient Economy. Berkeley-LA., 1973.
20. *McGinn Th. A.J.* The Expressive Function of Law and the Lex Imperfecta // Roman Legal Tradition. 2015. Vol. 11. P. 1–41.
21. *Baltrusch E.* Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1989.

References

1. Kвашнин VA. Ob odnom paradokse rimskih zakonov o roskoshi [On One Paradox of Roman Laws on Luxury. *Problems of history, philology, culture.* 2017;(4):85–96. (In Russ.).
2. Glare PGW. *Oxford Latin Dictionary.* Oxford; 1968.
3. Dvoretzkii IH. *Latinsko-ruskii slovar* [Latin-Russian dictionary]. Moskva; 1976. (In Russ.).
4. Lyapustin BS. Economicheskoe razvitie drevnego Rima v svete zakona Oppiya o roskoshi [The economic development of ancient Rome in the light of Oppius' Law on Luxury]. *Iz istorii antichnogo obshchestva.* Nizhny Novgorod; 1991, pp. 50–62.
5. Bottiglieri A. *La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana.* Napoli; 2002.
6. Pais E. I pontifici, l'agricoltura e l'«anonna», «leges regiae» e «leges sumptuariae». In: Pais E. *Ricerche sulla storia e sul diritto pubblico di Roma.* I. Roma; 1915. P. 423–465.
7. Gabba E. *Del buon uso della ricchezza: Saggi di storia Economica e Sociale del Mondo Antico.* Milano; 1988.
8. Aubert J.-J. The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection. In: H. Flower, editor. *The Cambridge Companion to the Roman Republic.* Cambridge; 2006. P. 160–178.
9. Crawford M. *The Roman Republic.* Sussex (NJ); 1978.

10. Millar F. The Political Character of the classical Roman Republic, 200–151 B.C. *Journal of Roman Studies*. 1984;(74):1–19.
11. Sauerwein I. *Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg; 1970.
12. Türk E. Macrobe et les «Nuits Attiques». *Latomus*. 1965; XXIV:381–406.
13. Kuznetsova TI, Strelnikova IP. *Oratorskoe iskustvo v drevnem Rime*. Moskva; 1976 (In Russ.).
14. Fournier de Flaix E. *La réforme de l'impôt en France*. V. I. Paris; 1885.
15. Baudrillart H. *Histoire du luxe privé et public*. T. III–IV. Paris; 1879–1880.
16. Belkovskii G. Roskosh [Luxury]. *Encyclopaedic Dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron*. Spb., 1899. T. XXVII (53). (In Russ.).
17. Gruen ES. *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley-LA-London; 1996.
18. Finley M. *Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B.C.* Oxford; 1985.
19. Finley M. *The Ancient Economy*. Berkeley-LA.; 1973.
20. McGinn ThAJ. The Expressive Function of Law and the Lex Imperfecta. *Roman Legal Tradition*. 2015;(11):1–41.
21. Baltrusch E. *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit*. München; 1989.

Информация об авторе:

Квашнин Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции, Вологодский государственный университет, 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, e-mail: kvashninv195@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0931-6207. SPIN-код: 2609-5610.

Information about the author:

Vladimir A. Kvashnin — Dr. Habil. History, Professor of the Department of Law, Vologda State University, 15 Lenina St., Vologda, 160000, Russian Federation, e-mail: kvashninv195@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0931-6207. SPIN-code: 2609-5610.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-287-303
EDN: JXCNHK

Научная статья / Research article

Экспрессия чисел в «Деяниях Божественного Августа»

А.В. Махлаюк

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, *Нижний Новгород, Российская Федерация*

✉ makhl@imomi.unn.ru

Аннотация. Рассматриваются характер и значение использованных в «Деяниях Божественного Августа» разнообразных числовых и статистических данных, показывается, какую реальность и как они описывают, на какое впечатление рассчитаны. Делается вывод, что числовые данные «Деяний» несут важную, во многих случаях уникальную и вполне достоверную информацию, показывающую грандиозность свершений принцепса. Очевидна сознательная установка автора «Деяний» на исключительно обильное использование числительных, которые и в датировочных формулах, и в собственно статистических сведениях придают нарративу деловой, конкретный характер, позволяя избежать чрезмерного и голословного пафоса, но в то же время с неотразимой очевидностью показывают безоговорочное превосходство Августа как благотворителя, военного и государственного лидера в сравнении как с современниками, так и с предшественниками, превращая автобиографический отчет в политическое завещание, обращенное к «Городу и миру» и устанавливающее ключевые идеологические параметры идеального правителя.

Ключевые слова: император Август, “Res gestae Divi Augusti”, Римская империя, Принципат, количественные данные

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 26.02.2024. Принята к публикации: 01.04.2024.

Благодарности. Финансирование: Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Для цитирования: Махлаюк А.В. Экспрессия чисел в «Деяниях Божественного Августа» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–303. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-303>

© Махлаюк А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Expressiveness of numbers in “The Achievements of the Divine Augustus”

Alexander V. Makhlaiuk

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, *Nizhny Novgorod, Russian Federation*

✉ makhl@imomi.unn.ru

Abstract. The article examines the nature and significance of the various numerical and statistical data used in the “Achievements of the Divine Augustus” (*Res gestae Divi Augusti*), and seeks to demonstrate what reality and how they describe, what impression they are designed to produce. It is concluded that the numerical data of the “Achievements” contain important, in many cases unique and quite reliable information, showing the grandeur of the princeps’ achievements. There is the conscious focus on the exceptionally abundant use of numerals, which both in dating formulas and in the actual statistical information give the narrative a businesslike, concrete character, allowing to avoid excessive and unfounded pathos, but at the same time, with irresistible obviousness, show the unconditional superiority of Augustus as a benefactor, military and state leader in comparison with both contemporaries and predecessors, turning an autobiographical account into a political testament addressed to the “City and the World” and establishing the key ideological parameters of an ideal ruler.

Keywords: Emperor Augustus, “*Res gestae Divi Augusti*”, Roman Empire, Principate, quantitative data, numerals

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 26.02.2024. Accepted: 01.04.2024.

Funding: The work was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant, project No. 20-18-00374 “Imperial Mediterranean: models, discourses and practices of imperialism from Antiquity to early modern times.”

For citation: Makhlaiuk AV. Expressiveness of numbers in “The Achievements of the Divine Augustus”. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–303. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-303>

Введение

Многие процессы и действия людей в истории, становящиеся историческим фактом и образующие исторические события (производство материальных благ, распространение верований, военные походы и сражения, общественные постройки, государственные церемонии и т. п.), очевидно, имеют количественное, «цифровое» выражение, так или иначе могут быть исчислены и во многих случаях сведены в статистические данные. Мимо такой информации не могли пройти и древние авторы, как об этом свидетельствуют многие памятники античной литературы, в том числе и прежде всего историописания, на страницах которых нередко дается

разнообразная количественная информация той или иной степени достоверности. В данном отношении особенно выделяются «Деяния божественного Августа» (далее — *RG*) — своеобразный автобиографический отчет-завещание, сохранившийся благодаря знаменитой Анкирской «царице надписей» (*regina inscriptionum*, по определению Т. Моммзена [1]) и другим эпиграфическим копиям из Антиохии Писидийской и Аполлонии. В этом небольшом тексте (6 неполных машинописных страниц), составленном одним из самых великих деятелей мировой истории, по известному выражению В. Гардхаузена, сказано «ни словом больше, ни словом меньше» (“kein Wort zu viel und kein Wort zu wenig” [2. S. 1284]). Он известен уже на протяжении почти 500 лет и продолжает скрупулезнейшим образом изучаться современной наукой¹, но, тем не менее, по-прежнему во многих отношениях остается произведением «загадочным, неуловимым, сбивающим с толку и непостижимым» (“puzzling, elusive, baffling and inscrutable” [7. P. V]), хотя и предстает как “a factual exposé of great sobriety” — «весьма трезвое изложение фактов» [8. С. 17].

Действительно, в обширнейшей литературе о «Деяниях», которые разобраны едва ли не до буковки, остаются, тем не менее, недостаточно освещенные вопросы. К ним можно отнести использование числительных и количественной информации. По сути дела, в историографии (насколько я ее знаю) нет специального исследования, в котором бы систематизировались и с должной подробностью и глубиной разбирались числовые и статистические данные как один из значимых элементов нарративной структуры и стратегии этого документа. Примечательно, что в указателе слов в издании Дж. Шайда [9] числительные вообще не приводятся, в отличие от других частей речи. Помимо ряда работ, посвященных анализу отдельных цифровых данных², и комментариев в существующих изданиях, в которых даются пояснения отдельным цифрам, прежде всего с точки зрения их достоверности³, мы имеем в основном общие замечания и попутные суждения по названному вопросу⁴. Так, Э. Рэмидж отмечает, что, наряду с использованием 1-го лица, важной характеристикой риторики «Деяний» является тот эффект, который на читателя производят приводимые в тексте числа, которые занимают, казалось бы, естественное место в рассказе о разнообразных свершениях, но по самой своей многочисленности и величине многих из них предполагают, что они служат и особой цели; различные перечни также способствуют кумулятивному

¹ О современных направлениях и проблемах изучения *RG* см. [3–4]. О более ранней истории их изучения и комментирования см. [5–6].

² См., например, [10–13]).

³ Наиболее важные недавние издания с комментариями: [9; 14]. См. также содержательные комментарии в работе: [6].

⁴ Например: [15. С. 185].

эффекту, и вся эта впечатляющая статистика создается всеобъемлющей личностью автора «Деяний» [16. Р. 28–29]. М. Штёткингер, рассмотревший *RGDA* в ряду римских историографических текстов, использовавших разного рода перечни, указывает, что, несмотря на точные числа и цифры, приведенные в тексте, перечисленные почести и достижения парадоксальным образом ускользают от всякого четкого расчета, и чисто математическая оценка становится недостаточной, при этом, хотя со стратегической точки зрения текст претендует на сухой и полностью рациональный характер, на самом деле *RGDA* ошеломляют своих читателей, открывая перед ними несравненную массу престижных достижений [17. Р. 37–39].

Пожалуй, наиболее развернутую характеристику цифрового материала в «Деяниях» дает в своей недавней статье Иоганна Мария Клаассен [18], которая даже называет соответствующий раздел “Dazzling ‘statistical pyrotechnics’” — «Ослепительная “статистическая пиротехника”», ибо “*Res Gestae*” используют статистику прежде всего для того, чтобы впечатлить читателей масштабностью предприятий Августа, вызвать у них удивление, создавая при этом впечатление объективности и бесконечности трудов принцепса на благо его народа. С этой статистической игрой непосредственно связано использование порядковых числительных для обозначения количества лет его трибунской власти или его консульств в качестве альтернативного или вспомогательного метода датировки. В целом же, как заключает Клаассен, «важна целостная картина щедрости Августа, а не ее отдельные части. Это типично популистский шаг».

Принимая во внимание обозначенные результаты исследования цифр в *RGDA*, попытаемся ответить на несколько взаимосвязанных вопросов: какую реальность и как — с нарратологической или дискурсивной точки зрения — описывают все эти числительные? какую картину они помогают создать? на какое впечатление рассчитаны? насколько лукавы были некоторые цифры? можно ли сказать, перефразируя Гардхаузена, что в «Деяниях» использовано «ни цифрой больше, ни цифрой меньше»?

Пристрастие к цифрам и его истоки

RG, бесспорно, представляют собой один из самых насыщенных цифрами текстов во всей античной литературе. В заглавии, 35 главах и небольшом «Аппендиксе» на почти 2500 слов приходится более 100 разнообразных числительных, как порядковых, так и количественных (их большинство) и разделительных, а также числительных наречий, таких как *bis*, *ter* (8.2, 13.1, 22.1), *quarter* (17.1, 22.2), *quinqüiens* (22.1); кроме того, числительные наречия также служат для обозначения количественных

и порядковых чисел в соответствии с латинским способом выражения больших цифр. И всё это не считая тех слов, в корнях которых есть числительные, как, например, в наименованиях должностей: триумвир, септемвир, квиндецемвир, именах собственных, как Квинт или Секст, либо в названиях кораблей, как трирема, либо в указании временного промежутка, как *quinquennium*; есть и глагол с числовым значением — *duplicare* (20.2). Таким образом, из 35 глав числительные отсутствуют только в 10 (а если брать только количественные, то они представлены в 14 главах); в отдельных же главах наличествует и по 8 (гл. 4 и 8), и по 10 *numeralia* (гл. 22); самой насыщенной цифровой информацией является гл. 15, в которой сообщается о раздачах народу: здесь 21 числительное (25 слов и одна цифра) приходится на текст, насчитывающий 128 слов. Большая часть этих числительных (включая весьма внушительные) записана словами, меньшая — цифрами (всего 7, с числами от 12 до 890). При этом значительная их часть с полным основанием может быть отнесена к сугубо статистическим данным, которые приводятся с поистине бухгалтерской дотошностью, так что некоторые пассажи «Деяний» напоминают страницы «Книги рекордов Гиннеса» (как, скажем, указание в гл. 23 точных размеров того искусственного водоема, который был вырыт за Тибром для устройства по случаю освящения храма Марса Мстителя во 2 г. до н.э. навмахии — зрелища морского сражения (*navalis proeli spectaculum*, как выражается Август, сознательно избегая термина, заимствованного из греческого языка): 1 800 футов в длину и 1 200 футов в ширину⁵.

С собственно числительными по своему эффекту сопоставимы такие часто используемые прилагательные, имеющие количественные импликациии, как *omnis* (11 раз), *universus* (5 раз), *totus* (3 раза), *multus* (2 раза в гл. 8.5), а также *cunctus* (10.2), *numquam minus* (15.1), *pluribus multo* (18), *grandis* (20.1), *plurimae* (32.3), *frequentissimae* (28.2) и т.п. [16. С. 29] Обращает на себя внимание также частое употребление при численных данных наречия *cirtiter* («приблизительно, около»): в тексте «Деяний» насчитывается 7 таких случаев, и они явно свидетельствуют об аккуратности автора в обращении с цифрами, как и те числа, которые приводятся им с точностью до десятков или даже единиц.

⁵ Другие источники, сообщающие об этом мероприятии и дающие дополнительную информацию, таких цифр не сообщают. См.: Ovid. *Ars am.* I.171–174; Suet. *Aug.* 43.1; Vell. Pat. II.100.2; Tac. *Ann.* XII.56.1; Eus.-Hier. *Chron. ab Abr.* 2014, 168 Helm. Зато Кассий Дион, вероятно, в силу своей склонности к экзотике, добавляет две любопытные цифры: на играх в честь освящения храма Марса Мстителя было убито 260 львов, а после навмахии в наполненном водой Фламиниевом цирке уничтожено 36 крокодилов (Cass. Dio LV.10.7). Август, тем не менее, тоже упоминает истребленных на проводимых им играх животных (причем именно африканских), но называет только общую цифру: 3 500 за все время, что находился у власти, в ходе 26 соответствующих зрелищ (22.3).

Такая насыщенность цифровыми показателями, с одной стороны, не вызывает удивления, если принять во внимание не только жанровые особенности памятника⁶, но и личностные качества Августа, который, как известно, весьма щепетильно относился и к своим государственным обязанностям, и к тому, как его речи и поступки будут выглядеть в глазах современников и потомков [19].

При этом первый принцепс, судя по прямым указаниям источников, постоянно заботился о полноте и систематизации соответствующих сведений и точных расчетах предпринимаемых им государственных мероприятий.

Показательно в этом отношении свидетельство Кассия Диона (LIV.25.5), согласно которому, вернувшись в Рим в 13 г. до н.э. по завершении дел в галльских, германских и испанских провинциях, Август на заседании сената из-за охрипшего горла не смог сам произнести речь, но поручил ее прочтение квестору, передав ему «свиток со своей речью, в которой перечислял свои достижения и устанавливал правила, касающиеся сроков военной службы граждан и размеров денежных выплат, которые они должны получать при увольнении в отставку вместо земли, которую они всегда требовали». Можно вспомнить, что среди трех документов, оглашенных в сенате после кончины императора, наряду с распоряжением о похоронах и «Деяниями», была, как пишет Светоний, «книга государственных дел (*breviarium totius imperii*), в которой была информация о том, сколько где воинов под знаменами, сколько денег в государственном казначействе, в императорской казне и в податных недоимках; поименно были указаны все рабы и отпущенники, с которых можно было потребовать отчет» (Suet. *Aug.* 101.4. Пер. М.Л. Гаспарова; ср. Cass. Dio LVI.33.1–2). Тацит называет ее просто *libellus* («записка»), указывая, в дополнение к сказанному Светонием, что в ней «содержались сведения... о числе кораблей, о царствах, провинциях, налогах прямых и косвенных, об обычных расходах и суммах, предназначенных для раздач и пожалований», причем подчеркивается, что все это было написано Августом собственноручно — *sua manu* (Tac. *Ann.* I. 11. 6–7. Пер. А.С. Бобовича).

Эта деталь весьма показательна и хорошо соотносится с известным свидетельством Светония (*Aug.* 84.1–2) о том, что Август всегда тщательно обдумывал и записывал свои речи и выступал по записанному тексту перед сенатом, народом и воинами и даже в частных разговорах со своей супругой Ливией пользовался заранее составленными записками. Можно, наверное, сказать, что принцепс отслеживал и вникал в количественные характеристики государственных и финансовых дел с великим тщанием,

⁶ В свое время Т. Моммзен определил *RG* как *Rechenschaftsbericht* — «бухгалтерский отчет» [1].

лично отслеживая движение различных ресурсов и средств, и отчасти именно в силу этой своей склонности наполнил свои «Деяния» обширной цифровой информацией, в связи с чем некоторые исследователи пишут о присущей Августу «ментальности держателя счета» (account-holder mentality) [17. С. 37]. Не будет большим преувеличением провести аналогию с той характеристикой, какую в «Сильвах» дает Папиний Стаций Тиберию Юлию, отцу своего друга Клавдия Этруска, вольноотпущеннику императора Тиберия, служившему при нем и при последующих императорах вплоть до Домициана на финансовых должностях, возведенному во всадническое достоинство Веспасианом и занявшим при нем пост *a rationibus*, т. е. главы финансового ведомства⁷. Этот финансовый чиновник, по словам поэта, был:

*Неусыпный тот страж с умом всеохватным,
Скорый на дело, всегда мог сказать, сколько войску потребно,
Сколько по трибам уйдет, на храмы, на водоотводы,
Требуют сколько себе приморские крепости, сколько –
Сеть проезжих дорог, убегающих вдаль по просторам;
Золота сколько блестит в высоких покоях владычных,
Сколько расплавил огонь, чтоб покрыть бессмертные лики...*

(Stat. *Silvae*. III.3.98–105. Пер. Т.Л. Александровой)

Вполне возможно, что и Август, при котором еще не существовало специального финансового ведомства, примерно с такой же тщательностью следил за расходами и доходами и своего *patrimonium*'а, и государственных средств. В любом случае не подлежит сомнению, что и в общем замысле, и в отборе и форме подачи материала отразились личностные качества первого принцепса.

Не вдаваясь в обзор продолжающихся дискуссий о жанровых особенностях, возможных образцах, «месседжах», целях и адресатах «Деяний»⁸, следует отметить, что с точки зрения насыщенности нарратива цифровым материалом, сопровождающим перечисление славных деяний, сочинение

⁷ См. о нем [20].

⁸ См., в частности, обзоры: [21. Р. 23–34; 9. Р. xliii–liii; 14. Р. 30–43]. Каковы бы ни были предлагаемые в литературе конкретные оценки всех этих моментов (например, больших надписей древневосточных владык от месопотамских и египетских царей до Дария I как возможного прообраза *RG*, обоснования обожествления как основной цели «Деяний»), представляется очевидным, что Август не подражал какому-либо одному образцу, но создал произведение *sui generis* [14. С. 34], типично римское по своему мировоззрению и связывающее воедино *res gestae* (военные достижения) и *impensae* (расходы, финансируемые за счет военных трофеев, *ex manubiis*) [21. С. 31], это произведение есть прежде всего автобиография особого стиля [9. Р. li].

Августа имеет своим прямым прообразом эпиграфические элогию триумфаторов, известные как собственно в надписях, так и в литературной традиции, а также некоторые надписи другого рода, хотя и близкие элогиям по своему характеру. В числе первых прежде всего можно назвать известную надпись консула 260 г. до н.э. Гая Дуилия (*CIL* XII, 25 = *ILS* 65 = *ILRRP* 319), в которой сообщается, что он выиграл знаменитое морское сражение против карфагенян при Милах в I Пуническую войну, взял штурмом неприятельский город, первым из римлян создал боеспособный флот, и дается перечень трофеев и добычи с конкретными цифрами: захваченные корабли разных классов, золото и серебро⁹. У Диодора Сицилийского (*Diod.* XL.4) и Плиния Старшего (*Plin. HN.* VII.26.97–98) сообщается о надписи Помпея Великого с посвящением добычи в храм Венеры, сделанным в 61 г. до н.э. в день триумфа, с подробным перечислением не только результатов его победоносных кампаний в Азии (выраженных в конкретных цифрах: 12 183 000 человек было покорено, 846 кораблей, 1 538 городов и крепостей захвачено), но и денежных сумм и прочих ценностей из добычи, посвящаемых богине, в частности, 1260 золотых предметов и 307 талантов серебра¹⁰. Прямой параллелью перечню *impensae* в «Деяниях» Августа служит отмеченное Диодором заявление Помпея об увеличении доходов римского народа [14. С. 33]. Примечательным примером второго рода эпиграфических памятников является знаменитая трехязычная надпись (на латыни, греческом и египетском языках) 27–26 гг. до н.э. с острова Филы. Она превозносит деяния Гая Корнелия Галла, который был первым префектом Египта после его превращения в римскую провинцию, но потом впал в немилость Августа и покончил с собой¹¹. В этой надписи префект гордо сообщает, что победил врага за 15 дней, одержав победу в двух сражениях, взял пять городов, захватил вождей мятежников, провел войско за порог Нила: прежде до этого места не доходили вооруженные силы ни римского народа, ни царей; принял царя эфиопов под покровительство Рима, назначил тирана в одну из областей Эфиопии (*ILS* 8995; перевод на русский язык: [24. С. 218]). Как и в «Деяниях», этот текст дает статистическую информацию, чтобы придать объективный, фактический вид тому, что на самом деле является субъективным мнением [14. С. 32]. Можно констатировать, что во всех этих текстах наличествует «та же плотность текста, то же стремление произвести впечатление на читателя... тот же бухгалтерский менталитет (корабли, деньги, даже время), но самое главное, такой же акцент на неординарных действиях руководителя», как и в *RG* [25. С. 271].

⁹ См. подробнее [22].

¹⁰ См.: [9. P. 31–33; 23. S. 72–75; 6. С. 60–61].

¹¹ О судьбе Галла см.: *Suet. Aug.* 66.2; *Cass. Dio* LIII.23.5–24.1.

Стоит также отметить, что и для других жанров римской эпиграфики (эпитафий, постановлений в честь городских эвергетов и знатных патронов, строительных надписей и т. д.) характерно широкое включение количественных данных, отмечающих этапы карьеры, возраст, расходы на общественные нужды и дары согражданам, стоимость посвящений, размеры погребальных памятников или общественных построек, и т.д. В этом смысле *RG* находятся вполне в русле римской эпиграфической (и деловой¹²) культуры, которая подразумевала значимость цифровой информации и интерес к ней как со стороны составителей, так и со стороны адресатов публичных и частных надписей, и в этом можно видеть одно из проявлений типично римской ментальности с присущими ей конкретностью мышления и пристрастием к наглядной грандиозности.

Скрупулезность, величие и лукавство чисел

Так или иначе, по объему и разнообразию такой информации «Деяния» Августа, безусловно, выделяются, и если как-то классифицировать многочисленные цифры, в них приведенные, то можно с известной условностью выделить следующие группы.

1) *Автобиографические сведения*. Сюда можно отнести указания на возраст автора в тот или иной момент его деятельности, этапы карьеры, должности и почести: 21 императорская аккламация (4.1)¹³; 2 овации и 3 триумфа, 9 царей или царских детей, проведенных в триумфе (4.3)¹⁴; 55 назначенных сенатом благодарственных молебствий, совершавшихся в общей сложности 890 дней (4.2); 13 консулатов¹⁵, 37 лет трибунской власти (4.4; ср. Тас. *Ann.* I.9.2); трехкратный отказ от должности куратора законов и нравов с высшей властью (6.1), пятикратное назначение сенатом коллеги, обладающего этой властью (6.2); 10 лет в должности

¹² Можно вспомнить в данном контексте о книгах прихода и расхода (*tabula accepti et expensi*), которые вел глава семейства. Однако попытка уподобить «Деяния» такого рода документам [26. S. 280–281] не встретила поддержки в литературе.

¹³ Ср. Тас. *Ann.* I.9.2: *nomen imperatoris semel atque uiciens partum*.

¹⁴ Речь идет о тройном триумфе, отпразднованном в 29 г. до н.э. В шествии перед колесницей Августа были проведены Александр Гелиос и Клеопатра Селена, дети Клеопатры и Антония (Cass. Dio LI.21.8), Александр Эмесский (Cass. Dio LI.2.2), а также галатский царевич Адриорикс с женой и детьми (Strab. XII.543–558). Вероятно, в число 9 Август включает и Клеопатру, чье изображение было пронесено в процессии.

¹⁵ Как замечает Тацит, излагая суждения об Августе, высказываемые в обществе после кончины принцепса (*Ann.* I.9.2), «консульств... у него было столько же, сколько у Валерия Корва и Гая Мария вместе» (6 и 7 соответственно). В этом пассаже эксплицитно выражено то историческое сравнение, на которое, по-видимому, рассчитывал автор «Деяний», приводя подобные цифры.

триумвира¹⁶, принцепс сената «в течение 40 лет вплоть до того дня, когда я это написал» (7.1–2); 3 раза осуществленный пересмотр списка сенаторов (8.2). К этому перечню можно добавить и сведения о почестях усыновленным внукам Августа, Гаю и Луцию Цезарям, которые получили назначение консулами, «когда им шел 15-й год, с тем чтобы они вступили в эту должность спустя 5 лет» (14.1). Все эти цифры наглядно показывают выдающееся положение и заслуги Августа, отмеченные беспрецедентными почестями.

В высшей степени примечательно, что текст «Деяний» начинается и заканчивается с указаний на возраст автора, и таким образом задаются общие рамки нарратива, охватывающие 55 лет — от первых шагов 19-летнего юноши до 75-летнего старца, подводящего итоги долгого жизненного пути и записывающего свой отчет (35.2: *cum scripsi haec, annum agebam septuagensimum sextum*). В самых первых словах «Деяний» (1.1) Август неспроста подчеркивает свой юный 19-летний возраст (*annos undeviginti natus*)¹⁷, в каком он, будучи частным лицом (*privatus*), вступил в политическую борьбу в критический для Республики момент истории. Для проницательного читателя здесь не только была очевидна отсылка к Ромулу, который стал царем в 18 лет, но и имплицитное притязание на превосходство над выдающимися героями времен Республики, которые в юном возрасте, минуя обычный *cursus honorum*, проявили себя выдающимися военачальниками и спасителями государства, как Сципион Эмилиан или Помпей [28. P. 256 ff.]¹⁸.

2) *Даты*. Используемые Августом датировочные формулы, с одной стороны, вполне традиционны для римского летоисчисления — по именам консулов (1.2; 5.1; 6.1; 8.3; 8.4; 10; 11; 12.2 и др.), но, с другой стороны, он по необходимости многократно прибегает к указанию на порядковый номер своего консульства (8.1; 15.1; 15.4; 20.4; 20.5; 22.2; 34.1; 35.1) и, кроме того, трижды использует новый способ датировки, который впоследствии утвердится как таковой у его преемников, — по годам трибунской власти: в первом случае указано общее количество консулатов (13) и 37-м годом *tribunicia potestas*

¹⁶ Ср. Suet. *Aug.* 27.1. Август «забывает» о годичном периоде до возобновления триумvirата в 37 г. до н.э., когда его положение во власти было не формализовано законом; не учитывается и пробел в официальных полномочиях, возникший в 32 г. до н.э., за год до его третьего консульства, которое началось 1 января 31 г. до н.э. [14. С. 134].

¹⁷ Юный возраст был указан и на статуе, воздвигнутой в январе 43 г. до н.э. по постановлению сената в честь Октавиана (*Vell. Pat.* II.61.3), который гордился и тем, что стал консулом в таком возрасте, в каком никто до него не был (*Cass. Dio* XLVI.46.2). См. [27].

¹⁸ На отсылку к примеру Помпея в начальной фразе «Деяний» указывается и в работе: [29]. Об этом пассаже см. также [30]. М. Шпангель, исходя из анализа этого пассажа, считает возможным принять в качестве отправной точки принципата события, описанные в главе 1, которые представлены так, чтобы дать понять, что он достиг положения принцепса задолго до того, как он стал единоличным правителем [31].

обозначено время, когда писались «Деяния» (4.4); во втором — 12-м годом трибунской власти отмечена очередная раздача денег народу (15.1), а в третьем использована двойная датировка — 18-й год трибунской власти и 12-е консульство (15.2). Таким образом, исподволь вводя с помощью цифр важную инновацию, Август в то же время сохраняет прежнюю систему, которая, однако, дает ему возможность дополнительно подчеркнуть исключительность своей государственной карьеры и значение трибунской власти как одной из важнейших основ его положения во главе государства (ср. [32. С. 167]).

3) *Демографическая статистика*. Это прежде всего приведенные в гл. 8.2–4 сведения об итогах цензовых переписей граждан, показывающие существенный прирост населения за время правления Августа: от 4 063 000¹⁹ в 28 г. до н.э. до 4 233 000 в 8 г. до н.э. и 4 937 000 в 14 г. н.э. В эту группу можно включить и данные о численности получателей денежных и продуктовых раздач в Риме (*plebs frumentaria*) и колониях: не менее 250 000, немногим более 200 000 и 320 000 столичных плебеев²⁰ в разных мероприятиях, 120 000 человек, получивших триумфальный конгиарий в ветеранских колониях (15.1–4). Эти цифры непосредственно пересекаются с теми, которые образуют 4-ю группу.

4) *Расходы (impensae) на разного рода благодеяния*, т. е. количественное измерение личной «щедрости» принцепса²¹: колоссальные денежные суммы, потраченные на раздачу народу (с указанием размеров выплат на человека: по 300 сестерциев, дважды по 60 денариев и дважды по 400 сестерциев) и ветеранам, на пополнение казны и т.д., которые в сумме составляют более 1 млрд сестерциев (гл. 15–24). Здесь названы самые крупные цифры, такие как почти 600 млн сестерциев жителям Италии за их земельную собственность, около 260 млн жителям провинций за их земельные участки, около 400 млн вознаграждения за службу воинам²², отслужившим свой срок и выведенным в муниципии (16.1–2), 150 млн в эрарий и 170 млн в военную

¹⁹ В греческом переводе эта цифра ошибочно дана как 4 603 000. Август также подчеркивает, что ценз был проведен им впервые после 42-летнего перерыва, но не сообщает о том, что изменил принципы переписи, также учтя женщин и, по крайней мере, часть детей, что объясняет значительный рост числа граждан между 70/69 г. до н.э. (910 000 человек мужского пола) и 28 г. до н.э. О дискуссиях вокруг этих цифр см. [33–34].

²⁰ О различных категориях и изменениях численности получателей раздач в Риме см. [35. Р. 186–189, 192–196].

²¹ Весьма показательно для общей тональности *RG*, что все расходы, упомянутые там, так или иначе относятся лично к Августу: они производятся из наследства Цезаря, военной добычи или собственных средств и никак не связываются с выплатами, производимыми из регулярных доходов государства [36. С. 191].

²² Любопытно, что в отличие от латинского текста, где просто сказано о выплате вознаграждения за службу (*praemia numerato persolvi*), в греческом тексте использовано выражение *φιλανθρωπῶς ὀνόματι ἔδωκα* («я дал по доброте [своей]»), что акцентирует персональную щедрость Августа.

казну (17.1–2). Отмечает Август и свою помощь налогоплательщикам: в случае недостатка налоговых поступлений он из своих средств выдавал «взносы трибута хлебом и деньгами иногда 100 000 человек, а иногда значительно большему количеству» (18). Щедрое бескорыстие (а также благочестие и скромность) императора проявились и в переплавке 80 серебряных статуй, изображавших его пешим, на коне или в квадриге, и в приобретении на вырученные деньги золота для передачи в храм Аполлона (24.2)²³. Об этом же свидетельствует посвящение на средства из военной добычи 100 млн сестерциев в Капитолий, в храмы божественного Юлия, Аполлона, Весты и Марса Мстителя (21.2); возвращение муниципиям и колониям Италии вечноного золота весом в 35 000 фунтов (= 147 млн сестерциев), переданного ими для триумфов Августа (21.3), что, безусловно, должно было подчеркнуть особые отношения принцепса и Италии, в отличие от провинций, где такие подношения римским полководцам фактически превратились в скрытый налог и явно выражали не столько искреннюю признательность подвластных, сколько их подчиненное положение [37].

5) *Количественные показатели государственно-политических и военных достижений, строительных работ и организованных зрелищ*. Эти показатели не менее многочисленны, разнообразны и грандиозны. Автор не упускает возможность сообщить о том, что около 500 000 римских граждан принесли ему воинскую присягу, а из них более 300 000, отбывших срок военной службы, были выведены в колонии или отпущены в их муниципии (3.3). Упоминаются два победоносных сражения против цезареубийц (2), захват 600 кораблей (3.4)²⁴, троекратное закрытие храма Януса в ознаменование наступившего мира (13), восстановление 82 храмов в Риме (20.4)²⁵, передача господам для наказания 30 000 беглых рабов, поднявших оружие против государства (25.1), 28 колоний в Италии, выведенных по инициативе Августа (28.2), возвращение трофеев и значков, захваченных у трех римских армий (29.2). В главах 22–23, посвященных зрелищам, названо не только их количество

²³ Это, вероятно, произошло в 28 г. до н.э., когда Октавиан исполнял обязанности цензора [14. С. 212]. Светоний, обсуждая отказ Августа от культового почитания, добавляет, что вырученные средства пошли на изготовление золотых треножников для храма Аполлона Палатинского (Suet. *Aug.* 52). Кассий Дион (LIII.22.3), однако, утверждает, что Август использовал эти деньги для финансирования строительства дорог, заявляя, что оплачивает работы из своего кармана.

²⁴ Это число, очевидно, включает более 300 кораблей, потерянных Секстом Помпеем в 36 г. до н.э., в битвах при Милах и при Навлохе (App. *BC.* V.108, 118, 121), и 300 кораблей, потерянных Антонием при Акции (Plut. *Ant.* 68.2, с ссылкой на автобиографию Августа).

²⁵ Ливий (IV.20.7) называет Августа *templorum omnium conditorem ac restitutorem* («основателем и восстановителем всех храмов»). Судя по всему, Августу удалось предстать перед современниками в таком качестве, и указание в *RG* количества отреставрированных храмов было одним из средств решения этой задачи. Ни Светоний (*Aug.* 30.2), ни Кассий Дион (LIII.2.4), сообщающие о восстановлении храмов, не называют никаких цифр.

(трижды гладиаторские игры от своего имени и 5 раз от имени сыновей и внуков, прочие игры — 4 раза от своего имени и 23 раза вместо других магистратов от их имени, 26 раз звериные травли), но и число задействованных участников (10 000 гладиаторов и 3 000 бойцов в навмахии) и убитых зверей (3 500). Упоминает Август и о том, что он трижды пересматривал список сенаторов, что на войне против Антония и Клеопатры под его знаменами было более 700 сенаторов, в том числе 83 консула, которые получили свой пост либо до этого, либо уже после, а также около 170 жрецов (25.3).

Большинство всех этих цифр, несомненно, нацелены на то, чтобы подчеркнуть уникальность достижений Августа, его недостижимое превосходство над предшественниками практически во всех отношениях. Вместе с тем их присутствие в документе, имеющем характер политического завещания, задает определенные ориентиры как последующим правителям Рима, многие из которых будут стремиться если не превзойти первого принцепса, то, по крайней мере, приблизиться к нему (например, в количестве императорских аккламаций, размахе зрелищ, щедрости раздач и т.д.), так и другим группам, в сознании которых формировалось и закреплялось представление об императоре как всеобщем благодетеле и ревнителе государственных интересов.

Вместе с тем, констатируя значимость и достаточную достоверность числовой информации «Деяний», не следует упускать из виду и определенное лукавство сообщаемых Августом цифр. В отдельных случаях он, приводя одни цифры, не указывает других, связанных с одной и той же ситуацией, как в случае с рабами, захваченными после разгрома Секста Помпея: сообщается только о 30 000 рабов, возвращенных хозяевам для наказания (25.1), тогда как о 6 000 распятых (Oros. VI.18.33) ничего не говорится [38. С. 66], вероятно, из нежелания предстать в невыгодном свете. Указание на поддержку «более 700 сенаторов» (25.3) без упоминания о том, что в сенат к концу 30-х гг. до н.э. входило более 1 000 человек, создает впечатление, что практически весь сенат воевал на стороне Октавиана, хотя на деле до 300 сенаторов поддерживали Антония²⁶ [18]. Допускает автор «Деяний» и другие неявные преувеличения. Так, по его словам, «цари из Индии часто (saere) направляли ко мне посольства» (31.1), но из других источников достоверно известно только о двух таких миссиях: одна посетила Августа в испанской Тарраконе в 25 г. до н.э. (Oros. VI.21.19–20), другая — на Самосе в 20 г. до н.э. (Cass. Dio LIV.9.8–10; Strab. XV.1.4; 1.72–73)²⁷.

²⁶ Sub signis meis tum militaverint. Это звучит явным преувеличением, поскольку большинство из этих сенаторов, скорее всего, оставались в Риме. Возникает и вопрос: откуда именно Август мог взять цифры о числе консуляров и жрецов среди этих сенаторов? Возможно, он вел подробное досье на представителей высшей знати [16. С. 289].

²⁷ Дж. Шайд [9. С. 79] пишет о четырех известных посольствах, но данные о еще двух сомнительны, поэтому правильнее говорить, что в этом случае Август всё же преувеличивает [14. Р. 249–250]. Важно, что само упоминание об этих посольствах имеет своей подоплекой подспудно присутствующее в *RG* соперничество с Александром Великим [39. Р. 296–298].

Заключение

Так или иначе, взятые в целом числовые данные «Деяний» несут важную, во многих случаях уникальную и вполне достоверную информацию, показывающую грандиозность свершений принцепса. Очевидна сознательная установка автора на исключительно обильное использование числительных, которые и в датировочных формулах, и в собственно статистических сведениях придают нарративу деловой, конкретный характер, позволяя избежать чрезмерного и голословного пафоса, но в то же время с неотразимой очевидностью показывают безоговорочное превосходство Августа как благотворителя, военного и государственного лидера в сравнении как с современниками, так и с предшественниками (вплоть до Александра Великого), превращая автобиографический отчет в политическое завещание, обращенное к «Городу и миру» и устанавливающее ключевые идеологические параметры идеального правителя. В связи с этим стоит обратить внимание на Appendix к «Деяниям», который написан от третьего лица и, вероятно, был составлен на греческом Востоке для провинциальной аудитории [14. С. 19]. В нем названа сначала общая сумма, переданная Августом в казну, римскому плебсу и отставным воинам и составившая 600 000 000 денариев²⁸, т.е. 2,4 млрд сестерциев²⁹, а потом дается перечисление самых разнообразных расходов: на строительство и ремонт храмов³⁰, других зданий и сооружений, на зрелища и помощь городам, пострадавшим от стихийных бедствий, а также на помощь отдельным друзьям и сенаторам для пополнения их состояния до цензового уровня. Примечательно, что для всех этих расходов никакая сумма не называется, а только констатируется, что они были неисчислимы: *impensa... innumerabilis*³¹ (App. 4). Думается, что такая констатация связана не только и не столько с непосильностью для составителя этого суммирующего добавления произвести подсчет ввиду отсутствия соответствующих данных в самих «Деяниях»³². Слово *innumerabilis*, которым заканчивается эпиграфический текст, может выражать и то общее

²⁸ Использование здесь денариев как денежной единицы указывает на то, что это добавление к авторскому тексту *RG* было составлено на греческом Востоке [40. С. 273].

²⁹ Тщательный разбор, из чего складывается эта сумма, см. в работе [11].

³⁰ Названо общее число восстановленных храмов — 82, как в *RG* 20.4.

³¹ В греческом варианте ἄλετρον πλῆθος.

³² В самих *RG* о помощи пострадавшим провинциальным городам вообще не упоминается, и это дополнение также свидетельствует о составлении «Аппендикса» в провинции и для провинциалов. Ничего не говорится в основном тексте и о пополнении состояния сенаторов как об одном из важных благодеяний Августа (ср. Suet. *Aug.* 41.1; Cass. Dio LV.13.6), что, по справедливому мнению Г. Клофта, может объясняться деликатностью принцепса, который не хотел таким упоминанием намекнуть на зависимость и неполноценность статуса сенаторов [41. S. 78–79].

впечатление, на которое он был рассчитан самим автором, включившим в него солидную массу числовых данных, а именно: за статистической конкретностью и множеством цифр, относящихся к ключевым сферам государственной жизни, должна для всех стать очевидной мысль о безмерной щедрости и самоотверженном служении «Отца Отечества» государству, согражданам и подданным.

Библиографический список

1. Mommsen Th. Der Rechenschaftsbericht des Augustus. *Historische Zeitschrift*. 1887;(57):385–397.
2. Gardthausen V. *Augustus und seine Zeit*. Bd. 1.3. Leipzig: Teubner; 1891.
3. Arena P. Le *Res Gestae* nel dibattito contemporaneo: un bilancio. In: *Augusto dopo il bimillenario. Un bilancio*. S. Seregni (ed.). Firenze : Mondadori Education; 2018, pp. 8–19.
4. Marcone A. Le *Res Gestae* di Augusto: questioni aperte. In: *Augusto dopo il bimillenario. Un bilancio*. S. Seregni (ed.). Firenze : Mondadori Education; 2018, pp. 1–7.
5. Diesner HJ. Augustus und sein Tatenbericht. Die *Res gestae Divi Augusti* in der Vorstellungswelt ihrer und unserer Zeit. *Klio*. 1985;(67):35–42.
6. Ridley RT. *The Emperor's Retrospect: Augustus' Res gestae in Epigraphy, Historiography and Commentary*. Leuven — Dudley, MA; 2003.
7. Firth JB. *Augustus Caesar and the Organization of the Empire*. New York—London : G.P. Putnam's Sons; 1903.
8. Nicolet C. *Space, Geography, and Politics in the Early Roman Empire*. Ann Arbor : University of Michigan Press; 1991.
9. Scheid J. *Res Gestae Divi Augusti. Hauts faits du divin Auguste*. Paris : Les Belles Lettres; 2007.
10. Wilcken U. Zu den Impensae der *Res Gestae divi Augusti*. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. 1931;(27):772–785.
11. Wolters R. Zum Anhang der *Res Gestae divi Augusti*. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1988;(75):197–206.
12. Di Jorio F., Timpani M. Alcune osservazioni sulle spese (impensae) di Ottaviano Augusto menzionate nelle *Res Gestae*. *Revista Numismática HÉCATE*. 2021;(8):81–90.
13. Pekáry T. 'Statuae meae... argenteae steterunt in urbe XXC circiter, quas ipse sustuli: Interpretationen zu *Res Gestae Divi Augusti* 24. In: *Monumentum Chiloniense: Studien zur augusteischen Zeit: Kieler Festschrift E. Burck zum 70. Geburtstag*. E. Lefèvre (Hg.). Amsterdam : Verlag Adolf Hakkert; 1975, pp. 96–108.
14. Cooley AE. *Res Gestae Divi Augusti. Text, Translation, and Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009.
15. Escribano Paño MV. La escritura de la Historia en la *Res Publica*: Las *Res Gestae Divi Augusti*. In: *Repúblicas y ciudadanos: modelos de participación cívica en el mundo antiguo*. F.M. Simón, F. Pina Polo, J. Remesal Rodríguez (eds). Barcelona : Edicions Universitat Barcelona; 2006, pp. 167–190.
16. Ramage ES. *The Nature and Purpose of Augustus' 'Res Gestae'*. Stuttgart : Franz Steiner; 1987.
17. Stöckinger M. Between Narrativity, Memory, and Administration: Lists in Roman Historiography. In: *Forms of List-Making. Epistemic, Literary, and Visual Enumeration*. R.A. Barton, J. Böckling, S. Link, A. Rüggeheimer (Hg.). Cham : Springer Nature; 2022, pp. 27–52.

18. Claassen JM. Auto-memorialisation: Augustus' *Res Gestae* as slanted narrative. In *die Skriflig*. 2019;53(3),a2442 Available from: <https://indieskriflig.org.za/index.php/skriflig/article/view/2442/5638>. [Accessed 12.11.2023]
19. Makhlaiuk AV. «Chto skazhet o nas istorija?...» O nekotoryh aspektah i motivah memorial'noj politiki Oktaviana Avgusta ["What will history tell about us?.."] On some aspects and motives of the Octavian Augustus' memorial policy]. *Istoricheskij vestnik* 2017;19:170–225. (In Russ.).
20. Weaver PRC. The Father of Claudius Etruscus: Statius, *Silvae* 3.3 *Classical Quarterly*. 1965;15 (1):145–154.
21. Gagé J. *Res Gestae Divi Augusti ex Monumentis Ancyrano et Antiocheno Latinis Ancyrano et Apolloniensi Graecis*. Paris : Les Belles Lettres; 1935.
22. Kondratieff E. The Column and coinage of C. Duilius: Innovations in iconography in large and small media in the Middle Republic. *Scripta Classica Israelica*. 2004;(23):1–40.
23. Heuss A. Zeitgeschichte als Ideologie. Bemerkungen zu Komposition und Gedankenführung der "Res gestae Divi Augusti". In: *Monumentum Chiloniense. Studien zur augustäischen Zeit: Kieler Festschrift für Erich Burck zum 70. Geburtstag*. E. Lefèvre (Hg.). Amsterdam : Verlag Adolf Hakkert; 1975, S. 55–95.
24. Parfjonov VN. *Imperator Cezar' Avgust: Armija. Vojna. Politika* [Emperor Caesar Augustus: Army. War. Policy]. St. Petersburg : Aleteia; 2001. (In Russ.).
25. Ridley RT. Augustus: the emperor writes his own account. In: *Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity: A Brill Companion*. G. Marasco (ed.). Leiden : Brill; 2011, pp. 267–314.
26. Wölfflin E., von. Epigraphische Beiträge. Über zwei Inschriften der Kaiser Augustus und Hadrian. *Sitzungsberichte der bayerischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse*. 1886, S. 253–287.
27. Starr RJ. Annos undeviginti natus: Augustus and Romulus in *Res Gestae* 1.1. *Historia*. 2009;58 (3):367–369.
28. Hodgson L. Appropriation and adaptation: Republican idiom in *Res Gestae* 1.1. *Classical Quarterly*. 2014;64 (1):254–269.
29. Lehmann GA. Der Beginn der *Res gestae* des Augustus und das politische exemplum des Cn. Pompeius Magnus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2004;148:151–162.
30. Lauffer S. Annos undeviginti natus. In: *Althistorische Studien. Hermann Bengtson zum 70. Geburtstag dargebracht von Kollegen und Schülern*. H. Heinen, K. Stroheker (Hg.). Wiesbaden; 1983, S. 174–177.
31. Spannagel M. Annos undeviginti natus... Die Rückführung von Augustus' Principat auf die Jahre 44/43 v.Chr. In: *Le principat d'Auguste: Réalités et représentations du pouvoir. Autour de la Res publica restituta. Actes du colloque de l'Université de Nantes 1–2 juin 2007*. F. Hurllet, B. Mineo (eds). Rennes : Presses Universitaires de Rennes; 2009, pp. 25–47.
32. Lacey WK. *Augustus and the Principate. The Evolution of the System*. Leeds : Francis Cairns; 1996.
33. Nicolet C. Les fastes d'Ostie et les recensements augustéens. In: *Epigrafia. Actes du Colloque international d'épigraphie latine en mémoire de Attilio Degrassi*. Rome : Université de Roma; La Sapienza; École française de Rome; 1991, pp. 119–131.
34. Lo Cascio E. The size of the Roman population: Beloch and the meaning of the Augustan census figures. *Journal of Roman Studies*. 1994;(84):23–40.
35. Virlouvet C. *Tessera frumentaria. Les procédures de la distribution du blé public à Rome*. Rome : École française de Rome; 1995.
36. Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 B.C.–A.D. 337)*. London : Duckworth; 1977.
37. Kubitschek. *Aurum coronarium*. In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. II. Stuttgart; 1896, Sp. 2552–2553.
38. Brunt PA, Moore JM. *Res gestae divi Augusti. The Achievements of the Divine Augustus*. Oxford : Oxford University Press; 1967.

39. Nenci G. *L'imitatio Alexandri nelle Res Gestae Divi Augusti*. In: *Introduzione alle guerre persiane e altri saggi di storia antica*. Pisa : Goliardica Editrice; 1958, pp. 283–308.
40. Cooley AE. The Res Gestae in its Provincial Contexts. *Lampas*. 2019;(52):262–275.
41. Kloft H. *Liberalitas principis. Herkunft Und Bedeutung: Studien Zur Prinzipatsideologie*. Köln : Böhlau; 1970.

Информация об авторе:

Махлаюк Александр Валентинович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 603950, Российская Федерация, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, e-mail: makhl@imomi.unn.ru. ORCID: 0000-0002-7758-2374

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-304-315

EDN: JRKYAY

Научная статья / Research article

Институт заложничества в римской политической практике в конце Республики и в начале Империи

В.О. Никишин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ cicero74@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем обстоятельством, что даже на исходе первой четверти XXI в. термин «заложники», обозначающий лиц, противоправно удерживаемых для достижения какой-либо цели (военной, политической, экономической и т.п.), отнюдь не исчез из политического словаря. Безусловно, между политическим институтом заложничества, получившим широкое распространение в древнем мире и являвшимся важным элементом дипломатической практики той эпохи, и заложниками, которых в новейшее время неоднократно захватывали и насильно удерживали террористы и экстремисты всех мастей, не останавливавшиеся перед убийством или нанесением тяжкого вреда здоровью захваченных ими людей, пролегла дистанция огромного размера. Цель исследования — выявить особенности института заложничества в античности на примере древнего Рима. Проанализировав источники, автор пришел к выводу: если в эпоху Республики эпизодов, связанных с пребыванием в Риме царственных заложников, было крайне мало и хоть сколько-нибудь продуманная политика в этом направлении отсутствовала в принципе, то с установлением Империи ее основатель, Август, начал проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентских государств во главе с монархами, которые, живя в Риме на положении заложников, воспитывались, получали образование и подвергались романизации с тем, чтобы в дальнейшем служить императору в качестве верных вассалов и проводников римского влияния на периферии. В силу ряда причин эта политика не увенчалась успехом, и преемники Августа постепенно от нее отказались.

Ключевые слова: Римская империя, клиентские цари, вассальные царства, Август, «мягкая сила», царица Эрато, царица Муза, Архелай I Филопатор, Фраат IV, Ирод I Великий

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 31.01.2024. Принята к публикации: 01.04.2024.

© Никишин В.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Никишин В.О.* Институт заложничества в римской политической практике в конце Республики и в начале Империи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-315>

The institution of hostages in Roman political practice at the end of the Republic and at the beginning of the Empire

Vladimir O. Nikishin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ cicero74@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the fact that even at the end of the first quarter of the 21st century the term “hostages”, meaning persons unlawfully held to achieve some goal (military, political, economic, etc.), has by no means disappeared from the political vocabulary. Of course, between the political institution of hostages, which became widespread in the ancient world and was an important element of the diplomatic practice of that epoch, and hostages, who in modern times were repeatedly captured and forcibly held by terrorists and extremists of all stripes, who did not stop at killing or causing grave harm to the health of the captured people, a huge distance has passed. The purpose of this study is to identify the features of the institution of hostage in antiquity using the example of ancient Rome. Having analyzed the sources, the author came to the conclusion: if during the epoch of the Republic there were very few episodes associated with the stay of royal hostages in Rome and there was no well-thought-out policy in this direction in principle, then with the establishment of the Empire its founder, Augustus, began to pursue a political course aimed at creating an entire system of client states dependent on Rome, led by monarchs who, living in Rome as hostages, were raised, educated and subjected to Romanization in order to subsequently serve the emperor as loyal vassals and conductors of Roman influence in the periphery. For a number of reasons, this policy was not successful, and Augustus’ successors gradually abandoned it.

Keywords: Roman Empire, client kings, vassal kingdoms, Augustus, “soft power”, queen Erato, queen Muse, Archelaus I Philopator, Phraates IV, Herod I the Great

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 31.01.2024. Accepted: 01.04.2024.

For citation: Nikishin V.O. The institution of hostages in Roman political practice at the end of the Republic and at the beginning of the Empire. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–315. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-315>

Введение

С древнейших времен римляне давали другим и сами брали заложников — *obsides* — в качестве гарантов исполнения заключенного договора, о чем неоднократно сообщает в своей «Истории» Тит Ливий (II. 13. 4–10; IX. 15. 7; XXXVI. 40. 3; XXXVII. 45. 16). Иногда подобная акция имела своей целью

продемонстрировать превосходство римлян над их партнерами по переговорам. Об одном таком эпизоде повествует тот же Ливий: вступив в переговоры с римлянами, македонский царь Персей «дал в заложники Гиппия и Пантавха, знатнейших своих друзей, которые раньше были его послами. Заложников потребовали не столько ради обеспечения верности, сколько с целью показать союзникам, что встреча царя с легатами происходит далеко не на равных» (XLII. 39. 7. *Здесь и далее пер. Н.Н. Трухиной*). В этой статье мы сосредоточимся на тех заложниках, которые представляли в Риме царские дома Востока.

Вначале отметим такой существенный момент: значение слова *obses* («заложник») в античности сильно отличалось от современного. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что те августейшие *obsides*, о которых далее пойдет речь, как правило, не испытывали особых стеснений в плане свободы передвижения, вращались в высших кругах римского общества, завязывая полезные знакомства, которые могли им пригодиться в будущем [8. Р. 9–10], посещали школы вместе с представителями римской знати, изучали греческий и латынь [15. С. 40]. Таким образом, пребывание в Риме, вне всякого сомнения, шло этим людям на пользу. Как писал в начале II в. в одной из своих сатир Ювенал, «только взгляни, что делают связи: заложником прибыл — здесь человеком стал» (*aspice quid faciant commercia: venerat obses, hic fiunt homines*) (II. 166–167. *Пер. Д.С. Недовича*).

Заложники — представители эллинистических царских домов

Одним из таких заложников был Деметрий, младший сын македонского царя Филиппа V (221–179 гг. до н.э.), отправленный в Рим после поражения его отца во Второй Македонской войне (Polyb. XVIII. 39. 5; Liv. XXXIII. 13. 14; 30. 10; XL. 15. 8; Plut. Flam. 9). В 191 г. до н.э., проведя в Риме пять лет, Деметрий с милостивого разрешения сената вернулся на родину (Polyb. XXI. 2. 3; Liv. XXXV. 31. 5; XXXVI. 35. 13; App. Maced. 9. 5; Syr. 20). Годы, проведенные в Вечном городе, не прошли для царевича бесследно: видевшие во вчерашнем заложнике будущего царя Македонии сенаторы не сомневались в преданности Деметрия интересам Рима (Liv. XXXIX. 47. 10). В дальнейшем явные знаки благоволения, которые сенат выказывал своему протезе, его же и погубили (Liv. XXXIX. 48. 1) [подробнее об этом см.: 10].

В случае с Деметрием ситуация более или менее ясна: его отец проиграл войну и был вынужден заключить с Римской республикой крайне невыгодный для себя договор, соблюдение которого гарантировалось пребыванием Деметрия в Риме. Нет ничего удивительного в том, что римская правящая элита постаралась превратить македонского царевича в убежденного романофила, которого со временем можно было бы сделать вассальным царем Македонии. Этот сценарий не реализовался: судьба Деметрия сложилась печально (он был убит по приказу отца: Just. XXXII. 2. 10); тем не менее, сама

тема пребывания в Риме царственных *obsides* с Востока имела продолжение. Время от времени сенат официально соглашался принять на берегах Тибра представителя одного из тех царских домов Востока, с которыми римская *civitas* находилась в дипломатических отношениях. Как правило, речь шла о союзном и/или вассальном государстве, правитель которого, исходя из собственных политических интересов, направлял в Рим сына, племянника или другого своего родственника на более или менее длительный срок, официально — с целью получения образования, неофициально — цели могли быть самыми разными, от подтверждения лояльности до попытки избавиться от потенциального конкурента в борьбе за власть. Яркий тому пример — эпизод с царевичем Ариаратом, о котором сообщают Ливий (XLII. 19. 3–6) и Диодор (XXXI. 19. 7). По сведениям Ливия, в 172 г. до н.э. в Рим прибыл малолетний (*puer*) каппадокийский царевич Ариарат, старший сын царя Ариарата IV Эвсеба (220–163 гг. до н.э.) и Антиохиды, дочери заклятого врага Рима Антиоха III (223–187 гг. до н.э.). Как пишет римский историк, отец «направил сына в Рим на воспитание, чтобы тот с детства привык к римским порядкам и к римлянам» (XLII. 19. 4). Такова была официальная версия. На самом деле, как считает О.Л. Габелко, Ариарат IV, намереваясь передать престол младшему сыну, Митридату (будущему Ариарату V), отправил старшего отпрыска в Рим, чтобы тем самым избавить своего любимца от потенциального конкурента [3. С. 107–108]. Дальнейшая судьба старшего сына Ариарата IV неизвестна; не подлежит сомнению лишь то, что царем Каппадокии он так и не стал (Diod. XXXI. 19. 8).

Порой пребывание в Риме членов эллинистических династий затягивалось на долгие годы. Так, после поражения, понесенного Антиохом III в войне с римлянами, в Италию в качестве заложника отправился его младший сын Антиох (Liv. XLII. 6. 9; XLIV. 19. 8; Per. 41; 1 Макк 1. 10; Athen. X. 438 d), будущий царь Антиох IV Эпифан [подробнее об этом см.: 1]. Он находился в Риме в 189–178 гг. до н.э. Годы, проведенные Антиохом в Вечном Городе, где он вращался в высших кругах (Just. XXXIV. 3. 2), не прошли даром, и, став царем (175 г. до н.э.), он сохранял лояльность по отношению к Риму [6. С. 128]. Антиох IV, несомненно, испытал сильное влияние римской культуры повседневности: известно, что он любил переодеваться в тогу и, сидя в курульном кресле на агоре, вершил суд (Polyb. XXVI. 1. 3–5; Liv. XLI. 20. 1; Diod. XXIX. 32. 1), на досуге устраивал гладиаторские игры, прихотив к кровавым зрелищам местную молодежь (Liv. XLI. 20. 11–13), а в Антиохии даже выстроил храм Юпитера Капитолийского (*ibid.* 9; Per. 41).

В роли заложника Антиоха в Риме сменил его племянник Деметрий — сын Селевка IV Филопатора (187–175 гг. до н.э.), будущий Деметрий I Сотер (Just. XXXIV. 3. 6; App. Syr. 45). Он провел в Риме 16 лет (178–162 гг. до н.э.). Условиями своего содержания Деметрий остался доволен: уже будучи царем, в знак своей признательности он отправил в Рим золотой венок (App. Syr. 47).

У него сложились прекрасные личные отношения со многими представителями римской правящей элиты, тем не менее, его кандидатура на престол Селевкидов не устраивала сенат, который решил поддержать двоюродного брата Деметрия, 9-летнего Антиоха V Эвпатора (Polyb. XXXI. 12. 37–38; App. Syr. 46). Не смирившийся с таким оборотом дела Деметрий в 162 г. до н.э. с помощью своего друга, известного историка Полибия, бежал из Рима и вскоре, осуществив переворот у себя на родине, взошел на престол (Polyb. XXXI. 20. 61–22. 72; Athen. X. 440 b; Jos. Ant. Jud. XII. 10. 1; App. Syr. 47; Just. XXXIV. 3. 8–9). Характерно, что убийство легитимного правителя, 11-летнего царя Антиоха V, и его регента Лисия, осуществленное по приказу Деметрия I (Jos. Ant. Jud. XII. 10. 1; App. Syr. 47; Just. XXXIV. 3. 9), не помешало сенату сперва признать узурпатора законным царем (Polyb. XXXII. 4. 8), а впоследствии поддержать притязания на власть «детей» Антиоха IV — царевны Лаодики и самозванца Александра Баласа (Polyb. XXXIII. 18. 12–14). Здесь, как и во многих других случаях, сенат следовал своей традиционной политике *divide et impera* («разделяй и властвуй»). В 150 г. до н.э. Деметрий I Сотер погиб в борьбе с Александром Баласом (Jos. Ant. Jud. XIII. 2. 4).

«Проект Августа»

Прошло более ста лет, возможно, самых бурных в истории Рима, и вот уже Август, утвердившись в роли властителя огромной Средиземноморской державы, взял на вооружение практику романизации отпрысков чужеземных властителей. Если в республиканскую эпоху подобных случаев было крайне мало и ни о какой продуманной политике в этом направлении говорить не приходилось, то Август начал проводить политический курс, направленный на создание целой системы зависимых от Рима клиентских, или клиентных монархий [8. С. 10]. Вассальные правители, которых Тацит назвал как-то “*servientes reges*” (Hist. II. 81. 1), т.е. «царями-прислужниками», *de jure* являлись «друзьями и союзниками римского народа», а *de facto* — клиентами римской *civitas* [7. С. 135]. Тот же Тацит в «Агриколе» (14. 2) презрительно охарактеризовал их как «орудия рабства» (*instrumenta servitutis*). О политике Августа по отношению ко всем этим *servientes reges* Светоний сообщает следующее: «Царства, которыми он овладел по праву войны, он почти все или вернул прежним их властителям, или передал другим иноземцам. Союзных царей он связывал друг с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» (Aug. 48. *Пер. М.Л. Гаспарова*). Некоторых из вассальных царей Август не забыл и в своем завещании (Dio Cass. LVI. 32. 2). Характерно, что император отнюдь не принуждал облеченных властью

родителей присылать своих сыновей в Рим: инициатива всегда исходила от самих царей [8. С. 12]. Несомненно, Август рассчитывал в дальнейшем сделать из этих людей проводников политического и культурного влияния Рима в ряде сопредельных и/или подконтрольных ему стран [5. С. 145]. Таким образом, вчерашние заложники (*obsides*) становились инструментами той «мягкой силы», которую императорская администрация стремилась с большим или меньшим успехом использовать на периферии державы.

Парфянские заложники

В частности, Август пытался использовать эту «мягкую силу» в отношении соседней Парфии, но действовал он в этом направлении весьма осторожно и деликатно, избегая каких бы то ни было резких движений. Военным действиям на Востоке император предпочитал дипломатию. Так, он не стал помогать узурпатору Тиридату II (31–30, 26–25 гг. до н.э.), однако предоставил ему убежище, немалое содержание и отказал в его выдаче парфянам; впрочем, рассчитывая на продолжение мирного диалога с царем Фраатом IV (38–2 гг. до н.э.), Август отпустил домой его сына, который был задержан им в качестве заложника (*Dio Cass. LI. 18. 3; LIII. 33. 2; Just. XLII. 5. 8–9*). Спустя два десятилетия, в 9 г. до н.э., Фраат IV по собственной инициативе прислал в Рим четырех своих сыновей и четырех внуков, всего восемь человек [2. С. 164; 5. С. 136; 8. Р. 12]. Об этой парфянской акции сообщает целый ряд источников (*RGDA. 32. 2; Suet. Aug. 21. 3; 43. 4; Eutrop. VII. 9; Strabo. VI. 4. 2; XVI. 1. 28; Just. XLII. 5. 12; Vell. II. 94; Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 4; Oros. Hist. VI. 21. 29*). Разумеется, возникает вопрос о мотивации царя. Парфянские источники по понятным причинам молчат на сей счет. Официальная точка зрения римской стороны изложена от имени Августа в *RGDA. 32. 2*: царь прислал в Рим своих детей и внуков, ища «нашей дружбы» (*amicitiam nostram... retens*). Таким образом, сам факт отправки царевичей в Рим Август «преподнес римской общественности как очередной символ признания парфянами превосходства Рима» [5. С. 146].

С такой оценкой не согласился Корнелий Тацит. По его мнению, Фраат IV сделал это «не столько из страха пред нами, сколько из недоверия к своим соплеменникам» (*Ann. II. 1. 2. Здесь и далее пер. А.С. Бобовича*). Когда спустя без малого шесть десятилетий, в 49 г., ко двору Клавдия прибыла очередная группа парфянских заложников (*obsides*), тот же Тацит так объяснил мотивацию парфян: «Для того и отдают они нам заложниками царских детей, чтобы иметь возможность, если властитель их родины станет им в тягость, обратиться к принцепсу и сенаторам и получить от них более приемлемого и усвоившего наши нравы царя» (*Ann. XII. 10. 2*). Иосиф Флавий (*Ant. Jud. XVIII. 2. 4*) объясняет решение Фраата IV происками его жены Музы, коварной интриганки то ли италийского, то ли малоазийского происхождения [4. С. 62],

которая 7 лет спустя отравила мужа, чтобы посадить на престол своего сына Фраатака, вошедшего в историю под именем Фраата V (2 г. до н.э. — 4 г. н.э.). Приведенные сентенции Тацита и Флавия сходятся в главном: отправка в Рим царских отпрысков была одним из эпизодов в той циничной и беспощадной борьбе за власть, которая, то усиливаясь, то затихая, велась при царском дворе в Ктесифоне. Сам Фраат IV в свое время, чтобы занять престол и усидеть на нем, убил отца, царя Орода II, тридцать братьев и даже своего старшего сына (Plut. Crass. 33; Ant. 37; Just. XLII. 5. 1–2). По мнению А.Р. Панова, «передача наследников была вызвана предчувствием династической оппозиции, и решение отправить их в Рим имело свои преимущества» [5. С. 144].

Что касается сыновей Фраата IV, то в дальнейшем судьба их сложилась по-разному: Сераспадан и Родасп умерли в Риме (CIL VI. 1799), Вонон и Фраат вернулись в Парфию (Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 4; Tac. Ann. II. 2; VI. 32). В 7 г. парфяне, убив Орода III (4–7 гг.), сами обратились к Августу с просьбой дать им в цари Вонона. Император согласился, и Вонон [см. о нем: 7. P. 68], получивший в Риме греко-римское воспитание и образование, стал царем Парфии (RGDA. 33; Jos. Ant. Jud. XVIII. 2. 4). Парфянская знать скоро разочаровалась в новом царе: для них он был «чужаком» (*externus*) (Tac. Ann. II. 1. 1), «отравленным вражескими навыками» (*hostibus artium infectus*) (Tac. Ann. II. 2. 3. *Пер. авт.*). Сам Вонон I (7–12 гг.) опрометчиво не счел нужным скорректировать свое поведение в чуждой для него культурной среде и тем самым только усугубил собственное и без того шаткое положение: по словам Тацита, «чуждый обычаям предков (*diversus a maiorum institutis*), он редко охотился и был равнодушен к конным забавам; на улицах городов появлялся не иначе как на носилках и пренебрегал такими пирами, какими они были на его родине. Вызывали насмешки и его приближенные греки (*inridebantur et Graeci comites*)» (Ann. II. 2. 5–6). Привитые Вонону греко-римским воспитанием доступность и обходительность (*prompti aditus, obvia comitas*) в глазах подданных царя выглядели не как добродетели (*virtutes*), а как пороки (*vitia*) (*ibid.* 6). «И поскольку все это было несходно с их нравами (*quia ipsorum moribus aliena*), они питали равную ненависть и к дурному, и к хорошему в нем» (*loc. cit.*).

Прошло совсем немного времени, и против римского ставленника выступил представитель младшей ветви династии Аршакидов, Артабан III (12–38 гг.), чья юность прошла среди воинственных кочевников-дагов, или дахов (*apud Dahas adultus*) (Tac. Ann. II. 3. 1). В борьбе с Артабаном Вонон I терпит поражение и бежит в Великую Армению (*ibid.* 2). Такой исход военно-политического противостояния был символичен: «отравленного» греко-римской цивилизацией незадачливого Вонона I одолел харизматичный лидер «национальной» оппозиции Артабан III, которому удалось воссоздать могущество Парфянской державы [9. С. 48]. Прочарствовав несколько лет в Великой Армении (12–16 гг.), Вонон уехал в Сирию (Tac. Ann. II. 4. 3–4; Jos.

Ant. Jud. XVIII. 2. 4), а в 19 г. был убит римлянами в Киликии (Tac. Ann. II. 68. 3–4; Suet. Tib. 49).

Тот же Тацит противопоставляет жестокость «воспитанного среди скифов» Артабана III «мягкому характеру» (*ingenium*) получившего воспитание и образование в Риме (*Romanas per artes*) еще одного представителя династии Аршакидов — внука Фраата IV, Тиридата (Ann. VI. 41. 2). Характерно, что «изнеженный на чужбине» (*externa mollitia*) (Ann. VI. 43. 4) римский ставленник Тиридат III (35–36 гг.) проиграл борьбу за власть Артабану III (Ann. VI. 44. 1–7). Годом ранее по просьбе мятежной парфянской знати Тиберий отправил в Парфию очередного римского ставленника — престарелого Фраата, младшего сына Фраата IV, прожившего в Риме более 40 лет (Ann. VI. 31. 4–32. 1). Однако Фраат VI, едва добравшись до Сирии и сменив «образ жизни, усвоенный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер (*Phraates apud Syriam dum omissis cultu Romano, cui per tot annos insueverat, instituta Parthorum sumit, patriis moribus impar morbo absumptus est*)» (Ann. VI. 32. 4). Таким образом, в очередной раз конфликт между *cultus Romanus* и *instituta Parthorum* разрешился смертью человека, ставшего «чужим среди своих».

Сын злополучного Вонона I Мегердат, подобно отцу, был «воспитанником Рима» (*alumnus Urbis*) (Tac. Ann. XII. 11. 3. Ср.: Ann. XI. 10. 4; XII. 10. 1–4). Враги Мегердата из числа его соотечественников видели в нем «чужеземца и римлянина» (*alienigenam et Romanum*) (Tac. Ann. XII. 14. 6). На роль римского ставленника в Парфии Мегердат был выбран императором Клавдием в 48 г. Однако он пал жертвой своего легкомыслия и чужого коварства: претендент на трон Аршакидов был побежден на поле брани, вероломно захвачен в плен и искалечен (ему отрезали уши) по приказу своего более удачливого соперника Готарза II (loc. cit.). Зачастую вассальные правители пограничных областей, оказавшихся словно в тисках между Римом и Парфией, пытались лавировать между могущественными соседями на свой страх и риск, стремясь, образно говоря, усидеть на двух стульях (Jos. Ant. Jud. XX. 2. 4; 3. 4). Так, царь Адиабены Изат II (36–60 гг.), опасаясь интриг со стороны своих родственников, отправил их вместе с семьями в качестве заложников одних в Рим, других в Парфию (Jos. Ant. Jud. XX. 2. 4). Однако усидеть на двух стульях ему не удалось: когда парфянский царь Вардан I (39–47 гг.) предложил Изату заключить союз против Рима и тот отказался, Вардан объявил войну ему самому (Jos. Ant. Jud. XX. 3. 4).

Армянские заложники

При Юлиях-Клавдиях в Риме жили и воспитывались будущие вассальные армянские цари — Тигран III (20–8 гг. до н.э.), Тигран V (6–12 гг.) и Тигран VI (60–63 гг.). После убийства проримски настроенной армянской знатью царя

Великой Армении Арташеса II Август возвел на престол его младшего брата Тиграна, который тогда находился в Риме (Dio Cass. LIV. 9. 4–5; Suet. Tib. 9. 1; Jos. Ant. Jud. XV. 4. 3; Tac. Ann. II. 3. 4; RGDA. 27. 2). О том, как стремительно романизовалась в Риме армянская молодежь, в одной из своих сатир пишет Ювенал (II. 164–170). Согласно оценке А.Г. Бокщанина, Тигран III был «по-слушным агентом» римлян [2. С. 157. См. также: 16. P. 13 ff.; 17. P. 323 ff.]. Далее, внук каппадокийского царя Архелая I Филопатора (36 г. до н.э. — 17 г. н.э.) игран (его родителями были Александр, сын Ирода I Великого, и Глафира, дочь Архелая I Каппадокийского: Jos. Ant. Jud. XVII. 1. 2; XVIII. 5. 4), родившийся в Иерусалиме, но воспитанный в Риме, по воле Августа в 6 г. н.э. взшел на престол Великой Армении (RGDA. 27. 2), став Тиграном V, однако уже спустя несколько месяцев, по-видимому, под давлением «национально» ориентированной армянской аристократии, был вынужден разделить власть с дочерью Тиграна III, сестрой и супругой Тиграна IV царицей Эрато (6–12 гг.) [11. С. 62]. В 12 г. Тигран V был свергнут, а в 36 г. Тиберий приказал его казнить (Tac. Ann. VI. 40. 2; Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4).

Наконец, в 60 г. Нерон посадил на армянский престол племянника злополучного Тиграна V — царя Тиграна VI (Tac. Ann. XIV. 26. 1; Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4), который доводился правнуком сразу двум вассальным царям — Ироду I Великому и Архелая I Филопатору. Как пишет Тацит, «длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нем (Тигране. — В.Н.) рабскую приниженность» (*usque ad servilem patientiam demissus*) (Ann. XIV. 26. 1). По мнению историка, гордая парфянская знать должна была презирать Тиграна как римского ставленника, который не только был «чужеземцем» (*alienigena*), но и долгие годы жил в Риме как заложник (*obses*), что для Тацита было равносильно жизни в рабстве (*in mancipia*) (Tac. Ann. XV. 1. 2). Характерно, что власть в Великой Армении Тигран VI удерживал, опираясь на римский воинский контингент и помощь соседних вассалов Рима (Tac. Ann. XIV. 26. 3). Как только парфяне нанесли жестокое поражение римским легионам, Тиграну VI пришлось уступить престол парфянскому ставленнику Тиридату I [2. С. 195 слл.].

Иродиады в Риме

Во времена Августа в Риме проживали также отпрыски «союзника и друга римского народа» Ирода I Великого, который «введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и нерушимый строй жизни» (Jos. Ant. Jud. XV. 8. 1. Пер. Г.Г. Генкеля. См.: Jos. Ant. Jud. XV. 10. 1; XVII. 1. 3; 4. 3; Bell. Jud. I. 22. 2; 23. 1; 31. 1; 32. 2) [8. P. 10–11; 13. P. 14]. Всего при дворе Августа в разное время побывало восемь сыновей царя Ирода. Один из его внуков, будущий вассальный царь Иудеи Ирод Агриппа I Великий (41–44 гг.), в юности воспитывался и обучался вместе с сыном Тиберия, Друзом Младшим (Jos.

Ant. Jud. XVIII. 6. 1). О тесных связях потомков Ирода Великого с римским императорским домом свидетельствуют, в частности, их имена: Агриппа I получил свое имя, видимо, в честь зятя Августа и личного друга царя Ирода, Марка Випсания Агриппы [8. С. 77], сыновья Агриппы I получили имена Агриппы и Друза (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4). Человек неглупый и дипломатичный, Ирод Агриппа пользовался расположением императоров Калигулы и Клавдия, с которыми он был дружен еще в те времена, когда жил и воспитывался в Риме (Jos. Ant. Jud. XVIII. 6. 4–5): первый в 37 г. даровал ему царский титул и передал территории тетрархий Филиппа и Лисания (ibid. 10), а в 39 г. присоединил к его царству тетрархию Ирода Антипы (Jos. Ant. Jud. XVIII. 7. 2), второй отдал Агриппе Иудею и Самарию (Jos. Ant. Jud. XIX. 5. 1). В результате в 41 г. в руках Агриппы I сосредоточились все владения его деда Ирода Великого. Правя под бдительным надзором императорских прокураторов, Агриппа строго соблюдал все религиозные предписания иудаизма и умел ладить как со своими подданными, так и с иноземцами (Jos. Ant. Jud. XIX. 6. 1; 7. 3).

Будучи человеком греко-римской культуры, Агриппа I построил в Берите (совр. Бейрут) театр и амфитеатр, термы и портики, устраивал гладиаторские бои (Jos. Ant. Jud. XIX. 7. 5). В 44 г. в Кесарии Палестинской он на римский манер организовал игры в честь Клавдия (Jos. Ant. Jud. XIX. 8. 2). Неудивительно, что у царя было немало противников, недовольных не только его увлечением греко-римской культурой, но и пресмыкательством перед римскими провинциальными властями: известие о смерти Агриппы I в народе было встречено с ликованием (Jos. Ant. Jud. XIX. 9. 1). Его сын, Ирод Агриппа II (48–92/93 гг.), как и отец, в юности воспитывался в Риме, но уже при дворе Клавдия (ibid. 2). Престол своего отца он унаследовал не сразу. В 48 г., после смерти дяди, царя Ирода II Халкидского, Агриппа получил от Клавдия титул царя Халкиды и смотрителя за Иерусалимским храмом (Jos. Ant. Jud. XX. 5. 2; 9. 7; Bell. Jud. II. 12. 1). В 53 г. Клавдий отобрал у Агриппы Халкиду, но взамен передал ему земли бывшей тетрархии Филиппа (Jos. Ant. Jud. XX. 7. 1; Bell. Jud. II. 12. 8). В 61 г. Нерон еще более расширил владения Агриппы II, отдав ему Тивериаду и юг Перее (Jos. Ant. Jud. XX. 8. 4). Став царем Иудеи, Агриппа начал чеканить монеты с изображением императора, иногда с собственным профилем и языческой символикой, тем самым грубо оскорбляя религиозные чувства своих подданных [монеты Агриппы II см.: 14. Р. 139–169].

Агриппа II много строил, украшая Кесарию Филиппову, переименованную им в Неронию в честь Нерона (61 г.), однако эта деятельность отнюдь не прибавила ему популярности среди подданных (Jos. Ant. Jud. XX. 9. 4). Несмотря на все свои старания (Jos. Bell. Jud. II. 16. 3–4), не пользовавшийся уважением подданных царь не сумел предотвратить восстание иудеев и был вынужден бежать из Иерусалима под градом камней (Jos. Bell. Jud. II. 17. 1). В дальнейшем Агриппа II деятельно помогал римлянам подавлять мятеж

(Tac. Hist. V. 1). В 75 г. этот римский вассал получил от Веспасиана в награду за верность знаки преторского достоинства — *ornamenta praetoria* (Dio Cass. LXVI. 15. 4). Кроме того, Веспасиан еще более расширил владения Агриппы (Phot. Bibl. Cod. 33), который умер в Риме — когда точно, неизвестно, но явно до 94 г., когда Флавий завершил работу над «Иудейскими древностями» (Jos. Ant. Jud. XX. 11. 1). Со смертью Агриппы II пресеклась династия Ирода Великого, и бывшие владения последнего иудейского царя перешли под прямое управление римских провинциальных властей.

Заключение

Таким образом, если в эпоху Республики пребывание в Риме в качестве заложников представителей восточных царских династий носило случайный и бессистемный характер, а потому не имело хоть сколько-нибудь существенных политических результатов, то с приходом к власти Августа оно стало важным компонентом целенаправленного политического курса, ориентированного на создание на периферии Римской державы цепи вассальных царств во главе с клиентскими монархами, «друзьями и союзниками римского народа» (*amici et socii populi Romani*). В конечном итоге «проект Августа» не оправдал себя (главным образом из-за того, что римские ставленники зачастую воспринимались своими подданными как чужаки и коллаборанты, а потому были не в состоянии не только эффективно управлять, но даже удержаться у власти на более или менее продолжительный срок) и был отвергнут преемниками основателя Принципата, постепенно превратившими клиентские царства в провинции под управлением римских администраторов.

Библиографический список

1. Анохин А.С. «Римское» в политике Антиоха IV Эпифана // Человек, семья, нация в контексте мировой культуры: сб. докладов XXXIV Всерос. науч. конференции «Добролюбовские чтения-2010» и Всерос. науч.-практич. конференции «К молодой семье через культуру» / под ред. Г.А. Дмитриевской, В.М. Строецкого. Н. Новгород, 2010. С. 102–108.
2. Бокщанин А.Г. Парфия и Рим: исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. М. : Издательство МГУ, 1966.
3. Габелко О.Л. К династической истории эллинистической Каппадокии: царский дом Ариаратидов // Античный мир и археология. 2009. Вып. 13. С. 92–119.
4. Новиков С.В. Муза — царица парфян (авантюристка на троне?) // Вестник МГУ. Сер. «История». 1990. № 4. С. 55–68.
5. Панов А.Р. Август и парфянские заложники в Риме // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1. С. 136–149.
6. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1950.
7. Bivar A.D.H. The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran / ed. by E. Yarshater. Vol. 3. (1). Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

8. *Braund D.C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London : Croom Helm, 1984.
9. *Colledge M.A.R.* The Parthians. London : Thames & Hudson, 1967.
10. *Edson C.F.* Perseus and Demetrius // Harvard Studies in Classical Philology. 1935. Vol. 46. P. 191–202.
11. *Garsoïan N.* The Emergence of Armenia // The Armenian People from Ancient to Modern Times. Vol. I. The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century / ed. by R.G. Hovannisian. New York : St. Martin's Press, 1997. P. 37–62.
12. *Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxford : Clarendon Press, 1979.
13. *Leon H.J.* The Jews of Ancient Rome. Philadelphia : The Jewish Publication Society of America, 1960.
14. *Madden F.W.* Coins of the Jews. London : Trübner & Company, 1881.
15. *Matthews J.* Hostages, Philosophers, Pilgrims and the Diffusion of the Ideas in the Late Roman Mediterranean and Near East // Tradition and Innovation in Late Antiquity / ed. by F.M. Clover, R.S. Humphreys. Madison : University of Wisconsin Press, 1989. P. 29–51.
16. *Newell E.T.* Some Unpublished Coins of Eastern Dynasts (Numismatic Notes and Monographs. № 30). New York : The American Numismatic Society, 1926.
17. *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 B.C. to A.D. 1. London : Duckworth, 1984.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 119234, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, e-mail: cicero74@mail.ru.
ORCID: 0000-0003-2209-5357

ЭКОНОМИКА АНТИЧНОСТИ THE ECONOMICS OF ANTIQUITY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-316-325

EDN: JKZWHC

Научная статья / Research article

Роль архонта в организации аренды священных земель в Аттике второй половины V–IV вв. до н.э.

Е.В. Булычева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская
Федерация

✉ bulychevalena@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — на основании изучения эпиграфического материала представить функции архонта в процессе организации аренды священных земель (теменосов) в Аттике второй половины V–IV в. до н.э. В историографии существуют работы о полномочиях этого должностного лица в социально-политической жизни Афин, но при этом не рассматривается вопрос о влиянии его деятельности на экономику полиса. Проанализировав содержание договоров о сдаче в аренду теменосов, автор охарактеризовала функции архонта в определении состава участников и условий сделки. На основании текста надписей проведено сравнение полномочий архонтов в организации аренды священных земель в Аттике во второй половине V в. до н.э. и в IV в. до н.э. Выводы: расторжение договоров об аренде священных земель в Аттике не проводилось без решения архонта; сравнительный анализ содержания надписей второй половины V и IV в. до н.э. позволяет судить о том, что с течением времени роль архонта в аренде теменосов становится менее значительной, что, по-видимому, можно объяснить возрастанием роли должностных лиц отдельных коллективов, например, демархов, фратриархов или эпимелетов.

Ключевые слова: священная земля, должностное лицо, экономика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 24.01.2024. Принята к публикации: 15.04.2024.

© Булычева Е.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Булычева Е.В. Роль архонта в организации аренды священных земель в Аттике второй половины V–IV вв. до н.э // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–325. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-325>

The Role of the Archon in the Organizing the Lease of Sacred Lands in Attica in the Second Half of the V–IV Centuries B.C.

Elena V. Bulycheva

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

✉ bulychevalena@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to present the functions of the archon in the process of organizing the lease of sacred lands (*temenos*) in Attica in the second half of the V — IV centuries B.C. basing on the study of epigraphic material. The study of this problem seems relevant as far as there are presented works in historiography concerning the powers of this official in the socio-political life of Athens, but is not considered the issue of the impact of his activities on the polis' economy. Having analyzed the content of the *temenos* lease agreements, the author characterized the functions of the archon in determining the composition of the participants as well as the terms of transaction. Basing on the text of the inscriptions, it was carried out a comparison of the powers of the archons in the organization of the lease of sacred lands in Attica in the second half of the 5th century B.C. and in the 4th century B.C. Finally, the author comes to the following conclusions. Firstly, the cancellation of lease agreements of sacred lands in Attica was not carried out without the archon's verdict. Secondly, a comparative analysis of the content of the inscriptions of the second half of the fifth and fourth centuries B.C. gives an idea that through the time the role of the archon in the lease of *temenos* becomes less significant. It apparently can be explained by the increasing role of officials of individual collectives (for example, *demarchs*, *phratryarchs* or *epimeletes*).

Keywords: sacred lands, official, economy

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 24.01.2024. Accepted: 14.04.2024.

For citation: Bulycheva E.V. The role of the archon in the organizing the lease of sacred lands in Attica in the second half of the V–IV centuries B.C. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–325. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-325>

Введение

История афинского полиса на протяжении ряда лет вызывает живой интерес со стороны исследователей и широкой аудитории. В историографии существует большое количество работ, посвященных этой теме. В тоже время многие проблемы из истории Афин остаются практически неизученными. Среди них следует выделить вопрос о характере и значении участия

высшего должностного лица архонта в общественно-политической жизни афинского полиса во второй половине V–IV вв. до н.э. Как правило, исследователи отмечают, что должность архонта являлась древнейшей. Архонт-басилевс долгое время управлял единолично, но постепенно появляется коллегия должностных лиц, архонтов, в которой каждый из этих представителей имеет особые полномочия [1. С. 36]. Внимание ученых в ряде случаев сосредоточено на деятельности архонтов в политической сфере жизни общества. В исследованиях особо отмечается, что архонты влияли на развитие политических процессов в Афинах, занимались вопросами, связанными с деятельностью органов власти в полисе [2. С. 236]. При этом в современной историографии практически не затрагиваются вопросы, посвященные роли архонтов в экономической жизни Афин. В связи с этим цель данной статьи заключается в том, чтобы представить роль архонтов в процессе аренды священных земель (теменосов)¹ в Аттике (области Афин) во второй половине V–IV в. до н.э. При этом необходимо проследить, как менялась роль этого должностного лица в процессе аренды теменосов со временем. Выбор хронологических рамок исследования объясняется наличием источниковой базы. До нашего времени сохранился эпиграфический материал, представляющий собой серию договоров о сдаче в аренду священных земель, которые относятся к этому периоду времени. Большая часть надписей содержится в сборниках эпиграфических документов. Прежде всего, это объемное собрание эпиграфических материалов, изданное под редакцией Й. Кирхнера, а также сборник эпиграфических текстов, опубликованный под общей редакцией Х. Плекета². Большинство из этих надписей сохранились весьма полно, что дает возможность для их чтения и интерпретации. Как правило, текст надписи содержит сведения об условиях заключения сделки по аренде священной земли, среди которых указаны: необходимость обработки земельного участка, выращивание определенных сельскохозяйственных культур, а также приведены требования к проведению различного рода хозяйственных работ на территории теменоса [3. С. 62–74]. В качестве основных участников сделки представлены арендаторы, являющиеся

¹ Священные земли в Аттике назывались темены или теменосы. В связи с этим в историографии общепринятым является обозначение священные земли, земельные участки, принадлежавшие храму, или теменосы (темены), посвященные определенному божеству или герою.

² В современной историографии используются общепринятые сокращения наименований сборников Й. Кирхнера и Х. Плекета, которые мы будем использовать в данной работе. *Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores*. 2nd ed. Parts I–III / Ed. J. Kirchner. Berlin: De Gruyter, 1913–1940. Традиционно в научной литературе принято сокращение — IG. II². После этого обозначения ставится номер надписи и указываются конкретные строки документа, например, IG. II². 2499. 15–20. *Pleket H V. Epigraphica*. Vol. I: Texts on the Economic History of the Greek World / Ed. H.W. Pleket. Leiden: Brill, 1964. Название данного сборника сокращается, как Pleket с дальнейшим указанием номера и строк надписи, т.е. Pleket. 41. 6–7.

гражданами полиса и арендодатели, среди которых, как правило, названы демы и религиозные сообщества оргеонов [3. С. 95–107]. При этом в большинстве случаев сказано о том, что процесс аренды теменосов проводится под контролем определенных должностных лиц полиса, среди которых особыми полномочиями наделены архонты. В связи с этим в данной статье мы постараемся рассмотреть функции архонтов в процессе аренды священных земель в Афинах во второй половине V–IV в. до н.э., опираясь на сведения эпиграфического материала. Важно отметить, что при рассмотрении этой проблемы надписи являются единственным источником информации, поскольку в трудах античных авторов, к сожалению, не встречаются сообщения по этому вопросу.

Функции архонта в процессе сдачи в аренду теменосов в Аттике во второй половине V в. до н.э.

Изучение содержания эпиграфического материала показывает, что в ряде случаев текст договора об аренде священной земли начинается с указания на имя архонта, в правление которого проводится сделка. По-видимому, это можно объяснить следующим образом. Известно, что в Афинах календарная система строилась по определенному принципу, согласно которому годы обозначали именем архонта [4. С. 68]. По-видимому, для жителей афинского полиса, участвующих в аренде теменосов, было важно определить время начала земельной операции, установить, с какого события начинают действовать условия заключенного соглашения. Тот факт, что временем правления архонтов в Афинах датировали годы и начало такого важного мероприятия, как аренда священных земель, по-видимому, объясняется следующим образом. С одной стороны, это связано с общепринятой в Афинах традицией — связывать хронологию события с правлением архонта [5. С. 169]. С другой, это, скорее всего, объясняется значимостью самого процесса аренды священной земли, поскольку речь идет о распоряжении особым видом имущества — теменосами, которые, по преданию, были под контролем особо почитаемых жителями Афин богов или героев.

Судя по сведениям эпиграфического материала, в V в. до н.э. в Афинах наиболее крупные и известные святилища находились в непосредственном распоряжении полиса, а теменосы отдельных храмов, расположенные на территории различных демов, как правило, передавали под контроль местной власти [6. С. 251]. Изучение текста надписей, посвященных сдаче в аренду священных земель, показывает, что в случае, когда сделка заключалась в отношении теменосов, находящихся под непосредственным контролем афинского полиса, например, храмовых земель святилища Кодра, Нелея и Басилея, процессом передачи в аренду непосредственно руководил верховный архонт-басилевс (IG. I². 94). При этом, когда в аренду передавали священные

земли, которыми распоряжались афинские демы и религиозные сообщества, за ходом сделки следили другие архонты, а также местные должностные лица, например, демархи и эпимелеты (IG. II². 1172; 2492; 2492; 2498; 2499).

Судя по сведениям договоров о сдаче в аренду священных земель, полномочия архонтов в конце V в. до н.э. были весьма расширены. В надписи, посвященной аренде теменосов Кодра, Нелея и Басилея, которая датируется примерно 418/417 г. до н.э., говорится о многочисленных функциях архонта-басилевса. В частности, сказано, что он должен сам распорядиться (без посредников) о передаче в аренду теменоса, а также отправить специальных хористов (ограничителей) для того, чтобы те зафиксировали границы священного участка (IG. I². 94. 6–7). Из других источников, относящихся к концу V–IV вв. до н.э., известно о том, какие функции выполняли хористы. Как правило, они должны были следить за тем, чтобы в случае межевания земли не происходило каких-либо нарушений. В частности, в одной из «Гераклейских таблиц» с территории Лукании сказано, что «хористы провели границу, измерили, установили межевые столбы и поделили на участки» священные земли Диониса и Афины (IG. XIV. 645). Кроме того, в случае, когда вопрос касался спора по поводу границ территорий, хористы также могли способствовать урегулированию конфликта.

В связи с этим об их работе можно встретить некоторые сообщения в документах, посвященных вопросам, связанным с пограничными спорами между полисами. Так, в одной из надписей, относящейся ко второй половине IV в. до н.э., речь идет о конфликтной ситуации, связанной с установлением границы священного участка между афинянами и мегарянами [7. С. 13]. Проблему решают хористы, регулируя споры о межевании между гражданами двух греческих полисов. Таким образом, можно предположить, что в Афинах архонт-басилевс назначал специальных хористов, которые помогали ему предотвратить незаконные действия в отношении священных земель Аттики. Известно, что в конце V в. до н.э. обстановка в Афинах была особенно напряженной, поскольку завершалась Пелопоннесская война и возникали различные споры по вопросу о границах земельных участков, которые приходилось решать администрации полиса [8. С. 302].

В договоре о сдаче в аренду теменоса дема Плотей, датированном концом V в. до н.э., сделка проходит под руководством нескольких архонтов (IG. II². 1172. 12). Можно предположить, что это были архонты-эпонимы, которые занимались вопросами имущественных отношений в полисе, в частности, рассматривали различные проблемы, связанные с распоряжением земельной собственностью [2. С. 234]. В надписи речь идет о том, что должностные лица выполняют определенные финансовые функции, связанные с распоряжением теменосами. Во-первых, сказано, что архонты должны предоставить плотейцам денежные средства (судя по всему взаймы), которые дем будет использовать для того, чтобы проводить сделки с землей,

а также различные священнодействия (IG. II². 1172. 14–15). Во-вторых, в тексте договора говорится, что архонтам следует финансировать жертвоприношения, а также предоставлять вино от имени общины (IG. II². 1172. 30–35). Можно предположить, что на территории дема Плотей сохранились какие-то старые, патриархальные порядки, когда должностные лица Афин несли ответственность за организацию празднеств и ритуальных церемоний. Судя по сообщению Аристотеля, в VI–V вв. до н.э. архонты заведовали так называемыми отчими жертвоприношениями, традиция устройства которых восходит к древнейшим временам (Ath. pol. 57. 1).

Оратор Исократ в своем произведении «Ареопагитик» отмечает, что жители афинского полиса разделяли жертвоприношения на два вида — «отеческие», начало проведения которых связано еще с архаической эпохой, и «новые», появившиеся в жизни полиса с течением времени (Агеор. 29–30). Аристотель в «Афинской политике» отмечает, что «отеческие» праздники и жертвоприношения финансировались архонтом-эпонимом, а так называемые «новые церемонии» проводились на средства, поступающие из казны архонта-басилевса и архонта-полемарха (Ath. pol. 3. 3). О такой практике также упоминает Лисий в своих речах (XXX. 19).

Опираясь на эти сообщения античных авторов, можно предположить, что в надписи из дема Плотей речь идет именно об этой процедуре финансирования торжественных мероприятий полиса из казны различных архонтов, которые являлись ответственными за их проведение. При этом названы праздники, на которые должны быть ежегодно перечислены средства, а также определены суммы пожертвований. В частности, сказано, что на Афродисии и на проведение Анакий следует выделять 1200, а на Аполлонии 1100 драхм соответственно (IG. II². 1172. 5–10). Интересно, что в данном договоре содержится предписание о том, что архонты должны «кинуть жребий в отношении денег, которыми располагает каждый из них» (IG. II². 1172. 14–15).

К сожалению, нам не известно, насколько была распространена в Афинах практика такого рода в отношении средств, которыми располагали высшие должностные лица.

Судя по тексту договора о сдаче в аренду теменосов плотейцами, жители дема берут эти средства взаймы под проценты и им предписано с течением времени уплатить соответствующий долг с процентами кредиторам, в качестве которых выступают архонты (IG. II². 1172. 14–15).

Изучение содержания текстов надписей и сообщений античных авторов показывает, что участие должностных лиц в кредитовании граждан не являлось редким явлением для Афин [9. С. 98]. Однако кредитные операции, представленные в договоре, посвященном распоряжению теменосами плотейцами, по-видимому, не являлись распространенным явлением в жизни афинского полиса. Можно предположить, что участие архонтов в кредитовании

участников аренды теменосов объясняется тем, что завершение V в. до н.э. было весьма сложным периодом в истории Афин. Это было время окончания Пелопоннесской войны, когда наблюдались различные экономические проблемы, многие граждане в ходе военных действий лишились своего имущества и нуждались в финансовой поддержке со стороны полиса [9. С. 105].

Роль архонта в организации аренды священных земель в Аттике в IV в. до н.э.

Изучение содержания договоров о сдаче в аренду священных земель в Аттике в IV в. до н.э. показывает, что процесс сделки также проходит при участии архонтов, но при этом функции этих должностных лиц с течением времени, по-видимому, претерпели изменения. Передача в аренду теменосов в IV в. до н.э., как и в V в. до н.э., проводится от имени архонта. Судя по сведениям договора о сдаче в аренду священных участков в Пирее, датированном второй половиной IV в. до н.э., можно представить, что организация сделки проводится при участии архонта Архиппа (IG. II². 2498. 1). В частности, в тексте этой надписи говорится, что условия договора об аренде теменосов а деме Пирее составлены в период правления этого должностного лица (IG. II². 2498. 4–5). Теменос на территории Прасии также сдается в аренду от имени архонта (IG. II². 2497. 2). В некоторых договорах об аренде священных земель на территории Аттики также сказано, что время начала сделки связано с деятельностью архонтов. Так, например, в договоре о сдаче в аренду оргеонами теменоса героя Эгрета, датированном завершением IV в. до н.э., говорится о том, что время сделки начинается с правления архонта, следующего за его предшественником Коребом (IG. II². 2499. 35). Подобное указание встречается также в надписи, посвященной передаче в аренду оргеонами священного участка Иатра. В частности, в этом договоре есть указание на то, что началом аренды теменоса следует считать время, когда «начальствует архонт Никократ» (Plek. 43. 30).

До нашего времени дошла весьма подробная надпись, посвященная имущественному спору сообщества Саламиниев, в которой также говорится о процессе передачи в аренду теменосов различных богов и героев (Greek historical inscriptions. 37)³. При этом сказано, что эта сделка проходит под непосредственным контролем архонтов. Во-первых, архонты участвуют в регулировании споров внутри сообщества Саламиниев⁴. Во-

³ В историографии традиционно используется сокращение названия данного сборника Greek historical inscriptions с последующим указанием номера надписи. В связи с этим в данной статье будет приведено общепринятое сокращение: Greek historical inscriptions. 37.

⁴ Судя по сведениям эпиграфики, в конце IV в. до н.э. внутри сообщества Саламиниев вспыхнул какой-то внутренний конфликт, который привел к их разделению, в частности, произошли имущественные разногласия (Greek historical inscriptions. 37. 3–4).

вторых, в тексте надписи говорится о том, что архонты должны следить за тем, чтобы сообщество выполняло их хозяйственные обязанности, связанные с использованием денежных средств, а также натуральных продуктов (например, мяса, кожи и шерсти животных), полученных в процессе сдачи теменосов в аренду (Greek historical inscriptions. 37. 67. 80). В частности, в надписи речь идет о том, что архонту особо предписывается осуществлять контроль за финансированием жертвоприношений, которые обязаны проводить Саламинии, используя доходы, полученные от сдачи в аренду священных земель Гермеса, Афины, Зевса, а также других богов и героев (Greek historical inscriptions. 80. 82). При этом в договоре о сдаче в аренду теменосов Саламиниев сказано, что, поскольку внутри сообщества произошло разделение имущества и каждая сторона несет ответственность за выполнение условий сдачи в аренду священных земель, которыми распоряжается, то со стороны полиса необходимо представить архонтов, каждый из которых будет контролировать выполнение обязательств определенной группой Саламиниев⁵.

Изучение содержания большинства надписей об аренде теменосов в Аттике IV в. до н.э. показывает, что в это время архонты, скорее всего, уже не контролировали полностью ход аренды теменосов. Эти функции переходят к местным должностным лицам, прежде всего, демархам и фратриархам [10. С. 11]. В частности, в большинстве договоров о сдаче в аренду священных земель, датированных второй половиной IV в. до н.э., сказано о том, что демархи должны следить за ходом сделки, контролировать своевременное внесение в казну полиса чрезвычайного налога эйсфоры, а также определять виды ответственности за невыполнение условий арендного договора [10. С. 11].

Можно предположить, что существовали определенные причины, по которым архонты начинали терять свое влияние в управлении ходом аренды теменосов, а их функции переходили местным должностным лицам. По-видимому, это связано с тем, что со временем по решению властей афинского полиса некоторые полномочия от центральной власти передавались местным должностным лицам. Кроме того, после завершения Пелопонесской войны многие священные земли Аттики начали переходить в распоряжение непосредственно демов и религиозных сообществ, которые контролировали процесс сдачи их в аренду [9. С. 15].

---

⁵ В договоре об аренде теменосов Саламиниев сказано: «Архонт Аристарх записал все жертвоприношения и дары жрецов на стеле, где перечислены условия разделения так, чтобы архонты, следующие друг за другом, представляли поочередно обе стороны, могли знать, какую сумму денег каждая сторона должна платить за жертвоприношения из доходов с земли при Гераклеоне» (Greek historical inscriptions. 80–85).

Заключение

В конце V–IV вв. до н.э. аренда священных земель в Аттике проводилась под контролем высших должностных лиц полиса — архонтов, которые следили за назначением и выполнением условий сделки. При этом, судя по сведениям эпиграфики, в IV в. до н.э. функции архонта в вопросах регулирования аренды священных земель сокращаются по сравнению с предыдущим периодом. Такие изменения, по-видимому, можно объяснить следующим: в IV в. до н.э. расширяются полномочия представителей местной администрации (демархов, эпимелетов святилищ), которые начинают контролировать процесс аренды теменосов. Скорее всего, это было связано с тем, что после завершения Пелопоннесской войны многие священные земли Аттики оказались под контролем местных коллективов, получивших от Афин право распоряжаться теменосами.

Библиографический список

1. *Stocton D.* The classical Athenian Democracy. Oxford : Oxford University Press, 1990.
2. *Forrest W.G., Stocton, D.L.* The Athenian Archons // *Historia*. 1987. Bd. 36 H. 2. P. 219–244.
3. *Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н.э.: Распоряжение общественной землей в полисе. М. : РГГУ, 2018. 246 с.
4. *Меланченко И.В.* Афинская демократия. М. : КРАФТ +, 2007.
5. *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб. : Гуманитарная академия, 2003.
6. *Андреев В.Н.* Аграрные отношения в Аттике V–IV вв. до н.э. // *Античная Греция*. М. : Наука, 1983. Т. 1. С. 247–327.
7. *Булычева Е.В.* Священные земли Аттики после завершения Пелопоннесской войны в V–IV вв. до н.э.: По материалу эпиграфики // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2020. № 1. С. 12–21.
8. *Osborne R.* Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece // *Chiron*. 1988. Vol. 18. P. 279–323.
9. *Finley M.I.* Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 B.C. New Brunswick : New Jersey, 1952.
10. *Булычева Е.В.* Роль демарха в аренде священной земли в древней Аттике (IV в. до н.э.) // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2017. № 10 (31). С. 9–16.

References

1. *Stocton D.* *The classical Athenian Democracy*. Oxford: Oxford University Press; 1990.
2. *Forrest WG, Stocton DL.* The Athenian Archons. *Historia*. 1987;36(2):219–244.
3. *Bulycheva EV.* *Drevnayay Attika v kontse V–IV vv. do n.e.: Rasporyazhenie obchestvennoj zemlyej v polise*. [Ancient Attica at the end of V–IV centuries B.C. the Disposal of public land in the policy]. Moscow: RGGU Publishing House; 2018. (In Russ.).
4. *Melanchenko IV.* *Afinskaya demokratiya [Athenian Democracy]*. Moscow: KRAFT + Publishing House; 2007. (In Russ.).
5. *Buzeskul VP.* *Istoriya afinskoj demokratii [The History of Athenian Democracy]*. St. Petersburg: Humanitarian Academy Publishing House; 2003. (In Russ.).
6. *Andreev VN.* Agrarnye otnosheniya v Attike V–IV vv. do n.e. [Agrarian relations in Attica V — IV centuries B.C.], *Antichnaya Gretsija*. Moscow: Nauka Publishing House, 1983;(1):247–327. (In Russ.).

7. Bulycheva EV. Svyashennye zemli Attiki posle zaversheniya Peloponneskoj voiny v V–IV vv. do n.e.: Po materialu epigrafiki [The sacred lands of Attica after the end of the Peloponnesian War in the V–IV centuries BC.: Based on the material of epigraphy]. *Bulletin of the RGGU. Series «Philology. History. International relations»*. 2020;(1):12–21. (In Russ.).
8. Osborne R. Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece. *Chiron*. 1988;(18):279–323.
9. Finley MI. *Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 B.C.* New Brunswick: New Jersey; 1952.
10. Bulycheva EV Rol' demarha v arende svyashennoj zemli v drevnej Attike (IV v. do n.e.) [The role of the demarch in the lease of sacred land in ancient Attica (IV century BC.)]. *Bulletin of the RGGU. Series «History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies»*. 2017;10(31):9–16. (In Russ.).

Информация об авторе:

Бulyчева Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, д. 6, e-mail: bulychevalena@yandex.ru. ORCID: 0009-0000-2117-7671. SPIN-код: 8851-9945.

Information about the author:

Elena V. Bulycheva — PhD in History, associate professor, Department of World history, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya square, Moscow, 125993, Russian Federation, e-mail: bulychevalena@yandex.ru. ORCID: 0009-0000-2117-7671. SPIN-code: 8851-9945.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-326-340

EDN: JJEOMO

Научная статья / Research article

Домициан и римская экономика: несколько замечаний

В.Н. Парфенов

Саратовская православная духовная семинария, *Саратов, Российская Федерация*

✉ vparfenov@list.ru

Аннотация. Комплексная оценка состояния римской экономики в правление императора Домициана затруднительна вследствие неудовлетворительного состояния источников, поэтому исходить приходится из имеющейся информации. В сфере финансов она позволяет заключить, что основным источником государственных доходов являлись налоги, поступление которых находилось под жестким контролем императора. Налоговая политика последнего Флавия оказалась эффективной и обеспечила сбалансированность государственного бюджета, несмотря на чрезвычайные расходы, вызванные войнами и стихийными бедствиями. В аграрном секторе император обеспечил себе популярность среди населения Италии, закрепив право собственности на «отрезки», оставшиеся неразделенными после выведения колоний, за их фактическими владельцами. Попытка Домициана обеспечить увеличение производства зерна в Италии и провинциях путем сокращения виноградных плантаций носила скорее рекомендательный характер и к существенным результатам не привела. В столице Римской империи строительная программа Домициана, которой он придавал большое политическое значение, была успешно выполнена. Давая оценку действиям последнего Флавия в сфере экономики, следует заключить, что он продолжил экономическую политику Веспасиана и Тита, оставив своим преемникам Римскую державу в состоянии, обеспечившем последний расцвет античной цивилизации.

Ключевые слова: император Домициан, финансы, «отрезки», «эдикт о виноградниках», реконструкция Рима

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 31.01.2024. Принята к публикации: 01.04.2024.

Для цитирования: *Парфенов В.Н.* Домициан и римская экономика: несколько замечаний // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–340. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-340>

© Парфенов В.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Domitian and the Roman economy: some notes

Victor N. Parfyonov

Saratov Orthodox Theological Seminary,
Saratov, Russian Federation

✉ vparfenov@list.ru

Abstract. A comprehensive assessment of the state of the Roman economy during the reign of Emperor Domitian is difficult due to the unsatisfactory state of the sources, therefore it is necessary to proceed from the available information. In the field of finance, it allows us to conclude that the main source of state revenues were taxes, the receipt of which was under the strict control of the emperor. The tax policy of the last Flavius proved to be effective and ensured the balance of the State budget, despite the extraordinary expenses caused by wars and natural disasters. In the agricultural sector, the emperor secured his popularity among the Italian population by securing ownership of the “segments” that remained undivided after the withdrawal of the colonies to their actual owners. Domitian’s attempt to ensure an increase in grain production in Italy and the provinces by reducing urban plantations was rather advisory in nature and did not lead to significant results. In the capital of the Roman Empire, Domitian’s construction program, to which he attached great political importance, was successfully completed. Assessing the actions of the last Flavius in the field of economics, it should be concluded that he continued the economic policy of Vespasian and Titus, leaving his successors the Roman power in a state that ensured the last flourishing of ancient civilization.

Keywords: the emperor Domitian, finances, subseciva, the vine edict, reshaping of Rome

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 31.01.2024. Accepted: 01.04.2024.

For citation: Parfyonov VN. Domitian and the Roman economy: some notes. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–340. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-340>

Введение

Общим местом в исследовательской литературе является указание на дефицит информации в тех случаях, когда речь идет о римской экономике. В полной мере это относится и ко времени Флавиев, особенно последнего из них, так как в силу принятого сразу после его убийства сенатского постановления о *damnatio memoriae* намеренно уничтожалось все связанное с именем Домициана. В первую очередь это касалось столицы. Сохранившиеся же нарративные источники являются в отношении последнего Флавия крайне тенденциозными.

Однако справедливо замечено, что «нехватка конкретной информации, даже при наличии в основном враждебно настроенных источников, не должна приводить к поспешным заключениям» [1. Р. 104. Ср.: 2. Р. 263]. Имеет смысл руководствоваться именно этим принципом, попытавшись проанализировать

хотя бы наиболее выразительные из сохранившихся данных о политике Домициана в области экономики и на этом основании прийти к определенному заключению о ее эффективности или неэффективности.

Финансы

Одной из проблем, давно остающейся дискуссионной, является состояние римских финансов при Домициане, которое неоднократно рассматривалось исследователями, порой приходившими к противоположным выводам (в силу уже упомянутой скудости источниковой базы). Однако к настоящему времени можно считать доказанным, что уже первые финансовые мероприятия Домициана (донативы войскам и конгиарии плебсу) показывают – нет никаких оснований считать, будто его предшественник Тит, несмотря на бедствия, которыми отмечено его краткое правление – извержение Везувия в Кампании (79 г.) и эпидемия после него, новый крупный пожар в Риме (80 г.) — и крупные расходы по ликвидации их последствий (Suet. Tit. 8.3–4; Cass. Dio LXVI. 21.1–24.4), оставил казну в плохом состоянии [3. С. 165; 4. P. 71 f.; 5. P. 200].

Наиболее интригующим моментом в этой сфере явилось значительное повышение в начале правления Домициана содержания драгоценного металла в серебряной монете, денарии и квинарии, и увеличение веса золотого денария (ауреуса), т.е. возврат к монетным стандартам времени Августа. Исследователи отмечают, что подобную меру нелегко объяснить экономическими соображениями, тогда как с политической точки зрения ее целесообразность вполне очевидна: новый принцепс давал понять, что его правление означает возврат к «доброму старому времени», которое по прошествии многих десятилетий вспоминалось как едва ли не золотой век [4. С. 72; 6. С. 296; Wolters 2023: 7. P. 604]. Как выразился по этому поводу Ян Кэрролдс, «политика, вмешиваясь в монетное дело, явно представляет здесь интересы императора» [3. С. 148].

Данная денежная реформа, проведенная в 81–82 гг., включала в себя целый комплекс мероприятий. Во-первых, содержание серебра в денарии и квинарии возросло примерно на 10–12 % по сравнению с уровнем, который оставался неизменным со времени гражданской войны 68–69 гг. Во-вторых, был уволен и отправлен в ссылку, правда, достаточно комфортабельную, многолетний «министр финансов» (*a rationibus*) Тиберий Юлий (Stat. Silv. III. 3. 85–105, 162–3; Mart. VI. 83; VII. 40); как предполагается, за то, что осмелился спорить с императором по поводу целесообразности этой меры и мог указывать на ее опасные последствия. В-третьих, изменен был дизайн реверса всех золотых и серебряных монет, а объем их чеканки резко возрос. В-четвертых, чеканка разменной монеты всех номиналов была полностью прекращена на два года и возобновлена лишь в 84 г., с открытием нового монетного двора,

причем типы аверса и реверса новых эмиссий бронзовой монеты были полностью обновлены [3. P. 16, 21 f., 142; 8. P. 60; 4. P. 72; 9. P. 75 f.; 10. P. 92].

Проводя эту реформу, Домициан, вероятно, уже планировал еще одно финансовое нововведение: повышение на треть платы военным служащим всех родов войск. На такой шаг не решился ни один его предшественник со времен Августа: было очевидно, что столь крупное увеличение и без того главной расходной статьи не может не лечь тяжким бременем на государственный бюджет и в перспективе чревато не самыми позитивными последствиями для римской финансовой системы [4. С. 71; 5. P. 200].

Но последний Флавий отважился на него по вполне очевидной причине. Если его отцу и брату не было необходимости утверждать свою репутацию среди военных, да и в глазах гражданского общества, то Домициан к началу своего правления испытывал в этом отношении явный «комплекс неполноценности». Отсюда его стремление как можно быстрее установить прочную связь с вооруженными силами и заслужить военную славу, чему должно было служить и его личное участие в военных кампаниях, начиная с германской, начавшейся в 83 г. [11. С. 44; 12. С. 241 слл.]. Предпринятое одновременно с этим увеличение жалования «силовым структурам» подчеркивало их первостепенное значение для государства, заботу нового верховного главнокомандующего об их финансовом обеспечении, как и соответствующий социальный статус военных [8. С. 67; 13. S. 116; 14. S. 630].

Как показала дальнейшая история Римской империи, резкое повышение жалования вооруженным силам влекло за собой неизбежные последствия: «порчу монеты, падение ее курса и инфляцию» [14. S. 630]. Понимал ли это Домициан, предпринимая эту меру, трудно сказать, хотя он не мог не знать, что такие многоопытные государственные деятели, как Август и Тиберий, очень осторожно подходили к столь болезненному вопросу¹. Кроме того, надо учитывать, что тогда в *consilium principis* должны были входить и сотрудники его отца и брата, способные дать дельный совет по любому поводу². Правда, если учесть особенности характера Домициана [15. P. 49–77], то далеко не очевидно, что он последовал бы такому совету.

Во всяком случае, уже в 85 г. реформа была ревизована: содержание серебра в денарии и квинарии понижено на 5 %, а вес золотой монеты

¹ Известно, что мемуары Тиберия, как и его законодательные акты, Домициан читал и перечитывал, явно отыскивая там рецепты для своих действий: «Praeter commentarios et acta Tiberii Caesaris nihil lecticabat» (Suet. Dom. 20). Поэтому он не мог не знать, что преемник Августа, оказавшись в самом начале своего принципата в крайне сложной политической ситуации («saepe lupum se auribus tenere diceret» – Suet. Tib. 25.1), столкнулся с требованием восставших легионов повысить им *stipendium* и сократить сроки службы, но, заняв сначала выжидательную позицию и пойдя на уступки, в конечном счете отказал (Tac. Ann. I. 17.4–5; 26.1; 31.4; 52. 3; 78.2. Cass. Dio. LVII.4.2; 6.4).

² Ср. SHA. XVIII. Alex. Sev. 65.5: «... ille (sc. Traianus) diceret Domitianum pessimum fuisse, amicos autem bonos habuisse...».

уменьшен. Обычно данный факт связывают с постоянно возраставшей стоимостью содержания вооруженных сил. Кроме того, именно в этом году началась долгая и трудная война с даками, в ходе которой Рим потерпел два тяжелых поражения. Однако, несмотря на неизбежные чрезвычайные расходы, установленное в 85 г., содержание благородного металла в серебряной монете, соответствующее стандарту Нерона (64 г.) и бывшее выше стандарта, которого придерживались Веспасиан и Тит, сохранилось до самого конца правления Домициана. Возникает естественный вопрос: за счет чего ему удалось это сделать?

Традиционный ответ, восходящий к свидетельствам современников: за счет репрессий против сенаторов, сопровождавшихся конфискацией имущества казненных и сосланных, за что их товарищи по сословию за глаза именовали своего императора «лысым Нероном» (*calvus Nero*) и «разбойником» (*latro*) (Juvenal. Sat. I.4.38; Plin. Ep. I.12.8). Светоний указывает, что казна была истощена расходами на строительство, игры и зрелища, как и на повышение платы военным³, из-за чего Домициан и взялся пополнять ее разными методами, после перечисления которых приводится лишь один конкретный пример, связанный со взиманием налога в пользу *fiscus Iudaicus* (Suet. Dom. 12.1–2).

Здесь принципиально важны замечания автора, что глава государства, «недолго думая, взялся искать поживы всяческими способами» (*nihil pensi habuit, quin praedaretur omni modi*), и что, кроме остальных, «строжайшим образом» взыскивался налог с иудеев (*praeter ceteros Iudaicus fiscus acerbissime actus est*). Отсюда можно заключить, что аппетиты Домициана отнюдь не ограничивались сенаторским сословием, объектом фискальных интересов стали имущие слои вообще, а особое внимание к иудеям вовсе не означает, что с остальных подданных налоги взимались более либерально.

Таким образом, больше оснований считать, что мотивы преследования Домицианом отдельных членов сенаторского сословия были в первую очередь политическими, а одна только конфискация имущества жертв последнего Флавия, сопутствовавшая казням и ссылкам, не могла решить его финансовых проблем. Предполагается, что сбалансировать государственный бюджет таким образом было возможно лишь в том случае, если бы конфискованная собственность немедленно распродавалась по полной рыночной стоимости, тогда как на деле она включалась в состав императорских владений, то есть могла в лучшем случае приносить лишь умеренный годовой доход от ее дальнейшей эксплуатации, который проблемы не решал [8. С. 64].

Отсюда напрашивается вывод: основным источником пополнения эрария и фиска, разница между которыми к тому времени стала условной [16. С. 168;

³“Exhaustus operum ac munerum impensis, stipendioque, quod adiecerat...” (Suet. Dom. 12.1).

8. Р. 60], могло быть лишь налогообложение подданных, т.е. провинциалов⁴. За исключением граждан относительно немногих привилегированных общин, освобожденных от регулярного взимания с них налогов, каждый провинциал был обязан платить в первую очередь подушный (*tributum capitis*) и поземельный (*tributum soli*) налоги. Но этим дело не ограничивалось: существовали еще и налоги иррегулярные, прямые и косвенные, как ограниченные отдельными провинциями, так и общеимперские⁵.

Нетрудно догадаться, что сбор и исправное поступление всех этих налогов в столицу целиком зависели от добросовестности как провинциальной, так и столичной администрации. Этим и объясняется жесткий контроль со стороны императора, что обеспечило невиданную до и после Домициана честность и справедливость столичных магистратов и провинциальных наместников⁶.

Иначе говоря, ему, как это ни удивительно, удалось обеспечить контролирование финансовых потоков на всех этапах их продвижения с периферии державы в ее центр: от концентрации в местах сбора налогов до поступления в казну. Конечно, трудно поверить, что Домициану удалось искоренить коррупцию в центре и на местах целиком и полностью, но *modestia* его магистратов сомнению не подлежит. Если они и черпали что-то для себя из потока казенных денег, то умеренно, поскольку в случае обнаружения неплановой утечки средств император церемониться с коррупционерами явно не стал бы.

Уже довольно давно высказано предположение о том, что либо во второй половине I в., либо, самое позднее, в первой половине II в. в Римской империи была изменена система сбора налогов: откупщиков сменили государственные должностные лица, напрямую подчиненные центральной администрации [18. Р. 283 f.]. Соблазнительно связать эту реформу с именем Домициана; во всяком случае, она прекрасно вписывается в логику его действий. Вполне возможно, и не только по этой причине, что среди провинциальных подданных император мог быть достаточно популярен [9. С. 78].

Завершая характеристику финансовой политики Домициана, можно констатировать: даже при современном (неудовлетворительном) состоянии источников достаточно оснований считать, что она оказалась эффективной и обеспечила сбалансированность государственного бюджета.

⁴ Тогда как военная казна (*aerarium militare*), которая предназначалась для обеспечения ветеранов из числа отставных легионеров, пополнялась главным образом за счет однопроцентного налога с торгового оборота и пятипроцентного налога с наследств. Оба этих налога, введенных Августом, взимались только с римских граждан [17. Sp. 672–674].

⁵ Перечень прямых и косвенных налогов: 18. Р. 282, note 66. Подробный анализ римской налоговой системы: 19. S. 19–134 (провинциалы), 135–141 (римские граждане).

⁶ «Magistratus quoque urbis, provinciarumque praesidibus coërcendi tantum curae adhibuit, ut neque modestiores unquam, neque iustiores exstiterint...» — признает Светоний (Suet. Dom. 8.2).

Аграрный сектор

Что же касается ведущего сектора экономики, аграрного, то ситуация с источниками здесь намного хуже, чем в отношении финансов. Собственно говоря, на аграрную политику Домициана могут пролить свет лишь два факта, касающиеся «отрезков» (*subsiciva*)⁷ и виноградников (*vineae*).

В отечественной историографии на политику последнего Флавия обратил внимание В.И. Кузицин, отметивший, что участки земли в Италии, оставшиеся неразделенными между военными колонистами, Веспасиан продавал тем, кто их оккупировал, а оставшиеся нераспроданными объявил императорской собственностью (*sibi vindicasset*) (Hygin. *De gen. controvers // CAR. Vol. I. Fasc.1. P. 96. 21. 1–3*). Тит продолжил эту политику, тогда как Домициан те «отрезки», что остались нераспроданными, подарил их фактическим владельцам, что обрабатывали эту землю, и закрепил их владельческие права.

В.И. Кузицин видел причину столь великодушного поступка в том, что Домициан трезво оценил возможность вернуть «отрезки» в казну и опасался социальных осложнений в том случае, если продолжить их конфискацию [21. С. 171]. Эта точка зрения выглядит вполне логичной: обычно данное событие исследователи относят к началу правления Домициана, когда тот пытался обеспечить себе широкую социальную поддержку. В данном случае эффект оправдал его ожидания – наш источник указывает: «Позднее [после Тита] превосходнейший (*praestantissimus*) Домициан в этом случае оказал благодеяние и одним эдиктом избавил от страха всю Италию (*uno edicto totius Italiae metum liberavit*)» (Agenn. *Urb. De contr. agr. // CAR. I. 1. P. 41. 24–26*). Даже с учетом того, что сочинение агрименсора Агенния Урбика явно относится ко времени правления Домициана и грешит избытком лести в адрес принцепса, общее настроение новоявленных земельных собственников оно должно отражать вполне адекватно.

Более дискуссионным является второй факт – знаменитый императорский «эдикт о виноградниках». Будучи обеспокоен нехваткой хлеба при избытке вина, Домициан распорядился не расширять в Италии площади под виноградники, а в провинциях сократить их «большей частью наполовину»: *...relicta, ubi plurimum, dimidia parte* (Suet. *Dom. 7.2*). Намерения принцепса, как нетрудно видеть, были благими – расширить посевы зерновых в Италии и особенно в провинциях, чтобы исключить возможность голода. Опасность эта была отнюдь не иллюзорной. Так, в римской колонии Антиохии Писидийской, расположенной далеко от побережья Малой Азии, в начале 90-х гг. из-за суровой зимы сложилось критическое положение с продовольствием (*propter hiemis*

⁷ Более подробно об «отрезках» см.: [20. С. 183 слл].

asperitatem annonam frumenti exarsisse). Голод был предотвращен только жесткими мерами императорского легата Л. Антистия Рустика, который в ответ на обращение к нему дуумвиров и декурионов колонии приказал им взять на учет все запасы зерна и установил разрешенный максимум цен [22. Р. 33–35. № 126]⁸.

Считается также, что этот эдикт императора можно считать протекционистской мерой, целью которой была защита италийских виноделов от конкуренции со стороны их провинциальных коллег [1. Р. 103 f.]. Объяснить, почему в таком случае Домициан запретил разбивку новых виноградников в самой Италии, возможно соображениями морали и религии: эдикт был призван устранить небрежение Церерой, чреватое гневом этой богини [9. С. 78; 5. Р. 202].

Эффект от реализации данного эдикта оценить сложно. Светоний дважды (Dom. 7.2; 14.2) указывает, что Домициан не настаивал на его исполнении, будто бы потому, что по Риму стали распространяться прокламации (*sparsi libelli*) следующего содержания: «Как ты, козел, ни грызи виноградник, вина еще хватит / Вдоволь напиться, когда в жертву тебя принесут» (Dom. 14.2. Пер. М.Л. Гаспарова)⁹.

Если Светоний прав и Домициан действительно был напуган такого рода агитацией, это может свидетельствовать о том, что последний Флавий, при всем своем авторитаризме, все же ревниво относился к общественному мнению и прислушивался к нему. Однако представляется, что главное заключалось в другом. Когда эдикт Домициана был разослан местным властям, которые должны были обеспечить его исполнение, то реакция местного населения была предсказуемой, т.е. протестной. Дальнейшее развитие событий могло зависеть от личности администратора и статуса провинции. Нельзя исключить, что в императорских провинциях эдикт мог быть выполнен или хотя бы начал выполняться – у наместника вооруженной провинции возможностей для этого было больше, чем у проконсула провинции сенатской. М.И. Ростовцев, а вслед за ним и Б. Джонс сочли возможным, что в целом ряде провинций эдикт мог быть выполнен [23. С. 188; 9. Р. 78].

Эдикт Домициана обычно датируется 92 г. (Euseb. Chron. 273F). Спустя почти два века император Проб (276–282 гг.), как сообщается, разрешил (*permisit*) галлам, британцам и испанцам выращивать

⁸ В. Эк относит это событие к 92/3 г. [18. С. 275]. Однако в комментарии к надписи указано, что дата эдикта является приблизительной и определяется на основании того факта, что сам наместник умер в Каппадокии в 93 или 94 г. [22. С. 35].

⁹ В греческом оригинале виноградная лоза обращается к козлу (τράγες), грызущему ее корни. Но в другом варианте рукописи Светония эта популярная эпиграмма (ср.: Ovid. Fast. I. 357–358) прямо указывает на того, кто подразумевается под жертвенным животным: Καίσαρι θυομένω.

виноградную лозу и производить вино (SHA. XXVIII. Prob. 18.8). Это можно понять так, что до эдикта Проба жители западных провинций такого права не имели со времени Домициана. Однако справедливо замечено, что все распоряжения Домициана, в том числе и этот эдикт, были аннулированы в силу сенатского постановления о *damnatio memoriae*, принятого сразу после убийства императора [24. С. 147, прим. 225]. Возможное исключение – что эдикт Домициана о виноградниках сохранил силу, наподобие эдикта об «отрезках», подтвержденного Нервой (Hygin. De gen. contr. // CAR. I. 1. P. 97. 6–8) – маловероятно хотя бы из-за его непопулярности.

Можно предположить, что эдикт Проба имел другой смысл. После эвакуации Задунайской Дакии при Аврелиане снабжение римских войск, дислоцированных на северных рубежах Империи, могло серьезно пострадать. Утрату этой продовольственной базы было необходимо компенсировать, чего и добивался Проб своим эдиктом; в Иллирике он руководил процессом лично (SHA. loc. cit.).

Если вернуться к эдикту Домициана, то смягчение позиции императора по этому вопросу может объясняться «верноподданными» петициями провинциалов и их посольствами, направляемыми в Рим. Об одном таком посольстве упоминает Филострат, но это еще не означает, что оно было единственным в своем роде. В «Жизнеописании Аполлония» автор сообщает, что, когда Домициан законодательно запретил оскопление и насаждение новых виноградников, то, «явившись к ионянам, Аполлоний сказал: «А вот придурку нашему невдомек, что у людей-то мужество он бережет, но землю холостит». После этих слов ионяне отважились отрядить к императору посольство в защиту виноградников, дабы отменил он закон, повелевавший земле пребывать в бесплодии и запустении» (Philostr. Vita Apol. VI. 42. Пер. Е.Г. Рабинович).

Посольство это возглавил знаменитый ритор того времени Скопелиан, причем оно представляло не только инициаторов, жителей Смирны, но и всю провинцию Азия (οὐ γὰρ ὑπὲρ Σμυρναίων μόνον, ... ἀλλ' ὑπὲρ τῆς Ἀσίας ὅμοῦ πάσης). Миссия Скопелиана, по словам Филострата, увенчалась полным успехом: он будто бы добился не только разрешения беспрепятственно культивировать виноградники, но и наказания тем, кто этого не делает (ἀλλὰ καὶ ἐπίτιμα κατὰ τῶν μὴ φυτευόντων) (Philostr. Vitae soph. 520). Последнее представляется явно неправдоподобной деталью, которая должна была убедить читателя в волшебном воздействии ораторского искусства даже на «тирана».

Что касается Аполлония Тианского, то в русском переводе его биографии бросается в глаза отвага «чудотворца», публично, хотя и за глаза, оскорбившего грозного деспота, что явно относилось к сфере действия *leges de maiestate* [25. С. 68], которые активно применялись Домицианом

(Plin. Paneg. 42.1). Но в данном случае выходка Аполлония почему-то осталась для него без последствий. Однако едва ли он намеренно напрашивался на то, чтобы пасть жертвой известного закона об оскорблении величия. В оригинале Домициан назван ὁ θαυμασιώτατος, термин двусмысленный, употребляемый с насмешкой, издевкой [26. С. 771; 27. Р. 786]. Процитированный выше перевод двусмысленности этой не передает, в данном случае реальный смысл данного слова (superl. от θαυμάσιος) должен был восприниматься аудиторией не пейоративно, а скорее иронически: «милейший наш чудак».

Таким образом, на основании приведенных фактов можно заключить, что Домициан, столкнувшись с пассивным, но упорным и массовым сопротивлением «эдикту о виноградниках», предпочел вместо принятия жестких мер в отношении ослушников спустить дело на тормозах, что, во всяком случае, свидетельствует о наличии у него здравого смысла.

Другие отрасли экономики

О состоянии других отраслей римской экономики при Домициане судить еще сложнее, чем о финансах или аграрном секторе. Так, характеристика тех ремесленных отраслей, что обслуживали потребности вооруженных сил, требует отдельного исследования. Децентрализация военного производства, возможность для войск, дислоцированных на периферии державы, решать задачи снабжения собственными силами (разумеется, за счет централизованного финансирования), наконец, непрозрачность этой сферы, управление которой являлось исключительной прерогативой императора — все это осложняет задачу исследователя. К тому же из археологического материала (и это относится не только к военной экономике) сложно выделить именно период правления Домициана¹⁰.

О каких-либо новшествах в военно-технической области, относящихся к этому пятнадцатилетию, информации нет, за исключением одного эпизода, относящегося к дислоцированным в римской Британии войскам. По словам Светония, перечисляющего видных сенаторов, ставших жертвами Домициана, Саллюстий Лукулл, наместник Британии, был казнен за то, что копия нового образца позволил назвать своим именем: «... Sallustium Lucullum, Britanniae legatum, quod lanceas novae formae *Luculleas* passus esset» (Suet. Dom. 10.3)¹¹. Основываясь лишь на этом факте, трудно прийти к какому-либо определенному заключению. Скорее всего, этот вид

¹⁰ Показательно в этом смысле, что в главе о ремесле из исследования, посвященного римской экономике, Домициан не упоминается вообще [28. Р. 175–196].

¹¹ Основная причина казни легата Британии была, разумеется, иной, а история с копиями могла фигурировать лишь в качестве одного из обвинений, предъявленных военачальнику [29. С. 125–144].

оружия предназначался для ауксилиарных формирований и больше отвечал специфическим местным условиям¹². Поэтому довольные новыми копьями солдаты и назвали их по имени инициатора перевооружения, что было впоследствии поставлено ему в вину.

Более или менее определенное представление можно составить лишь о грандиозной строительной программе последнего Флавия, относящейся к столице державы, высоко оцененной Светонием¹³ и раскритикованной Плинием Младшим (Paneg. 51.1) Воплощение проекта реконструкции Рима в жизнь после трех опустошительных пожаров (64, 69 и 80 гг.) достаточно основательно исследовано в современной историографии¹⁴.

По словам Светония (loc. cit.), Домициан, в отличие от своих предшественников, на восстановленных им сооружениях указывал лишь собственное имя, игнорируя память о первоначальных строителях: «sed omnia sub titulo tantum suo ac sine ulla pristini auctoris memoria». Но Брайан Джонс по этому поводу замечает, что это, конечно, правда, однако своеобразно препарированная: уцелевший эпитафический материал свидетельствует – в таких случаях Домициан указывал на то, что он не построил, а лишь восстановил (*Domitianus... restituit*) данный объект [9. С. 80]. Исследователи заключают: нет оснований сомневаться в том, что строительная программа Домициана, которой он придавал большое значение как способу увеличения своего авторитета, была успешно выполнена. Проекты же, которые он не успел закончить, были завершены его преемниками.

Заключение

В заключение следует попытаться ответить на вопрос, каким образом Домициан решал возникавшие в экономике проблемы: повинуясь собственным капризам («тиран») или же с учетом экономической целесообразности («эффективный менеджер»). Сохранившиеся *disiecta membra* некогда существовавшего массива информации все же позволяют заключить, что, при всех особенностях личности Домициана оценить его действия в этой сфере следует по второму варианту. Последний Флавий в этом отношении продолжил экономическую политику отца

¹² Во время боевых действий на севере острова тесть Тацита Юлий Агрикола в битве при Mons Graupius оставил легионы в резерве, добившись выигрыша сражения лишь силами ауксилиариев (Tac. Agric. 35.2). Саллюстий Лукулл, вероятно, бывший его преемником в должности легата Британии [29. С. 131], вполне мог придерживаться такой же тактики, «воюя без пролития римской крови» (Tac. loc. cit.).

¹³ «Plurima et amplissima opera incendio absumpta restituit... (Suet. Dom. 5).

¹⁴ См.: [30. Р. 101–239; 4. Р. 56–60, 70; 9. С. 82–84; 5. Р. 200; 31. Р. 33–47, 58–73, 83–93; 32. С. 43–49; 33. Р. 83–90; 34. С. 153–158; 35. Р. 89–127].

и брата, завершил восстановление Италии и Рима после разрушительной гражданской войны и стихийных бедствий и оставил своим преемникам Римскую державу в состоянии, обеспечившем последний расцвет античной цивилизации.

Библиографический список

1. *Galimberti A.* The Emperor Domitian // A Companion to the Flavian Age of Imperial Rome / ed. by A. Zissos. Malden — Oxford — Chichester : John Wiley & Sons, 2016. P. 98–108.
2. *Taveira Baptista N.H., Ribeiro Leite L.* Revising Domitian. Epideictic Portraits of a Controversial Emperor // Sources et modèles des historiens anciens, 2 / edd. O. Devillers, B.B. Sebastiani. Bordeaux : AUSONIUS, 2021. P. 263–283.
3. *Carradice I.* Coinage and Finances in the Reign of Domitian. Oxford : B.A.R., 1983.
4. *Griffin M.* The Flavians // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XI. The High Empire, A.D. 70–192. Cambridge : University Press, 2000. P. 1–83.
5. *Launaro A.* The Economic Impact of Flavian Rule // A Companion to the Flavian Age of Imperial Rome / ed. by A. Zissos. Malden — Oxford — Chichester : John Wiley & Sons, 2016. P. 189–208.
6. *Смирнова Е.Л.* Финансовая политика Домициана // Мнемон. 2011. Вып. 10. С. 293–308.
7. *Wolters R.* Imperial Finances // Handbuch Antike Wirtschaft / Hg. v. S. von Reden, K. Ruffing. Berlin — Boston : De Gruyter, 2023. S. 583–606.
8. *Southern P.* Domitian. Tragic Tyrant. London — New York : Routledge, 1997.
9. *Jones B.W.* The Emperor Domitian. London — New York : Routledge, 2002.
10. *Susplugas M.* Les monnaies de Domitien, témoins de sa politique // Latomus. 2003. Т. 62, fasc. 1. P. 78–109.
11. *Campbell B.* The Emperor and the Roman Army. 31 B.C. – A.D. 235. Oxford : Oxford University Press, 1984.
12. *Парфенов В.Н.* Рим и Германия при Домициане. Проблемы и поиск их решения // Восток, Европа, Америка в древности : сб. науч. тр. XVI Сергеевских чтений. М., 2010. С. 238–247.
13. *Seelentag G.* Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2004.
14. *Stoll O.* Wirtschaft und Militär // Handbuch Antike Wirtschaft / Hg. v. S. von Reden, K. Ruffing. Berlin — Boston : De Gruyter, 2023. S. 629–664.
15. *Waters K.H.* The character of Domitian // Phoenix. 1964. Vol. 18. P. 49–77.
16. *Sutherland C.H.V.* Aerarium and Fiscus during the Early Empire // American Journal of Philology. 1945. Vol. 66. No 2. P. 151–170.
17. *Kubitschek W.* Aerarium // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1894. Bd. 1. Sp. 667–674.
18. *Eck W.* Provincial Administration and Finance // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. XI. The High Empire, A.D. 70–192. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 266–292.
19. *Neesen L.* Untersuchungen zu den direkten Staatsangaben der römischen Kaiserzeit (27 v. Chr. — 284 n. Chr.). Bonn : Habelt, 1980.
20. *Гвоздева И.А.* Pertica и praefectura в составе римского кадастра // Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина / отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Гвоздева. СПб. : Алетейя, 2021. С. 162–192.
21. *Кузищин В.И.* Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976.
22. *Cagnat R., Besnier M., editors.* L'Année Épigraphique. Année 1925. Paris : Éditions Ernest Leroux, 1925. P. 33–35.

23. *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи / пер. с нем. СПб. : «Наука», 2000. Т. I.
24. *Флавий Филострат.* Жизни софистов / под общ. рук-вом Е.Г. Рабинович. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.
25. *Бартошек М.* Римское право: (Понятия, термины, определения) / пер. с чешск. М. : Юрид. лит., 1989.
26. *Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь / под ред. С.И. Соболевского. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. I.
27. *Liddell H.G., Scott R., Jones H.S.* A Greek-English Lexicon. With a revised supplement. Oxford : Clarendon Press, 1996.
28. *Hawkins C.* Manufacturing // *The Cambridge Companion to the Roman Economy* / ed. by W. Scheidel. Cambridge : University Press, 2012. P. 175–196.
29. *Парфенов В.Н.* Саллюстий Лукулл, легат Британии: заговорщик или невинная жертва? // Мнемон. СПб., 2017. Вып. 17. № 1. С. 125–144.
30. *Darwall-Smith R.H.* Emperors and Architecture: A Study of Flavian Rome. Bruxelles : Latomus, 1996.
31. *Aspholm L.M.* Domitian and the City of Rome: Imperial Self-Portrayal in Monuments and Buildings. Diss. Oslo, 2021.
32. *Moormann E.M.* Domitian's Reshaping of Rome // *God on Earth: Emperor Domitian. The re-invention of Rome at the end of the 1st century AD* / ed. by A.R. Cominesi, N. de Haan, E.M. Moormann, Cl. Stocks. Leiden : Sidestone Press, 2021. P. 43–49.
33. *Liverani P.* Historical Reliefs and Architecture // *God on Earth: Emperor Domitian. The re-invention of Rome at the end of the 1st century AD* / ed. by A.R. Cominesi, N. de Haan, E.M. Moormann, Cl. Stocks. Leiden : Sidestone Press, 2021. P. 83–90.
34. *Conlin D.A.* Master and God: Domitian's Art and Architecture in Rome // *God on Earth: Emperor Domitian. The re-invention of Rome at the end of the 1st century AD* / ed. by A.R. Cominesi, N. de Haan, E.M. Moormann, Cl. Stocks. Leiden : Sidestone Press, 2021. P. 153–158.
35. *Cominesi A.R.* Flavian Architecture on the Palatine: Continuity or Break // *Flavian Responses to Nero's Rome* / ed. by M. Heerink, E. Meijer. Amsterdam : University Press, 2022. P. 89–127.

References

1. Galimberti A. The Emperor Domitian. In: Zissos A., editor. *A Companion to the Flavian Age of Imperial Rome*. Malden — Oxford — Chichester: John Wiley & Sons, 2016, p. 98–108.
2. Taveira Baptista NH, Ribeiro Leite L. Revising Domitian. Epideictic Portraits of a Controversial Emperor. In: Devillers O., Sebastiani B.B. (editors). *Sources et modèles des historiens anciens*, 2. Bordeaux : AUSONIUS, 2021, p. 263–283.
3. Carradice I. *Coinage and Finances in the Reign of Domitian*. Oxford: B.A.R., 1983.
4. Griffin M. The Flavians. In: *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol. XI. The High Empire, A.D. 70–192. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, p. 1–83.
5. Launaro A. The Economic Impact of Flavian Rule. In: Zissos A., editor. *A Companion to the Flavian Age of Imperial Rome* Malden — Oxford — Chichester: John Wiley & Sons, 2016, p. 189–208.
6. Smirnova EL. Finansovaya politika Domitsiana [The Financial Policy of Domitian]. *Mnemon*. 2011;(10):293–308. (In Russ.).
7. Wolters R. Imperial Finances. In: Von Reden S., Ruffing K. (eds). *Handbuch Antike Wirtschaft*. Berlin — Boston: De Gruyter, 2023, S. 583–606.
8. Southern P. *Domitian. Tragic Tyrant*. London-New York: Routledge, 1997.
9. Jones B.W. *The Emperor Domitian*. London-New York: Routledge, 2002.
10. Susplugas M. Les monnaies de Domitien, témoins de sa politique. *Latomus*. 2003;(62.1):78–109.

11. Campbell B. *The Emperor and the Roman Army. 31 B.C. – A.D. 235*. Oxford: Oxford University Press, 1984.
12. Parfyonov VN. Rim I Germaniya pri Domitsiane. Problemy I poisk ikh resheniya [Rome and Germany under Domitian. Problems and the search for their solutions]. *Vostok, Evropa i Amerika v drevnosti*. Sbornik nauchnykh trudov v XVI Sergeevskikh chtenij. 2010: 238–247. (In Russ.).
13. Seelentag G. *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004.
14. Stoll O. Wirtschaft und Militär. In: Von Reden S., K. Ruffing K. (eds). *Handbuch Antike Wirtschaft*. Berlin — Boston: De Gruyter, 2023, S. 629–664.
15. Waters KH. The character of Domitian. *Phoenix*. 1964;(18):49–77.
16. Sutherland CHV. Aerarium and Fiscus during the Early Empire. *American Journal of Philology*. 1945;(66.2.):151–170.
17. Kubitschek W. Aerarium. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1894;(1): Sp. 667–674.
18. Eck W. Provincial Administration and Finance. In: *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol. XI. The High Empire, A.D. 70–192. Cambridge: University Press, 2000, p. 266–292.
19. Neesen L. *Untersuchungen zu den direkten Staatsangaben der römischen Kaiserzeit (27 v. Chr. — 284 n. Chr.)*. Bonn: Habelt, 1980.
20. Gvozdeva IA. Pertica i praefectura v sostave rimskogo kadastra [Pertica and praefectura within the Roman cadastre]. *Ekonomika, pravo i vlast' v drevnem mire*. Posvyashchayetsya pamyati V.I. Kusishchina. Otv. red. S.Yu. Saprykin, I.A. Gvozdeva. SPb.: Aleteya, 2021, s. 162–192. (In Russ.).
21. Kusishchin VI. *Genesis rabovladelcheskikh latifundij v Italii (II v. Do n.e. – I v. n.e.)* [The genesis of slaveholding latifundia in Italy (II BC — I AD)]. M.: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1976. (In Russ.).
22. Cagnat R., Besnier M. (eds). *L' Année Épigraphique*. Année 1925. Paris: Éditions Ernest Leroux, 1925. P. 33–35.
23. Rostovtzeff MI. Obshchestvo i khosyaistvo v Rimskoj imperii [Society and economy in the Roman Empire]. *Perevod s nemetskogo*. SPb.: Nauka, 2000. T. I.
24. Flavij Filostrat. *Zizni sofistov* [The Lives of the Sophists]. Pod obshchim rukovodstvom E.G. Rabinovich. M.: Russkij fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2017.
25. Bartošek M. *Rimskoe pravo (Ponyatija, termimy, opredeleniya)* [Roman law: (Concepts, terms, definitions)]. *Perevod s cheshskogo*. M.: Yuridicheskaya literatura, 1989. (In Russ.).
26. Dvoret'skij IKh. *Drevnegrechesko-russkij slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Pod redaktsiej S.I. Sobolevskogo. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovarei, 1958. T. I.
27. Liddell HG, Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon*. With a revised supplement. Oxford: Clarendon Press, 1996.
28. Hawkins C. Manufacturing. *The Cambridge Companion to the Roman Economy*. Scheidel W., editor. Cambridge: University Press, 2012, p. 175–196.
29. Parfyonov VN. Sallyustij Lukull, legat Britanii: zagovorshchik ili nevinnyaya zhertva? [Sallustius Lucullus, Legate of Britain: conspirator or innocent victim?]. *Mnemon*. 2017;(17.1):125–144.
30. Darwall-Smith RH. *Emperors and Architecture: A Study of Flavian Rome*. Bruxelles: Latomus, 1996.
31. Aspholm LM. *Domitian and the City of Rome: Imperial Self-Portrayal in Monuments and Buildings*. Diss. Oslo, 2021.
32. Moormann EM. Domitian's Reshaping of Rome. In: Cominesi AR, de Haan N., Moormann EM, Stocks Cl. editors. *God on Earth: Emperor Domitian. The re-invention of Rome at the end of the 1st century AD*. Leiden: Sidestone Press, 2021; 43–49.

33. Liverani P. Historical Reliefs and Architecture. In: Cominesi AR, de Haan N., Moormann EM, Stocks Cl, editors. *God on Earth: Emperor Domitian. The re-invention of Rome at the end of the 1st century AD*. Leiden: Sidestone Press, 2021; 83–90.
34. Conlin DA. Master and God: Domitian's Art and Architecture in Rome. In: Cominesi AR, de Haan N., Moormann EM, Stocks Cl., editors. *God on Earth: Emperor Domitian. The re-invention of Rome at the end of the 1st century AD*. Leiden: Sidestone Press, 2021; 153–158.
35. Cominesi AR. Flavian Architecture on the Palatine: Continuity or Break In: Heerink M., Meijer E., editors. *Flavian Responses to Nero's Rome*. Amsterdam: University Press, 2022; 89–127.

Информация об авторе:

Парфенов Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Церковной истории, Саратовская православная духовная семинария, e-mail: vparfenov@list.ru. ORCID: 0000-0003-3612-0197. SPIN-код: 5162-6287.

Information about the author:

Victor N. Parfyonov — doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of Church History, Saratov Orthodox Theological Seminary, e-mail: vparfenov@list.ru. ORCID: 0000-0003-3612-0197

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-341-351

EDN: JAABXS

Научная статья / Research article

Финансовая политика римского наместника в отношении провинциальных общин в период Принципата

С.В. Телепень

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Мозырь, Республика Беларусь

✉ telepen_serj@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования финансовой политики римского наместника обусловлена тем, что в последние десятилетия и в зарубежной, и в русскоязычной историографии продолжается активное изучение всей сферы полномочий римского наместника в контексте провинциальной политики Римской империи. В процессе исследования автор использовал целый ряд источников, включая переписку Плиния Младшего с Траяном, речи Диона Хризостома, эпиграфические памятники юридического характера, а также обширную историографию. Задействовав сравнительно-исторический метод и комплексный подход к изучению материала источников, автор исследовал различные способы поддержания финансового благополучия общин, в частности, путем снижения местных налогов, единовременных взносов, различных непроизводительных расходов. Поставив перед собой цель изучить особенности римской фискальной политики на местах, автор пришел к следующим выводам. Во-первых, время Антонинов было отмечено поворотом финансовой стратегии римского государства в сторону «гуманизации» провинциальной политики. Во-вторых, мониторинг городских финансов был аспектом, требующим постоянного внимания к состоянию, в котором находились доходы и расходы провинциальных общин. В-третьих, наместник в процессе аудита городских финансов не ограничивался кадровым ресурсом своего штаба, но пытался задействовать местную элиту, наделяя ее представителей контрольными и судебскими полномочиями, действуя, однако, в контексте обычаев и практик, сформировавшихся в каждой отдельной общине.

Ключевые слова: Римская империя, провинция, наместник, городская община, финансы, казна, городская собственность, аренда

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 5.02.2024. Принята к публикации: 29.04.2024.

Для цитирования: Телепень С.В. Финансовая политика римского наместника в отношении провинциальных общин в период Принципата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–351. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-351>

© Телепень С.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Financial Policy of the Roman Governor towards Provincial Communities during Period of the Principate

Sergey V. Telepen

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus

✉ telepen_serg@mail.ru

Abstract. The area of responsibility of the governor of the province was to perform both commanding, judicial and fiscal duties. The latter had to replenish the treasury with tax revenues from the provinces. The governors needed funds to maintain the military troops accommodated in the province. Besides that, at least by the beginning of the 2nd century ensuring the financial stability of the provincial communities themselves became an important area. It was controlled by the governor. Tendence about the welfare of provincial cities is reflected, in particular, in the correspondence of Pliny the Younger with Trajan, the speeches of Dion Chrysostom as well as epigraphic documents of a legal nature. This and a number of other sources reflect various ways to maintain the financial well-being of communities by reducing the local taxes, lump-sum contributions and various unproductive expenses. In this regard, the Antonins' is marked by a turn in the financial strategy of the Roman state towards the "humanization" of the provincial policy. Monitoring of city finances was an aspect that required the constant attention to the state of income and expenditure of provincial communities. At the same time, the viceroy was not limited to the personnel resources of his staff but tried to involve the local aristocracy, endowing its representatives with control and judicial powers, acting, however, in the context of the customs and practices evolved in each individual community.

Keywords: Roman Empire, province, governor, city community, finance, treasury, city property, rent

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 5.02.2023. Accepted: 29.04.2024.

For citation: Telepen SV. Financial Policy of the Roman Governor towards Provincial Communities during Period of the Principate. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–351. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-351>

Введение

Осуществление правосудия и предотвращение беспорядков были основными функциями наместника римской провинции любого ранга. Разумеется, сюда же следует отнести выполнение командирских обязанностей, наиболее актуальных для императорских легатов, располагавших в период ранней Империи зачастую весьма солидными военными ресурсами и обеспечивавшими оборону наиболее опасных участков римских границ. Однако перед наместником стояли и другие важные задачи, среди которых не последнее

место занимало осуществление финансового контроля по отношению к провинциальным общинам, особенно крупным.

Среди задач, возложенных на наместника, источники, включая эпиграфические документы юридического характера, упоминают контроль над городами, причем в нескольких аспектах: обеспечение регулярных поступлений средств в городскую казну, рачительное использование иногда довольно скромных средств городского бюджета, поддержание финансовой дисциплины путем взыскания платежей со стороны должников, арендующих земли, принадлежавшие общине или храму, с ней связанному. При этом, кажется, можно считать доказанным, что города в восточных провинциях империи, особенно во II в., были предметом особого внимания со стороны императоров [1. С. 10]. Представляется важным выяснить, в чем состояла политика римского государства в отношении этих общин, в частности, что касается такого чувствительного вопроса, как финансы.

Общее состояние финансов провинциальных общин

Наместник должен был проводить в той или иной форме ревизию финансов городов, будь то по собственной инициативе, по указанию императора или по просьбе соответствующей общины [2. Р. 318–323]. Например, Плиний Младший, прибыв в качестве императорского легата в назначенную ему провинцию Вифинию-Понт, вскоре занялся проверкой финансовых отчетов Прусы (Plin. Ep.X. 17A. 3: «Теперь я роюсь в документах о расходах, доходах и должниках города Прусы, и в самом ходе работы все яснее вижу, насколько это необходимо». *Здесь и далее письма Плиния Младшего цитируются в переводе М.Е. Сергеевко*). Не похоже, чтобы община Прусы выказала какие-либо возражения на этот счет, вероятно, потому, что предыдущие наместники уже проводили подобного рода проверки. Формулировка Плиния, довольно точная, позволяет увидеть, в чем заключалась эта инспекция: он изучил расходы, доходы и дебиторскую задолженность (*impendia, reditus, debitores*) и, таким образом, провел финансовый аудит. Тщательность, с которой Плиний выполнил свою задачу, и замечания самого Траяна о состоянии местных финансов, прежде находившихся в небрежении (Plin. Ep.X. 18. 3: «Прежде всего перебери отчеты о городском имуществе; злоупотребления здесь несомненны», — дает император указания своему легату) — все это указывает на то, что предшественники Плиния мало интересовались данным вопросом. Теория — это хорошо, но наместники не обязательно использовали предоставленные им полномочия. Отметим, тем не менее, что в качестве примера данная история выглядит наиболее показательным случаем вмешательства в местные дела высшего представителя центральной власти. Как писал в свое время А.В. Шмалько, «по сравнению с другими провинциями Востока в Вифинии-Понте римская политика проводилась наиболее последовательно,

поскольку не только поставила города под контроль Рима, но и впервые лишила их прежнего политического устройства» [3. С. 18].

Если финансовое состояние той или иной общины вызывало у наместника обеспокоенность, то, исходя из результатов проверки местных финансов, он имел право принять меры для исправления ситуации. Тогда открывались две возможности, которые не исключали, но дополняли друг друга: увеличить доходы либо урезать расходы.

Меры наместника по сокращению городских расходов

К числу трат, которые можно было отменить или уменьшить без серьезных последствий для хозяйства и социальной жизни города, в первую очередь относились представительские расходы. Посольства были статьей бюджета, которая явно вдохновляла наместников, стремившихся к экономии. Таким путем Цицерону удалось уменьшить финансовые потери, которые городам Киликии приходилось нести при отправке посольств в Рим для выражения признательности Аппию Клавдию Пульхру (наместнику Киликии в 53–51 гг. до н.э.). Подобные траты (и, возможно, сама идея выражения почтения бывшему наместнику обобранными им провинциалами) вызвала объяснимое недовольство преемника Клавдия Пульхра, т.е. самого Цицерона. Последний пишет, что принял соответствующее решение по просьбе некоторых городов, пожаловавшихся ему на то, что они не в состоянии нести эти расходы (Cic. Fam. III. 8. 2–3, 5; 10. 6–7). Позже Плиний, будучи наместником провинции Вифиния-Понт, предпринял аналогичную меру в отношении города Византия, который ежегодно тратил 12 тыс. сестерциев на отправку посольства с приветственной псефизмой императору. Плиний предложил Траяну отправлять только одну псефизму без посольства, что вызвало одобрение принцепса, ответившего: «Прекрасно сделал, дорогой Секунд, вернув византийцам эти 12 тысяч, которые они тратили, отправляя посла приветствовать меня» (Plin. Ep.X. 43. 1–2; 44). Точно так же Плиний предложил императору отменить ежегодную отправку представителя городской общины к наместнику Нижней Мёзии, которая стоила Византию 3 тыс. сестерциев ежегодно (Plin. Ep.X. 43. 3). Это предложение, кстати, имеет параллели, поскольку ряд документов свидетельствует о том, что императоры пытались ограничить количество и стоимость таких посольств, стоивших провинциалам немалых сумм [4. P. 135, 243; 5. С. 480–481; 6. P. 236; 7. С. 380–382]. В частности, Веспасиан своим указом ограничил число участников таких посольств тремя человеками: «В эдикте же божественного Веспасиана всем гражданским общинам повелевается, чтобы они посылали не более чем по три посла» (Dig. L. 7. 5. 6. *Пер. Л.Л. Кофанова*). Однако данное повеление перестало выполняться не позже принципата Адриана [6. P. 235–237]. Наконец, в отрывке из речи, которую Дион Кассий приписывает Меценату, предлагалось, чтобы

города не отправляли посольства императору, а сообщали о своих пожеланиях наместнику, который передавал бы их, если сочтет нужным (Dio Cass. III. 30. 9–10). Опять же, забота о финансах городов была заявлена в качестве приоритета.

Раздача общественных денег гражданам по случаю праздника также строго контролировалась, по крайней мере, со II в. В 138 г. город Эфес решил в очередной раз провести празднества в честь дня рождения императора Антонина Пия. Каждый гражданин должен был получить по этому случаю денарий. Запрос местных властей был отправлен проконсулу Азии Луцию Ветулю Апрониану, чтобы тот вынес решение по поводу этих планов. Положительный ответ был получен и затем выгравирован на плите в театре Эфеса (IEph. I. 21. l. 25–32, 42–55). Но, например, Траян в схожих ситуациях, очевидно, реагировал иначе. Тот факт, что в своем письме Плинию он напоминал о нежелательности делать неоправданные пожертвования из общественных фондов общин (Plin. Ep.X. 111: «Распоряжением моим запрещено одаривать из городских средств», — написал император своему легату), свидетельствует о праве наместника отменять или ограничивать подобные статьи расходов. Надо полагать, эти траты могли быть довольно разорительными для провинциальных общин, особенно что касается наиболее платежеспособных граждан, на которых наместники старались опираться [8. С. 375].

Меры по увеличению городских доходов

Дисбаланс между доходами и расходами городской общины можно было уменьшить и путем увеличения ее доходов. В этом случае новые поступления были либо единовременными, проистекавшими от разового решения, либо постоянными, обеспечивавшимися введением нового налога. Городские власти едва ли имели право взимать новый налог по собственной инициативе. Требовалось разрешение вышестоящих инстанций. Судя по всему, оно давалось императором после консультации с наместником, как видно из надписи в испанском городе Флавии Саборе. Веспасиан переадресовал обращение, поступившее от старейшин этого города, планировавших ввести новый налог, к проконсулу Бетики, ответив им, что он не может решить этот вопрос без учета мнения последнего. При этом Веспасиан подтвердил решение, принятое Августом, которое позволяло Флавии Саборе воспользоваться поступлениями от установленных ранее налогов (CIL II. 1423 = ILS 6092).

В рескрипте Септимия Севера и Каракаллы также подтверждалась процедура, которой должны были следовать провинциальные общины в вопросе о ведении нового налога. В этом случае старейшинам следовало обратиться к наместнику, который затем обязан был получить одобрение императора, единственного, кто имел право принимать окончательное решение (Cod. Iust. IV. 62). Как полагает ряд исследователей, такие одобрения не могли

предоставляться слишком часто, т.к. в этом случае было бы трудно избежать конкуренции местных налогов со сборами, взимаемыми в пользу римского государства [2. Р. 314–315; 9. Р. 667]. Разумеется, в некоторых случаях император давал наместнику положительное заключение о введении нового налога (CIL VIII. 10327, 10328). Политика, например, Александра Севера в данном вопросе нашла отражение в источнике более позднего периода: «Он передал городам налоги с тем, чтобы они пошли на их собственные постройки» (SHA Sev. Alex. XXI. 1. *Пер. С.П. Кондратьева*). В 158 г. Антонин Пий разрешил Парфикополису, городу в Македонии, взимать налог в размере одного денария с каждого свободного человека, подлежавшего подушному обложению [10. Р. 322–324 (inscr. n. 156)].

Другим источником дохода для провинциальной общины были пожертвования в пользу городской казны, вносившиеся новыми декурионами или булевтами при вступлении в должность. Как заметил Адриан Шервин-Уайт, санкционирование увеличения числа членов городского совета фактически создавало условия для пополнения финансовых ресурсов общины [11. С. 620]. Довольно подробную картину означенной практики в провинции Вифиния-Понт начала II в. дают Плиний Младший и Дион Хризостом. Разрешение на назначение новых булевтов в большем количестве, чем прежде, было дано Траяном Прусе и Клавдиополю (Plin. Ep.X. 39. 5; Dio Chrys. Or. XLV. 7). В Прусе, о которой говорит Дион Хризостом, новых булевтов было избрано сто человек (Dio Chrys. Or. XLV. 7, XLVIII. 11) [12. Р. 383–384]. Между тем Плиний в своем письме императору приводит суммы выплаченного ими взноса — от тысячи до двух тысяч денариев (Plin. Ep.X. 112. 1). В 158 г. Антонин Пий установил вышеупомянутому Парфикополису сумму единовременного взноса для членов местного городского совета в размере 500 денариев от каждого булевта [10. Р. 322–324]. Очень похоже на то, что увеличение числа булевтов и закрепление практики взноса при их избрании было призвано не удовлетворить амбиции большего числа граждан, но обеспечить приток средств в городскую казну [13. С. 138; 14. Р. 311–312, 321–322].

Указанное обстоятельство ясно прослеживается в отрывке из другой речи Диона Хризостома. Он приводит слухи, которые, по мнению оратора, были необоснованными: утверждалось, что император якобы разрешил Смирне избрать десять тысяч булевтов, приказал, чтобы течение реки Пактол было перенаправлено в город, и даровал городу огромные денежные суммы (Dio Chrys. Or. XL. 14). Таким образом, назначение новых булевтов оказывается здесь частью серии мер, явно воображаемых, направленных тем не менее на то, чтобы превратить Смирну в процветающий город. С другой стороны, трудно оценить важность этого источника дохода для той или иной общины, поскольку количество булевтов существенно варьировалось от города к городу.

Взыскание просроченной задолженности

Плиний Младший в качестве наместника провинции Вифиния-Понт одним из своих первых мероприятий предпринял проверку финансового положения городов провинции. Он обнаружил, что крупные суммы, относившиеся к финансам общин, находятся у лиц, сложивших магистратские полномочия или, возможно, вообще не занимавших общественных постов: «Много денег под разными предлогами задержано частными лицами; кроме того, их выпрашивают на расходы совершенно незаконные» (букв. *minime legitimis*) (Plin. Ep.X. 17A. 3). Плиний планировал вернуть средства для финансирования необходимых расходов, например, строительства бани в Прусе (Plin. Ep.X. 23. 2, 54. 1). Данные суммы могли быть неправомерно удерживаемы по нескольким причинам: во-первых, речь могла идти о деньгах, вверенных ответственным городским лицам (*curatores operum*) для финансирования работ, которые, тем не менее, не были завершены или исполнение которых не соответствовало первоначальному плану. Именно к такому выводу можно прийти, исходя из слов наместника: «Кажется, немалые средства можно истребовать от строительных надзирателей, если произвести верные обмеры» (Plin. Ep.X. 17B. 2). Порядок действий в этом случае был отработан достаточно четко: надлежало провести судебное рассмотрение действий означенных кураторов, в ходе которого проверялись счета (*ratio operis*). При обнаружении неправомерного расходования средств или их удержания без веских на то причин ответственному лицу предписывалось возместить соответствующие суммы.

Примером такого разбирательства можно считать случай Диона Хризостома, который сам не избежал подобных обвинений (Plin. Ep.X. 81, 82). Ему пришлось отчитываться перед гражданами Прусы за невыполнение работ, на которые в его распоряжение поступили городские средства. Дион заявил, что общественные деньги находятся в распоряжении отдельных лиц во всех городах и что, разумеется, было бы уместно вернуть их. К суммам, которые можно было вернуть, согласно Диону, стремившемуся переключить внимание сограждан на другую проблему, надлежало также добавить те деньги, которые, по обычаю, должны были вносить лица, избравшиеся на ту или иную должность, включая почетные.

Речь Диона свидетельствует о том, что означенные суммы (по случаю избрания на должность) в Прусе по какой-то причине не были своевременно внесены в казну города. Юристы указывают, что эти *pollicitationes ob honorem* подлежали выплате во всех случаях, в том числе и наследниками, если магистрат умер, не выполнив своих финансовых обязательств перед городом [15. P. 699–718, 766–786]. Однако задержки в подобных обстоятельствах не были чем-то исключительным. Список аналогичных примеров был в свое время составлен для Проконсульской Африки и Нумидии. Здесь было выявлено пятьдесят два таких случая, что, несомненно, представляет собой лишь смягченное отражение ситуации [15. P. 179–180]. Порой внесение суммы

происходило лишь через десять лет. Применительно к Вифинии о чем-то подобном свидетельствуют письма Плиния Младшего и речи Диона Хризостома (Plin. Ep.X. 39. 3; Dio Chrys. Or. XLVII. 19).

Города являлись собственниками земли, сдача которой в аренду теоретически позволяла им получать определенный доход, но, похоже, арендная плата не всегда выплачивалась регулярно. Эпиграфический текст, выгравированный на пронаосе храма Зевса в Айзаной (совр. Чавдархисар), что в Мисии, дает представление об этой проблеме. «Цари Пруссий и Аттал», которых следует отождествлять с Прусием I (230/227–182 гг. до н.э.) и Атталом I (241–197 гг. до н.э.) [7. С. 329; 16. Р. 84–94], некогда пожертвовали святилищу и городу землю, которая была разделена на клеры и доходы от которой предназначались для обеспечения местных финансов. Со временем суммы задолженности арендаторов этих клеров выплачиваться перестали, что стало причиной значительных финансовых потерь для города. Поэтому возник спор между храмом Зевса, с одной стороны, и потомками тех, кто прежде арендовал участки храмовой земли и в итоге задолжал за пользование участками (CIL III. 355). Дело дошло до проконсула Азии в 125–126 гг. Тита Авидия Квиета, который обратился к императору Адриану за разрешением давнего спора [17. S. 199]. Судя по некоторым данным, судебное решение на этот счет ранее уже было вынесено проконсулом Азии Меттием Модестом (119–120 гг.) [PIR² M 568; 16. Р. 181]. Тогда Модест решил спор в пользу храма, подтвердив, что *vectigal* должен быть уплачен. Несмотря на это авторитетное решение, конфликт зашел в тупик и затянулся еще на несколько лет, что привело к новому вмешательству — пять или шесть лет спустя. Теперь уже император Адриан должен был подтвердить решение Меттия Модеста. Описанная эпопея является ярким примером того, как в случае прекращения поступления доходов в местную казну общины без колебаний обращались к римским властям. Скорее всего, вмешательство проконсула было вызвано инициативой жителей Айзаноя, города в малоазийской Фригии [16. С. 183; 18. Р. 146]. Видимо, такого вмешательства не всегда было достаточно, ведь постановление Модеста не смогло завершить тяжбу.

Весьма показательным представляется нам решение Плиния Младшего, который ради того, чтобы гарантировать возврат просроченных сумм, предполагал с согласия императора ввести институт протопраксии, или приоритетного долга, для городов своей провинции — привилегию, которая обычно предназначалась для обеспечения поступлений в казну империи (Plin. Ep.X. 108. 1–2). Вполне вероятно, что этот приоритет предоставлялся общинам и в других случаях, но универсального правила установлено, похоже, не было. Решение, которое Плиний предлагал в этом случае Траяну, заключалась в том, чтобы создать полезный прецедент, основу для выработки правил на будущее. В данном конкретном случае его надежды не оправдались,

поскольку Траян вовсе не желал устанавливать такое общее правило, а лишь порекомендовал рассматривать каждый случай отдельно (Plin. Ep.X. 109).

Вмешательство наместника в финансовые дела городской общины иногда осуществлялось путем применения его авторитарной власти. Так, надпись, обнаруженная в македонской Берое, датируется второй половиной II в. и представляет собой решение (*διάταγμα*) тогдашнего проконсула Македонии Луция Меммия Руфа о городском гимнасии. Последний пришлось закрыть из-за нехватки средств и отсутствия тех, кто мог бы взять на себя функции гимнасиарха. Проконсул возмутился таким скандальным для столь крупного города провинции положением дел и объявил свое решение, заключавшееся в сборе необходимых средств и обеспечении их наличия в дальнейшем (AE 1998. 1213). Решение Меммия Руфа предусматривало учреждение капитала в 100 тыс. денариев, который смог бы приносить годовой доход в 6 тыс. денариев, достаточных для содержания городского гимнасия. Среди предусмотренных мер были и другие, касавшиеся перераспределения пожертвованных на другие городские нужды сумм с целью финансирования гимнасия — мера, которая, несомненно, была достаточно радикальной и могла вызвать недовольство жертвователей, но соответствовала интересам большинства граждан Берои.

Заключение

Таким образом, разобранные примеры показывают, насколько тщательным был контроль наместника по отношению к провинциальным общинам. Финансовая составляющая римской провинциальной политики затрагивала весьма разнообразные области. Мониторинг городских финансов был аспектом, требовавшим постоянного внимания, поскольку, по крайней мере, ко II в. городские власти зачастую не проявляли достаточной компетенции или рвения в решении накопившихся проблем. Даже лучшие представители местной аристократии, как, например, Дион Хризостом, оказывались недостаточно подготовленными к самостоятельному осуществлению полномочий, связанных с соблюдением финансовой дисциплины. В этом отношении дошедшие до нас речи Диона, а также такой важный источник, как переписка Плиния Младшего с Траяном, являются свидетельством в пользу закономерного обстоятельства: с ослаблением правомочий и компетенции городских властей администрация наместника должна была все более втягиваться в решение самых насущных финансовых вопросов. И здесь нельзя не заметить очевидный прогресс в политике римского государства и его представителей в провинции, особенно очевидный, если сравнивать ситуацию, в частности, при Антонинах со всем тем, что характеризует деятельность наместников во времена Цицерона. Регулярные судебные разбирательства в связи с обвинением в злоупотреблениях пропреторов и проконсулов остались в республиканском прошлом. На смену прежним «практикам» подобного рода пришла

вдумчивая, скрупулезная работа императорских назначенцев, правда, оказавшаяся единственным возможным средством компенсации деградировавшего самоуправления провинциального города.

Библиографический список

1. *Смирнова И.К.* Политика Траяна в провинции Вифиния-Понт (к оценке особенностей провинциальной политики в эпоху Принципата): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. 22 с.
2. *Burton G.P.* The Roman Imperial State, Provincial Governors and the Public Finances of Provincial Cities, 27 B.C. — A.D. 235 // *Historia*. 2004. Bd. 53. P. 311–342.
3. *Шмалько А.В.* Римская социальная политика в провинции Вифиния-Понт во второй половине I в. до н.э. — I в. н.э. // *Античная древность и средние века: Пробл. социал. развития: сб. науч. тр.* Свердловск : УрГУ, 1985. С. 16–24.
4. *Jones A.H.M.* The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford : Clarendon Press, 1940. viii, 393 p.
5. *Williams W.* Antoninus Pius and the Control of Provincial Embassies // *Historia*. 1967. Bd. 16. P. 470–483.
6. *Souris G.A.* The Size of the Provincial Embassies to the Emperor under the Principate // *ZPE*. 1982. Bd. 48. P. 235–244.
7. *Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337). London : Duckworth, 1977. xvi, 656 p.
8. *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья: Синопа. Амис. Трапезунд. М.–Л. : АН СССР, 1956. 472 с.
9. *Jacques F.* Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244). Rome : Ecole Française de Rome, 1984. xxxv, 867 p.
10. *Oliver J.H.* Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri. Philadelphia : American Philosophical Society, 1989. xxxv, 634 p.
11. *Sherwin-White A.N.* The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary. Oxford : Clarendon Press, 1966. xv, 808 p.
12. *Desideri P.* Dione di Prusa. Un intellettuale greco nell'impero romano. Messine — Florence : Casa editrice G. D'Anna, 1978. xiv, 642 p.
13. *Jones C.P.* A New Commentary on the Letters of Pliny // *Phoenix*. 1968. Vol. 22. No. 2. P. 111–142.
14. *Garnsey P.* Honorarium decurionatus // *Historia*. 1971. Bd. 20. P. 309–325.
15. *Jacques F.* Ampliatio et mora: Evergètes récalcitrants d'Afrique romaine // *Antiquités africaines*. 1975. T. 9. P. 159–180.
16. *Dignas B.* Economy of the Sacred in the Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford : University Press, 2002. xiv, 364 p.
17. *Eck W.* Senatoren von Vespasian bis Hadrian. Prosopographische Untersuchungen mit Einschluss der Jahres- und Provinzialfasten der Statthalter. München : C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. viii, 284 S.
18. *Debord P.* Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie gréco-romaine. Leiden : E.J. Brill, 1982. ix, 476 p.

References

1. Smirnova I.K. *Politika Trayana v provincii Vifiniya-Pont (k ocenke osobennostej provincialnoj politiki v epohu Principata)* [Trajan's policy in the province of Bithynia-Pontus (to assess the features of provincial politics in the era of the Principate)]: Abstract of a candidate of historical sciences. Leningrad; 1978. 22 p. (In Russ.).

2. Burton GP. The Roman Imperial State, Provincial Governors and the Public Finances of Provincial Cities, 27 B.C. — A.D. 235. *Historia*. 2004;(53):311–342.
3. Shmal'ko AV. Rimskaya social'naya politika v provincii Vifiniya-Pont vo vtoroj polovine I v. do n.e. — I v. n.e. [Roman social policy in the province of Bithynia-Pontus in the second half of the 1st century. BC. — I century AD]. In: *Ancient antiquity and the Middle Ages: Probl. social development: Collection of scientific papers*. Sverdlovsk: UrSU; 1985, pp. 16–24. (In Russ.).
4. Jones AHM. *The Greek City from Alexander to Justinian*. Oxford: Clarendon Press; 1940. viii, 393 p.
5. Williams W. Antoninus Pius and the Control of Provincial Embassies. *Historia*. 1967;(16):470–483.
6. Souris GA. The Size of the Provincial Embassies to the Emperor under the Principate. *ZPE*. 1982;(48):235–244.
7. Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337)*. London: Duckworth; 1977. xvi, 656 p.
8. Maksimova MI. *Antichnye goroda Yugo-Vostochnogo Prichernomor'ya: Sinopa. Amis. Trapezund* [Ancient cities of the South-Eastern Black Sea region: Sinope. Amis. Trebizond]. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union; 1956. 472 p. (In Russ.).
9. Jacques F. *Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244)*. Rome: Ecole Française de Rome; 1984. xxxv, 867 p.
10. Oliver JH. *Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri*. Philadelphia: American Philosophical Society; 1989. xxxv, 634 p.
11. Sherwin-White AN. *The Letters of Pliny. A Historical and Social Commentary*, Oxford: Clarendon Press; 1966. xv, 808 p.
12. Desideri P. *Dione di Prusa. Un intellettuale greco nell'impero romano*. Messine — Florence: Casa editrice G. D'Anna; 1978. xiv, 642 p.
13. Jones CP. A New Commentary on the Letters of Pliny. *Phoenix*. 1968;22(2):111–142.
14. Garnsey P. Honorarium decurionatus. *Historia*. 1971;(20):309–325.
15. Jacques F. Ampliatio et mora : Evergètes récalcitrants d'Afrique romaine. *Antiquités africaines*. 1975;(9):159–180.
16. Dignas B. *Economy of the Sacred in the Hellenistic and Roman Asia Minor*. Oxford: University Press; 2002. xiv, 364 p.
17. Eck W. *Senatoren von Vespasian bis Hadrian. Prosopographische Untersuchungen mit Einschluss der Jahres- und Provinzialfasten der Statthalter*. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung; 1970. viii, 284 S.
18. Debord P. *Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie gréco-romaine*. Leiden: E.J. Brill, 1982. ix, 476 p.

Информация об авторе:

Телепень Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществоведческих, Мозырский государственный педагогический университет им. Н.И. Шамякина, 247760, Республика Беларусь, Мозырь, ул. Студенческая, 28, e-mail: telepen_serg@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5560-8599. Autor ID: 449372. SPIN-код: 6953-0339.

Information about the author:

Sergey V. Telepen — PhD in History; Associate Professor of the Department of History and Humanities, Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin; 28 Student St., Mozyr; 247760, Belarus, e-mail: telepen_serg@mail.ru. ORCID: 0000-0001-5560-8599. Autor ID: 449372

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА THE FOREIGN POLICY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-352-368

EDN: IZAZTT

Научная статья / Research article

Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» об участии херсонеситов в боевых действиях III–IV веков: военно-тактический аспект

В.В. Хапаев

Севастопольский государственный университет, Севастополь,
Российская Федерация

✉ khapaev007@mail.ru

Аннотация. Изучается военно-тактический аспект четырех войн конца III — первой половины IV века, в которых на стороне Рима участвовал Херсонесский полис. Информация о них изложена в главе 53 наставления византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». Показано, что этот отрывок является органической частью трактата и помещен в него намеренно, как образец сочетания доблести, хитрости и верности херсонеситов Риму, что было полезным для адресата повествования — юного императора Романа II. Установлено, что использование мобильного отряда вооруженных легкой метательной артиллерией повозок для засадных действий в ходе «Битвы при Боспоре» 291 г. было инновацией в военном деле, что и привлекло внимание Константина Багрянородного. Остальные аспекты этой битвы коррелируют с наставлениями трактата «De re militari» Флавия Вегеция. Победное участие херсонесских войск в двух следующих сражениях — на Дунае и при Кафе придало херсонеситам уверенности в своих силах и позволило впервые в истории расширить владения полиса до границ Керченского полуострова. Поединок архонта Херсонеса Фарнака с Боспорским царем, решивший исход противостояния в четвертой войне, не является вымыслом и имеет многочисленные аналогии как в предшествующей греко-римской, так и в последующей византийской истории.

© Хапаев В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Херсонес, Боспор, Константин Багрянородный, войны, тактика, хироволистры, поединок

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 13.02.2024. Принята к публикации: 17.04.2024.

Для цитирования: Ханаев В.В. Трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» об участии херсонеситов в боевых действиях III–IV веков: военно-тактический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 352–368. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-352-368>

The treatise by Constantine Porphyrogenitus 'De Administrando Imperio' on the Chersonesos participation in the 3rd–4th centuries' wars: military tactical aspect

Vadim V. Khapaev

Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

✉ khapaev007@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the military-tactical aspect of four wars late 3rd — first half of the 4th century. During this wars the Chersonesos polis participated on the side of Rome. Information about them is presented in chapter 53 of the of the Byzantine emperor Constantine Porphyrogenitus tractate «De Administrando Imperio». This passage is an organic part of the treatise and was placed in it deliberately, as an example of Chersonesites valor, cunning and loyalty to Rome, which was useful for the addressee of the narrative — the young Emperor Romanus II. It has been established, that the use of a mobile detachment of carts armed with light throwing artillery for ambush operations during the «Battle at Bosphorus» in 291 was an innovation in military affairs, which attracted the attention of Constantine Porphyrogenitus. Other aspects of this battle correlate with the instructions of the treatise «De re militari» by Vegetius Flavius. The victorious participation of the Chersonesos troops in the next two battles — on the Danube and «At Kafa» — gave Chersonesos confidence in their abilities and made it possible for the first time in history to expand the possessions of their state to the borders of the Kerch Peninsula. The duel between the Archon of Chersonesos, Pharnaces, and the Bosphoran king, which decided the outcome of the confrontation in the fourth war, is not fiction and has numerous analogies in both previous Greco-Roman and subsequent Byzantine history.

Keywords: Chersonesos, Bosphorus, Constantine Porphyrogenitus, wars, tactics, hirovolistra, duel

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 13.02.2024. Accepted: 17.04.2024.

For citation: Khapaev VV. The treatise by Constantine Porphyrogenitus 'De Administrando Imperio' on the Chersonesos participation in the 3rd–4th centuries' wars: military tactical aspect. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):352–368. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-352-368>

Введение

Заключительная (и самая текстуально обширная) глава 53 трактата византийского императора Константина VII Багрянородного (913/945–959) «Об управлении империей» содержит пять античных сюжетов, как будто бы не имеющих отношения к основному содержанию этого труда. Он представляет собой инструкцию по ведению внешней политики империи, написанную Константином VII (или под его непосредственным руководством) для старшего сына, соправителя (с 6 апреля 945 года) и преемника — Романа II (959–963). Поэтому основное содержание трактата — актуальные для середины X в. рекомендации о том, как необходимо вести дела на различных внешнеполитических направлениях. Время написания текста, традиционно относимое к 948–952 гг. [1. С. 5], возможно, было более поздним — 953–959 гг. По мнению А.С. Щавелева, вероятнее всего он был завершён императором в 955 г. и преподнесен Роману II в подарок по случаю его бракосочетания с Феофаной [2. С. 701].

Автор в нескольких главах приводит исторические экскурсы. Они, как правило, носят назидательный характер и имеют политическую актуальность для своего времени. Такова глава 14 «О происхождении Мухумета» (*De Admin.* 14), призванная показать, что он — лжепророк и язычник. В условиях многовековых войн ромеев с мусульманами это служило мотивацией к их продолжению. Несколько последующих глав, в которых излагается (в весьма искаженной ромейской интерпретации) история арабов и их завоеваний (главы 15–22), также призваны проинформировать будущего автократора о том, с кем ему предстоит иметь дело и в войне, и в мире.

В самой обширной — 53-й — главе трактата дело обстоит, казалось бы, иначе. На языке оригинала она именуется «Ἱστορία περὶ τοῦ Κάστρου Χερσῶνος», в латинском переводе «*De castro Chersonis historia*» [3. С. 202]. На русский язык М.В. Бибииков и Л.И. Грацианская перевели ее название так: «Повествование о крепости Херсон» [1. С. 9, 246–247]. Перевод слова «Ἱστορία» как «Повествование», являющийся обращением к древнеримскому смысловому наполнению этого термина, представляется в данном случае не отражающим сути главы. Если бы в ней содержалось описание крепости Херсон, основанное на современных автору впечатлениях, она была бы повествованием. Но большая часть главы 53 повествует не о Херсоне X в., а о его далеком античном прошлом, т.е. излагает именно яркие события истории этого полиса.

В главе 53 автор в одиннадцатый раз обращается к теме Херсона. До этого Херсон и херсониты упоминаются в главах 1, 2, 6, 7, 8, 9, 11, 22, 37, 42. Всего в трактате, по моим подсчетам, слова «Херсон» и «херсониты» упоминаются 106 раз, в том числе в главе 53 — 68 раз (*De Admin.* 53). Ни один топоним, ни один населенный пункт, включая Константинополь, не обозначен в трактате «Об управлении империей» столь часто. Огромное, можно сказать,

приоритетное внимание императора к Херсону при работе над трактатом совершенно очевидно.

В заключительной главе он дает обширнейший экскурс в античную историю Херсона (тогда еще Херсонеса), выбрав в качестве сквозной темы этого повествования противостояние херсонеситов и Боспорского царства.

Несмотря на уникальность и ценнейшую информативность античных сюжетов главы 53, с момента первой публикации трактата «Об управлении империей» голландским историком, филологом и антикваром Йоханнесом Меурзием [3] в Лейдене в 1611 г., они долгое время не подвергались научному изучению. Лишь один из них — о спасительнице Херсонеса Гикий, дочери Ламаха — воспринимался, как минимум, с первой четверти XIX в., как вполне правдивый эпизод древней истории Крыма и стал достоянием образованной публики. Вот, например, что писал об этом в репортаже о посещении херсонесских руин, опубликованном в 1827 г., корреспондент петербургской газеты «Северная пчела» и журнала «Сын Отечества» Христиан Штир: *«Не на сем ли месте находился дворец знаменитой Гикий, коей геройские подвиги передал нам Константин Порфирородный в письмах своих?»* [4. С. 245]. Этот же сюжет первым удостоился научного анализа — в 1897 г. его результаты опубликовал британский исследователь Р. Гарнетт [5].

Четыре первых сюжета (а именно они представляют для нас интерес как содержащие информацию о боевых действиях) такого внимания не удостоились, хотя Р. Гарнетт в той же публикации назвал и их историческими [5. С. 102].

Видимо, это было связано с тем, что авторитетный ученый второй половины XIX — начала XX в., единственный в мире историк — лауреат Нобелевской премии, автор классической «Римской истории» Теодор Моммзен (прославившийся также русофобией и демонстративным пренебрежением к славянским этносам [6]), дал резко негативную оценку экскурсу Константина Багрянородного в историю античного Херсонеса. Фактически он эти сведения полностью дезавуировал: *«Невозможно, конечно, принимать всерьез фантастические рассказы о Херсонесе у более позднего автора, Константина Багрянородного (De adm. imp., 53). Злой боспорский царь Савромат... который вместе с сарматами ведет войну против императоров Диоклетиана и Констанция, а также против оставшегося верным империи Херсона, очевидно, появился в результате смешения имен боспорского царя и народа, а самое это сообщение представляет точно такой же исторический факт, как и вариация на тему о Давиде и Голиафе – победа маленького херсонесца Фарнака над великаном – царем боспорцев Савроматом»* [7. С. 270. Прим. 72].

Изучения информации, изложенной Константином Багрянородным, Т. Моммзен не предпринял. Но до сегодняшнего дня отбил у исследователей охоту к анализу военного аспекта херсонесско-боспорских войн, изложенных в «Истории крепости Херсон».

Многие авторы, обращающиеся к сюжетам о херсонесско-боспорских войнах, до сих пор, вслед за Т. Моммзеном, считают их вымыслом [8], [9. С. 47–48], [10]. А те, кто исходит из их достоверности, как правило, обходят описания самих сражений, видимо, все еще считая их «фантастическими рассказами» и «чудесами» [11], [12], [13. С. 33–40], [14]. Хотя, как будет показано ниже, ничего «чудесного» и неправдоподобного в этих повествованиях нет. Основной своей задачей авторы, признающие достоверным сам факт херсонесско-боспорских войн, видят в поиске археологических подтверждений того, что они имели место. Так же, как и участие херсонесского отряда «преданных баллистариев» в боевых действиях против готов на Дунае под началом императора Константина I Великого.

Поскольку такие артефакты действительно обнаружены и число их увеличивается [15. С. 269 сл.], исследователи приходят ко все более уверенному выводу, что четыре первых эпизода древней истории Херсонеса, изложенные Константином Багрянородным, не фантастические рассказы, а отражение исторической реальности. Но вот само это отражение по-прежнему называют «беллетризированным» [15. С. 269], отказывая византийскому императору и его херсонскому источнику в праве на достоверность.

Проанализируем, насколько этому источнику можно доверять. Для начала рассмотрим, верно ли предположение, что «История крепости Херсон» — механическая, чужеродная вставка [1. С. 450]. Напомню, на каких носителях до нас дошел текст трактата. Он сохранился в четырех списках. Три из них — копии XVI в. с единственного средневекового манускрипта. Этот единственный экземпляр, известный как *Codex Parisinus gr. 2009*, создан во второй половине XI в. [16. Р. 16–23]. Согласно расчетам А.С. Щавелева, он был написан между 1059–1073 или 1081–1088 гг. по заказу кесаря (младшего императора, соправителя василевса) Иоанна Дуки (1059–1088). В первом случае список с существовавшего в единственном экземпляре, вероятно, секретного протографа, хранившегося в Императорской библиотеке, мог быть заказан кесарем для собственного изучения. Во втором случае — в качестве пособия для обучения царевичей — будущих Константина X и Михаила VII, у которых заказчик был наставником. На обороте листа 211 сохранился колофон с именами как заказчика, так и переписчика — Михаила по прозвищу Ройзайту (Ροϊζαῖτου), приближенного кесаря [17. Р. 681–683]. Понятно, что доверить копирование сверхсекретного документа рядовому писцу было нельзя.

А.С. Щавелев полагает, что авторов текста трактата было двое. Один из них — сам император Константин VII, второй — его доверенный человек («писатель-призрак»). Исследователь предположил, что им был Феодор, архиепископ Кизика — города на берегу Мраморного моря, в 85 км от столицы. Это предположение строится на том, что император

и архиерей вели активную переписку, и Феодор был соавтором публичных речей императора [17. Р. 687–690].

К написанию интересующей нас главы 53, по мнению А.С. Щавелева, приложили руку оба гипотетических автора. «Первый» (император?) написал в конце текста указание, что нужно делать с херсонитами в случае их восстания или неповиновения (De Admin. 53.530–535). А «второй» (архиепископ?) — информацию об источниках и сортах нефти, добываемой на Кубани («в Хазарии») (De Admin. 53.493–529) [17. Р. 694, 698].

Вопрос о том, кто был инициатором помещения в трактат обширнейшей исторической выписки о противостоянии Херсонеса и Боспора, в историографии не ставился. Но рискну предположить, что это был Константин VII, который в любом случае являлся основным редактором текста, даже тех его частей, которые он сам не писал. Как предположил А.С. Щавелев, значительная часть сведений, изложенных в трактате, могла изначально записываться любознательным императором для себя, начиная с подросткового возраста [17. С. 697]. А обилие упоминаний Херсона в 11 главах текста из 53 свидетельствует о том, что этот город, и не только его история, но и в первую очередь актуальное значение для империи интересовали василевса всю его жизнь. Список местной херсонесской хроники он мог заказать задолго до написания трактата «Об управлении империей», а попавшие в главу 53 истории были его любимыми сюжетами, учитывая и их увлекательность, и эмоциональность изложения (совершенно не характерную для основного текста трактата). Император поделился с сыном историей противостояния херсонеситов и боспорян так же, как мы делимся с близкими любимыми книгами.

У Константина VII было не так много информации об окружающем мире, которую он мог бы передать преемнику, как может показаться, учитывая его статус. Американский исследователь И. Шевченко подметил, что сведения, изложенные в трактате, — это тот максимум, который смогли собрать император и его гипотетический соавтор. И каждое из них создатели наставления считали очень важным и эксклюзивным [18]. В чем могла состоять для политического планирования X в. важность событий, происходивших на Крымском полуострове в античности, станет понятно после анализа содержания изучаемых нами отрывков.

Битва при Боспоре (первый сюжет)

Во всех четырех сюжетах, которые мы изучаем, боспорские цари названы Савроматами. Поэтому их идентификация с подлинными историческими персонажами дискуссионна. М.Б. Щукин логично предположил, что составитель приводимой Константином VII хроники использовал слово «Савромат» не в качестве антропонима, а как титул боспорского царя (аналогично римскому титулу «цезарь») [19. С. 446]. Возможно, автор первоисточника стремился

подчеркнуть этим варварскую сущность боспорских правителей в период их противостояния с Римом и Херсонесом. Ниже привожу идентификацию боспорских царей, упоминаемых в главе 53, в соответствии со сложившейся в историографии традицией.

В 291 г. боспорский царь Савромат (видимо, имеется в виду Фофорс (285–309) [1. С. 451. Прим. 3]) в союзе с сарматами и готами начал войну с Римской империей, захватив ее владения на Кавказе и северо-востоке Малой Азии, вплоть до реки Галис (совр. Кызыл-Йырмак). Император Диоклетиан направил против него войско под командованием Константа, в котором исследователи единодушно усматривают Констанция Хлора, будущего тетрарха [11. С. 206–208]. Но римляне не выдержали натиска. Тогда Констанций обратился к императору с просьбой направить херсонеситов против Боспора, пока там нет царя и большого войска, чтобы заставить Фофорса вернуться в Крым (De Admin. 53.1–20).

Главой Херсонеса («венценосцем и протевонном», т.е. «первенствующим») был тогда Хрест, сын Папия. Херсонеситы позвали на помощь «*мужей из соседних крепостей*» (De Admin. 53.28–29) (возможно, подконтрольных им варваров Юго-Западного Крыма), снарядили хироволистры, установив их на колесницы, и двинулись к городу Боспор, как тогда уже назывался Пантикапей. Достигнув окрестностей боспорской столицы ночью, они замаскировали артиллерию и ее боевые расчеты в засадах, а сами с утра небольшими силами стали атаковать городские стены. К трем часам дня херсонесская полевая армия, имитируя бегство, смогла выманить боспорян на открытую местность для преследования и умелым маневром подвела их под огонь замаскированных хироволистр. Вражеское войско было перебито, а херсонеситы захватили беззащитный Боспор и другие города царства (De Admin. 53.21–40).

«Никого более не убивая, кроме продолжающих воевать» (De Admin. 53.40–41), херсонеситы удерживали Боспор под своим контролем. Через несколько дней предводитель победителей Хрест выдвинул ультиматум женам Фофорса: или их муж заключает с римлянами мир и возвращается на Боспор, или жены царя и все боспоряне будут перебиты. Оказавшийся в затруднительном положении царь согласился на условия херсонеситов. Этим был весьма огорчен римский военачальник Констанций, который успел купить у Фофорса мир за большие деньги. Но хитрые херсонесские послы предложили римлянам шантажировать боспорского царя и дальше, требуя вернуть всех римских пленников и отказаться от обещанной выплаты, иначе херсонеситы Боспор царю не вернут. Фофорс был вынужден пойти и на эти условия. Херсонеситы возвратили ему царство после того, как все римские пленники и земли были освобождены. Они выполнили свое обещание, и Боспор достался царю неразрушенным и неразграбленным. За это император Диоклетиан подтвердил прежние права и свободы херсонеситов, а Констанций Хлор

спустя два года стал его соправителем (тетрархом). В ходе переговоров с Диоклетианом херсонеситы неоднократно подчеркивали, что они ему «охотно повинуются», называют его «повелителем», а себя «его подданными» (De Admin. 53.41–119). Но при этом в награду просили подтвердить их свободу, независимость и освобождение от имперских податей, что и было им предоставлено (De Admin. 53.110–115).

Этот отрывок содержит два последовательных сюжета: военно-тактический и военно-дипломатический. В обоих подчеркивается умение херсонеситов достигать своих целей с помощью хитрости. Автор отмечает, что эти свои качества горожане поставили на службу Риму.

Единого мнения о том, атаковали ли херсонеситы Боспор в одиночку или вместе с дислоцировавшимся в городе римским гарнизоном, как и о том, кем были баллистарии на колесницах — херсонеситами или римлянами, — в исторической науке не выработано. Часть исследователей считает их херсонесским ополчением на основе упоминания о привилегиях, которые даровал херсонесским баллистариям Константин Великий после их победоносного участия в сражении со «скифами» на Дунае (второй сюжет главы 53) (De Admin. 53.119–157) [20], [21]. Их оппоненты, опираясь на найденные в Херсонесе надписи IV–V вв., в которых восхваляются римские императоры, а баллистарии упоминаются именно как римские воины во главе с римскими же военачальниками, утверждают, что это был введенный в город имперский контингент. А информация Константина Багрянородного — результат политически ангажированного редактирования древних текстов, предпринятого в X в., чтобы подчеркнуть древность традиции преданности Херсонеса–Херсона имперским властям, благоволения императоров к этому городу и дарования ему вольностей. На самом деле баллистарии были римскими, но дислоцировались в Херсонесе на постоянной основе [22], [23], [8], [24].

Есть и компромиссная точка зрения, представляющаяся наиболее правдоподобной, согласно которой в Херсонес вначале было введено и размещено на постоянной основе римское артиллерийское соединение, а затем его начали комплектовать из местных уроженцев [25. С. 178].

В 291 г., когда происходили описываемые события, римляне в составе баллистариев, несомненно, были. По мнению французского исследователя К. Цукермана, в конце III в. в Херсонесе дислоцировалось соединение под названием *Balistarii Dafnenses*, находившееся в подчинении *magister militum* Фракии [26]. К. Цукерман убежден, что местных уроженцев в составе этого соединения не было, так как они (по сообщению Константина Багрянородного) были ополченцами, а ополченцев-артиллеристов якобы не бывает: *«Выглядит это столь же несообразно, как, скажем, в наше время народное ополчение ракетчиков»* [8. С. 553]. Наиболее аргументированно ему возразил М.В. Щукин: *«Я же такое вполне могу вообразить, достаточно и нескольких толковых*

командиров и инструкторов, чтобы научить новобранцев нажимать нужные кнопки» [19. С. 445].

Насколько нестандартным было то, что сотворили ведомые римлянами херсонесские баллистарии под стенами Боспора (бывшего Пантикапея)? Ответ на этот вопрос дают наставления жившего на рубеже IV–V вв. римского военного историка и теоретика Флавия Вегеция, автора популярного в средние века трактата «*De re militari*». Он известен также под названием «*Epitoma Rei Militaris*» — «Краткое изложение военного дела». Трактат основан на анализе многовекового римского военного опыта. Его изучение позволяет понять, что в выманивании боспорян в засаду ничего принципиально инновационного (а уж тем более сказочного) не было. Вегеций наставлял: «*Если же он (полководец — В.Х.) поймет, что враг сильнее его, пусть избегает открытого боя; ведь и менее многочисленные и более слабые силами, устраивая внезапные нападения и засады, при хороших вождях часто одерживали победы*» (Vegetius. III.9). Поскольку Боспорское государство было значительно крупнее херсонесского, то даже учитывая уход части сил боспорян с царем «Савроматом» в Анатолию и гипотетическое участие римлян в походе на Боспор, нападающих, видимо, было меньше, чем обороняющихся. В сложившихся тогда условиях римляне вряд ли могли держать в Херсонесе полноценное воинское соединение. Скорее это, действительно, были немногочисленные командиры и инструкторы.

Эффективность засад как способа разгрома врага Вегеций оценивает очень высоко: «*Считается, что нет ничего опаснее, чем если против неразумно преследующих выступят те, которые были оставлены в засаде или которые раньше к этому приготовились. А это как раз особенно удобный момент для засады, так как по отношению к отступающим проявляется больше смелости, но и меньше предусмотрительности*» (Vegetius. III.22). Этот фрагмент настолько точно описывает происшедшее под стенами Боспора, что можно было бы предположить: Вегеций знал об этом сражении. Но это, разумеется, недоказуемо.

Римский военный теоретик наставляет своих читателей тщательно выбирать время для заманивания врага в ловушку, когда он наименее внимателен и максимально расслаблен: «*Не только во время осад, но и в войнах всякого другого рода особенно важным считается старательно разузнавать все, касающееся привычек врагов, и точно их знать. Иначе нельзя, например, найти удобного момента для засад, если ты не знаешь, в какой час враг прекращает свой упорный труд, когда он оказывается менее осторожным, — а это бывает иногда в полдень, иногда к вечеру, часто ночью, иной раз в то время, когда он принимает пищу, когда воины с той и другой стороны рассеиваются для отдыха или физических потребностей. Когда это начинается в городе, то осаждающие коварно прекращают сражение, чтобы дать возможность широко развернуться вражеской небрежности. Когда она возрастает*

вследствие безнаказанности, осаждающие, внезапно пододвинув машины или поставив лестницы, занимают город» (Vegetius. IV.27).

Второй вопрос, который возникает в связи с этим эпическим сражением, что представляло собой оружие, решившее исход боя — хироволистры. Наличие на вооружении позднеримской полевой армии ручных стрелометов (хироволистр), стреляющих по принципу арбалета, констатирует тот же Вегеций. Он называет их карробаллистами (*carroballista*). Сражающихся с их помощью воинов он именует трагуляриями (*tragularii*) (Vegetius. II.15). Размещение хироволистр (карробаллист) на повозках он также включает в стандартный набор вооружения легиона: *«Обычно каждая центурия имеет свою «карробаллисту» (баллисту, поставленную на повозку), к которым приписываются мулы для перевозки и по одному человеку из каждой палатки, т.е. 11 человек, для ее обслуживания и наводки. Чем эти баллисты больше, тем дальше и сильнее они бросают стрелы. Они не только защищают лагерь, но и в поле они ставятся позади тяжеловооруженной пехоты. Силе их удара не может противостоять ни вражеский всадник, одетый в панцырь, ни пехотинец, защищенный щитом. Таким образом, в одном легионе обычно бывает 55 карробаллист» (Vegetius. II.25).*

Появились эти античные «тачанки», как назвал их М.В. Щукин [19. С. 444], задолго до не только Вегеция, но и херсонесско-боспорских войн. Они дважды (вместе с орудийной прислугой) изображены в 113 г. на колонне Траяна в Риме. Причем использовались они на войне с даками, в Северном Подунавье, совсем недалеко от места изучаемых нами событий [27].

В типовой набор вооружения крепостного гарнизона хироволистра, наряду с большими баллистами, также входила (Vegetius. III.3). В стандартном пехотном полевом строю хироволистры и их орудийная прислуга ставились в пятом ряду построения, вместе с пращниками (Vegetius. III.14). Ручные баллисты прозвали в римской армии «скорпионами»: *«Названы они были так потому, что маленькими и тонкими стрелками они наносят смерть» (Vegetius. IV.22).*

Существовали хироволистры увеличенного калибра и мощности, также установленные на телеги. Изначально они были изобретены для борьбы против боевых слонов противника (Vegetius. III.24). Но, по всей видимости, отлично работали и против лошадей, на которых смельчаки совершали вылазки из осажденных крепостей.

Но если засада и использование хироволистр на повозках не были чем-то новым в истории войн, чем тогда стремился похвалиться херсонесский хронист, и почему это привлекло внимание Константина VII? Речь, судя по всему, идет о создании в Херсонесе (или перебазировании в город) отдельного мобильного соединения баллистариев, для действий которого на поле боя были, видимо, разработаны и оттачивались специальные тактические

приемы. Херсонесское соединение «преданных баллистариев», впервые упомянутое в связи со сражением 291 г. под стенами Боспора, в дальнейшем существовало веками: Константин Багрянородный пишет о нем в настоящем времени (*De Admin.* 53.155–161). Т.е. оно, возможно, существовало и в середине X в. В памятниках эпиграфики IV–V вв. они упоминаются неоднократно [24. С. 359–362].

Сражение на Дунае (второй сюжет)

Специальные боевые навыки и доблесть «преданных баллистариев» из Херсонеса оказались вновь востребованы и высоко оценены сыном Констанция Хлора Константином Великим в войне со «скифами» (готами?) на Дунае. Это произошло в ходе одного из варварских нападений на дунайскую границу при Константине — в 323 или 332 г. [19. С. 444] (в трактате «Об управлении империей» даты отсутствуют). *«После того, как Констант умер, в Риме царствовал Константин, его сын. Когда он пришел в Византию и против него был некоторыми в Скифии затеян мятеж, он вспомнил сказанное его отцом Константом о благосмыслии и союзной дружбе херсонитов и отправил в страну херсонитов послов, чтобы они выступили против страны скифов и сразились с восставшими против него... Херсониты, охотно повинувшись повелению, приготовив со всем тщанием военные колесницы и хироволистры, достигли реки Истра и, переправившись через нее, сразились с повстанцами и победили их»* (*De Admin.* 53.124–135).

Рассказ об участии херсонеситов в войне за императора Константина на Дунае не содержит военно-тактического аспекта. Главное его содержание — следующее за процитированным отрывком подробное описание милостей, которыми император одарил Херсонес за боевую доблесть: подтверждение элевтерии (вслед за Диоклетианом, о чем сказано в первом сюжете), золотая царская статуя, 1000 аннон (продовольственных пайков), припасы для хироволистр. Далее подчеркивается, что «вплоть доныне» (т.е. к моменту написания текста трактата или хроники, которую он цитирует) херсонесские стратиоты служат в соединении баллистариев (*De Admin.* 53.125–161). Главное здесь — констатация вновь проявленной доблести и преданности херсонитов императору и империи.

Битва при Кафе (третий отрывок)

В третьем эпизоде, датированном исследователями временем между 329 и 340-ми гг., царь Боспора Савромат, внук того Савромата сына Крискорона, который ходил походом на римлян, решил отомстить Херсонесу за поражение в предыдущей войне. Собрав войско из подданных, живших по берегам Азовского моря (сарматов и готов?), он пошел на херсонеситов войной.

Правивший Херсонесом Виск сын Суполиха двинул свои войска навстречу агрессору, и битва между ними произошла у границ Боспора — «в местности Кафа», т.е. неподалеку от древней Феодосии (De Admin. 53.162–173). Свидетельством военной активности этого времени на пространстве между Судаком и Феодосией является обнаруженное на этой территории множество монетных кладов с монетами боспорских царей, самые поздние из которых изготовлены в правление Рескупорида V (VI), т.е. до 341 г. [28].

Битва закончилась победой Херсонеса. В местности Кафа были установлены пограничные камни, а боспорский царь принес клятву, что новую границу между двумя государствами не нарушит (De Admin. 53.173–179). Единственная фраза в этом рассказе, которую имеет смысл анализировать с военно-тактической точки зрения, звучит так: *«Херсониты... приготовясь к противоборству, сами встретились с Савроматом вне города... и сразясь с ним... победили Савромата и прогнали его»* (De Admin. 53.167–175). Баллистарии здесь не упоминаются. Но в боевой тактике херсонесского войска, по сравнению с первым эпизодом, явно прослеживается эволюция. В первом сражении (под стенами Боспора) херсонеситы, располагая меньшими силами, применили засадную тактику, добившись преимущества как внезапностью, так и применением из засады (возможно, первым в истории) соединения мобильной метательной артиллерии. На Дунае они действовали в составе большой имперской полевой армии столь смело и решительно, что их усилия, возможно, стали решающим фактором победы. Это и предопределило тот «шквал» милостей, включая золотое изваяние императора, которым они были вознаграждены. Поэтому в кампании «в местности Кафа» вскоре после дунайской (боевой состав соединения был, видимо, в основном тот же) херсонеситы действовали дерзко и смело, стремясь разгромить противника в генеральном полевом сражении, чтобы впервые в истории расширить пределы Херсонеса до границ Керченского полуострова. За почти тысячелетнюю историю этого полиса такая возможность представилась херсонеситам впервые. И они не преминули ею воспользоваться, проведя демаркацию границы и взяв с боспорского царя клятву ее не нарушать. Т.е. отказаться от извечного стремления боспорян прямо или косвенно контролировать весь Крымский полуостров.

Столь резкое изменение расклада военных сил в Крыму в пользу Херсонеса порождает неизбежный вопрос: они это сделали самостоятельно или при поддержке римских войска? Хотя в трактате Константина Багрянородного римляне в качестве союзников Херсонеса не упоминаются, памятники эпиграфики и археологии свидетельствуют о том, что римские войска в битве при Кафе принимали самое непосредственное участие, тем самым оплатив Херсонесу, вручившему римлян на Дунае, той же монетой. О присутствии в это время в Херсонесе римских войска и их полководцев свидетельствуют довольно многочисленные латинские надписи [29. С. 343–345]. Одна из них, посвященная

римскому полководцу, чье имя не удалось прочесть, особенно красноречива. Этот безымянный для нас военачальник *«отмечен преданностью [войска]... доставил (Херсонесской) общине [безопасность?]... поверг во прах [врагов Римского народа] и (Херсонесской) общины»* [30. С. 70, № 20].

Расширение херсонесских границ и «усмирение» непокорного Боспора явно отвечало стратегическим интересам Рима. Поэтому неудивительно, что на новом рубеже двух государств в формально «независимой» от них Таврике римляне возвели два укрепления [31]. А население региона в это время предпочло переселиться из опасной приморской зоны как можно выше в горы [32. С. 51].

Поединок Фарнака с «Савроматом» (четвертый отрывок)

Примерно через 15 лет после вышеописанных событий еще один боспорский царь «Савромат» (Рескупорид V (VI)?), презрев данную ранее боспорянами клятву не нарушать установленной границы, что *«никогда никто из боспориан не дерзнет преступить их ради войны»* (De Admin. 53.183–184), вторгся со своим войском на херсонесскую территорию. Навстречу им выступило войско под командованием Фарнака сына Фарнака. Обе армии встретились в местности Кафа и разбили лагерь на возвышенных местах. Как и при осаде Боспора, предводитель херсонеситов решил прибегнуть к хитрости. Фарнак был мал ростом, а Савромат высок и имел богатырское телосложение. Тем не менее, Фарнак предложил ему поединок вместо полевого сражения, чтобы *«не погубить бесчисленное множество людей»* (De Admin. 53.191–192).

Херсонесский полководец не сомневался, что царь согласится, будучи уверен в легкой победе. Так и вышло. Хитрый Фарнак приказал своему войску, когда начнется поединок и Савромат окажется спиной к херсонесским воинам, дружно, громко и коротко выкрикнуть восклицание «А! а!». Он рассчитывал, что противник невольно обернется на крик, и между пластинами его шлема образуется щель, через которую его можно будет поразить копьем. План Фарнака удался, боспорский царь был повержен, его голова отрублена, победа досталась Херсонесу. Часть боспорского войска была распущена, часть взята в плен. Большую часть пленников херсонеситы вскоре отпустили, а меньшую расселили в пределах херсонесских владений «для земледелия» (De Admin. 53.193–234). Предполагается, что это были аланы, а местом их расселения стала долина реки Бельбек [33].

Пограничная линия была передвинута херсонеситами на восток до городка Казека на мысе Чауда. В результате во власти боспорян осталась лишь половина Керченского полуострова. На новой границе были установлены пограничные камни, но прежний рубеж в местности Кафа разбирать не стали, и в X в. древние порубежные знаки сохранялись на обеих границах (De Admin. 53.224–227).

Завершая этот сюжет, автор констатирует: «С тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено» (De Admin. 53.233–234). Он, видимо, имеет в виду конец прежней династии Тибериев-Юлиев. Действительно, вплоть до воцарения на рубеже V–VI вв. Тиберия Юлия Дуптуна, гунна по происхождению, имен боспорских царей мы не знаем [34. С. 241–242].

Этот поединок «Давида и Голиафа», как было показано выше, вызвал особый скепсис Теодора Моммзена. В результате его анализ в историографии совершенно отсутствует. Но зададимся вопросом, так ли редки были поединки полководцев, заменявшие сражения? Ведь военное дело прецедентно. В военной истории есть множество примеров, когда кто-то стремится повторить и повторяет подвиг, ранее уже совершенный и прославленный. Любой образованный эллин или римлянин знал о легендарном поединке Ахилла и Гектора. Не менее знаменит, благодаря Плутарху, был поединок 289 г. до н.э. между царем Эпира Пирром и македонским архонтом Пентавхом (Plutarch. Pyrrhus. VII). Квинт Курций Руф сообщает о поединке сатрапа персидской провинции Ария Сатибарзана и полководца Александра Македонского Эригия, решившем исход битвы персов и македонян. Римский историк подчеркивает, что Эригий был седовласым стариком и намеренно снял шлем, чтобы «kozyрнуть» своим преклонным возрастом. «И случилось так, что Эригий оказался победителем. Растерявшиеся из-за смерти своего военачальника, варвары перешли на службу к царю, предварительно получив от него гарантии» (Rufus. X.1.42). Как видим, боспоряне, лишившись царя, павшего в поединке, повели себя точно так же, как персы из рассказа Руфа.

Приведенные примеры далеко не единичны. Герои, предотвращавшие или заканчивавшие сражения, победив в поединке, во множестве представлены и в эллинской, и в римской исторической традиции. Причем в большинстве рассказов о таких подвигах победитель изначально слабее проигравшего, которого античные авторы обычно изображают богатырем [35. С. 148–151]. В последующей ромейской истории такие случаи также бывали. Пожалуй, самым знаменитым из них стал поединок в битве при Амории 24 марта 979 г. двух знаменитых полководцев — Варды Склира и Варды Фоки в ходе гражданской войны (апостасии) в империи [36. С. 8].

Таким образом, в действиях херсонесского архонта Фарнака сына Фарнака не было ничего необычного, как и в готовности боспорского царя принять вызов. Оба они следовали многочисленным примерам доблести, на которых их воспитывали. С одной только поправкой: херсонесский архонт, как и его предшественник в битве при Боспоре, помножил доблесть на хитрость. И тем достиг победы. В трактате Константина Багрянородного много советов премнику, как действовать, сочетая силу, доблесть и хитрость. Видимо, именно эти качества херсонесских вождей настолько импонировали Константину VII, что он решил поучить сына ведению дел на их примере.

Заключение

1. Выписка из древних херсонесских хроник в главе 53 трактата «Об управлении империей» не является механической вставкой. Она несет явный дидактический смысл и помещена в текст по личному указанию Константина Багрянородного. Обучаемому (юному императору) через рассказ о борьбе Херсонеса и Боспора доносится мысль, что хитрость в сочетании с отвагой, мужеством и преданностью отечеству всегда побеждает. Это — весьма ценное для василевса ромеев наставление, которым руководствовался и сам Константин Багрянородный, как в борьбе за власть, так и в управлении государством.
2. В сообщениях первых четырех эпизодов рассказа о херсонесско-боспорском противостоянии нет ничего сказочного, фантастического, неправдоподобного, беллетризованного. Действия херсонеситов в битве при Боспоре в основном коррелируют с наставлениями трактата Флавия Вегеция, написанного вскоре после описываемых Константином Багрянородным событий. Инновация херсонеситов, которая привлекла внимание и хрониста, и императора, заключалась, видимо, в засадных действиях сводного мобильного отряда баллистариев, что было тогда в новинку.
3. Военно-тактические и военно-дипломатические усилия херсонеситов во время и после битвы при Боспоре были по достоинству оценены цезарем (впоследствии августом) Констанцием Хлором, так как не только помогли ему справиться с нашествием Фофорса, но и стать императором. Для него помощь херсонеситов была столь важной и ценной, а оказанная ими услуга столь неожиданной, что он поведал об этом сыну — Константину. Основатель Нового Рима запомнил эту информацию и, в свою очередь, испытал доблесть херсонесских баллистариев в сражении с варварами на Дунае, где они, видимо, вновь сыграли решающую роль в победе, поскольку награда за эту услугу была чрезвычайно щедрой.
4. Эти победы придали херсонеситам столько уверенности в военном превосходстве над Боспором, что в следующей войне они решились на открытое полевое сражение, в котором одержали решительную победу, хотя, вероятно, не без помощи благодарных римлян.
5. Замена сражения на поединок вождей в следующей херсонесско-боспорской войне была достаточно типичной для античных баталий. Таких примеров множество, как в эллинской, так и в римской истории. Поэтому достоверность и этого сообщения Константина Багрянородного и его херсонесского источника сомнений не вызывает.

Войны Херсонеса с Боспором в полной мере укладываются в позднеантичную военно-тактическую парадигму. Но доблесть и военная хитрость, которую демонстрировали при этом херсонеситы, была чем-то выдающимся

даже для античных времен, что и привлекло внимание венценосного автора. Последний столь сильно ценил обладание Херсонесом–Херсоном, что в конце той же 53-й главы наставлял сына, как усмирить этот город, не применяя к его жителям военной силы, если они все же «когда-либо восстанут или замыслият совершить противное царским повелениям» (De Admin. 53.512–513).

Библиографический список

1. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / ред. Г.Г. Литаврин, А.П. Новосельцева. М. : Наука, 1989.
2. *Shchavelev A.S.* Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. gr. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors // *Studia Ceranea*. 2019. № 9. P. 681–704.
3. *Constantini imperatoris Porphyrogeniti*. De administrando imperio / ad romanum f. liber nunquam antehac editus. Joannes Meursius primus vulgavit, Latinam interpretationem, ac notas adjecit. Lugduni Batavorum [Leiden] : ex officina Joannis Balduini, impensis Ludovici Elzevirii, 1611.
4. *III [тур].X.* Письмо из Севастополя июня 18 дня 1827 года // *Сын Отечества*. 1827. Ч. 114. С. 242–259.
5. *Garnett R.* The Story of Gycia // *English Historical Review*. 1897. Vol. 12. № 45. P. 100–105.
6. *Маяк И.Л.* Моммзен Теодор // *Большая Российская Энциклопедия*. URL: <https://bigenc.ru/c/mommzen-teodor-987fab>
7. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 5. Провинции от Цезаря до Диоклетиана / пер. с нем. Под общ. ред. Н.А. Машкина. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1949.
8. *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1994. Вып. IV. С. 549–561.
9. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь : Дар, 1999.
10. *Грацианская Л.И.* К хронологии античных херсонесских сюжетов Константина Багрянородного («De administrando imperio», сар. 53, lin. 1–492) // *GAUDEAMUS IGITUR: сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова*. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 128–137.
11. *Харматта Я.* К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество*. М., 1967. С. 206–208.
12. *Nadel B.* Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus, Information on the Bosporan Kingdom in the time of Emperor Diocletian Reconsidered // *Annales Letteraires de I, Universite de Besancon*. Paris : Les Belles Lettres, 1977. P. 87–114.
13. *Болгов Н.Н.* Закат античного Боспора : Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород : Изд-во БГПУ, 1996.
14. *Болгов Н.Н.* Боспор, Херсонес и Рим в конце III — первой половине IV вв. (к проблеме интерпретации Const. Porph. De adm. Imp., 53) // *Боспорские чтения*. 2002. Вып. III. С. 9–15.
15. *Ярцев С.В.* Античная цивилизация и варвары Северного Причерноморья в условиях этнических миграций (3-я четверть I в. до н. э. — 3-я четверть IV в. н. э.). Дис... докт. ист. наук. 07.00.03. Белгород, 2016.
16. *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio // *Corpus fontium historiae Byzantine*. V. 1. Washington DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies Trustees for Harvard University, 1967.

17. *Shchhavelev A.S.* Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. gr. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors // *Studia Ceranea*. 2019. № 9. P. 681–704.
18. *Ševčenko I.* Re-reading Constantine Porphyrogenitus // *Byzantine Diplomacy* / ed. J. Shepard. London : S. Franklin, 1992, P. 167–170.
19. *Шукин М.В.* Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура). СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2005.
20. *Зубарь В.М.* По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III — на рубеже IV–V вв. // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 291–302.
21. *Сорочан С.Б.* Византийские военные силы в Крыму в VI–VII вв. // *Stratum plus*. 2014. № 6. С. 124–125.
22. *Tomlin R.* Seniores-Juniores in the Late-Roman Field Army. *The American Journal of Philology*. 1972. Vol. 93. № 2. 253–278.
23. *Baatz D.* Katapulte und mechanische Handwaffen des spätrömischen Heeres. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 1999. № 10. S. 5–19.
24. *Вус О.В.* Мобильная группировка римской армии в Таврике в конце III — V вв. н. э. // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2016. Вып. 8. 357–376.
25. *Айбабин А.И.* Крым в период аланских и германских миграций. Середина III–IV век // *История Крыма*. Т. 1. М. : Кучково поле, 2018. С. 151–182.
26. *Zuckerman C.* The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus. *Travaux et mémoires*. 1991. № 11. P. 527–553.
27. *Cichorius C.* Die Reliefs der Traianssäule. Erster Tafelband: Die Reliefs des Ersten Dakischen Krieges. Berlin : Verlag von Georg Reimer, 1896. Tafeln XXXI, XLVI.
28. *Исанчурин Е.А., Исанчурин Е.Р.* Монетное дело царя Радамсада // *Нумизматика и эпиграфика*. 1989. Вып. XV. С. 90–92.
29. *Ушаков С.В., Хапаев В.В.* Процесс вхождения Юго-Западного Крыма в состав Восточной Римской империи (IV–VI вв.) // *История Севастополя в трех томах*. Том I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М. : ИстЛит, 2021. С. 339–394.
30. *Лепер Р.Х.* Херсонесские надписи // *Известия императорской археологической комиссии*. 1912. Вып. 45. СПб. : Изд-во Имп. АН. С. 23–70.
31. *Вус О.В.* Приморские castella tumultaria Судака в контексте военно-инженерной практики римлян в Крыму в IV веке // *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. 2013. Т. 2. Харьков : Майдан. С. 102–115.
32. *Джанов А.В.* Сугдея в III–VII вв. // *Сугдейский сборник*. 2004. Вып. 1. Киев; Судак : Академперіодика. С. 45–74.
33. *Юрочкин В.Ю.* Памятники группы Озерное — Инкерман в позднеантичном Крыму // *Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции*. Севастополь, 1997. С. 132.
34. *Виноградов Ю.Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // *ВДИ*. 1998. № 1. С. 233–247.
35. *Бриан П.* Дарий в тени Александра / пер. с франц. А.Н. Степановой. М. : Вече, 2007.
36. *Михаил Пселл.* Хронография / пер., статьи и коммент. Я.Н. Любарского М. : Наука, 1978.

Информация об авторе:

Хапаев Вадим Вадимович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33, e-mail: khapaev007@mail.ru. ORCID: 0009-0008-0535-9617. SPIN-код: 8142-9627.

СПОРТ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ SPORTS IN ANCIENT GREECE

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-369-383

EDN: IWJBZN

Научная статья / Research article

Греческие пятиборцы: путь к победе

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ tbgvozdeva@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования — выяснить, как было организовано греческое пятиборье на панэллинских играх, какова была в нем последовательность состязаний, различались ли правила его организация на панэллинских и местных играх, как судьи определяли победителя и какой путь должен был пройти пятиборец к победе. На основе письменных источников и данных эпиграфики автор показывает, что основной принцип организации пятиборья был разработан на Олимпийских играх, но на местных играх возможны были отступления от него. Последовательность состязаний в пятиборье и определение абсолютного победителя является одной из сложных задач в научной литературе, но именно она напрямую связана с вопросом — в каких состязаниях должен был победить атлет на пути к своей победе. Статистический анализ данных о победах атлетов в пятиборье и о победах пятиборцев в специальных дисциплинах дают возможность автору предположить, что пятиборцы чаще одерживали победы за счет состязаний в беге, чем в борьбе, и что больше шансов на победу было у легкоатлета, чем у единоборца.

Ключевые слова: пятиборье, борьба, бег, Олимпийские игры, Павсаний, Филострат, Панафиней

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 29.02.2024. Принята к публикации: 24.04.2024.

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Греческие пятиборцы: путь к победе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 369–383. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-369-383>

© Гвоздева Т.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Greek pentathletes: the path to victory

Tatiana B. Gvozdeva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ tbgvozdeva@rambler.ru

Abstract. The purpose of the study is to find out how the Greek pentathlon was organized at the Panhellenic Games as well as what was the sequence of competitions in it, whether the rules of its organization differed at the Panhellenic and the local Games, how the judges determined the winner, and which path the pentathlete had to go to victory. Basing on the written sources and epigraphic data, the author demonstrates that the basic principle of the pentathlon organizing was developed at the Olympic Games, but deviations from it were possible at the local Games. The sequence of pentathlon competitions and the determination of the absolute winner is one of the most difficult tasks in the scientific literature but it is directly related to the question of which competitions the athlete should have won on the path to victory. Statistical analysis of data on the athletes' victories in the pentathlon as well as on the pentathletes' victories in special disciplines allow the author to assume that pentathletes more often won due to competitions in running rather than in wrestling, and that a track and field athlete had good chances of winning rather than a martial artist.

Keywords: pentathlon, wrestling, running, Olympic Games, Pausanias, Philostratus, Panathenaea

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 29.02.2024 Accepted: 24.04.2024.

For citation: Gvozdeva TB. Greek pentathletes: the path to victory *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):369–383. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-369-383>

Введение

Одним из популярных состязаний греческой атлетики было пятиборье (pentathlon), которое состояло из бега, борьбы, прыжков в длину, метания копья и диска. Античный пентатлон мало чем напоминал современное пятиборье¹, скорее он был ближе к современному десятиборью, проводившемуся в течение двух дней и состоявшему из четырех видов бега (100 м, 400 м, 110 м с барьерами, 1500 м), а также прыжков в длину, толкания ядра, прыжков в высоту, метания диска, прыжков с шестом, метания копья [3. С. 32; 2. С. 114]. Все дисциплины современного десятиборья относятся к легкой атлетике, тогда как в античное пятиборье входили как дисциплины легкой атлетики (бег, прыжки, метание копья и диска), так и единоборства (борьба). Павсаний

¹ Современное пятиборье состоит из конкура, фехтования (шпага), стрельбы из пистолета, плавания (300 м) и бега по пересеченной местности (4000 м). Впервые оно было проведено на Играх V Олимпиады (Летние V Олимпийские игры) в Стокгольме в 1912 г. [1. С. 339; 2. С. 113].

причислял борьбу, так же, как все единоборства (кулачный бой и панкратион), к тяжелым видам спорта (Paus. VI. 24. 1). Филострат, автор трактата «О гимнастике», разделил все состязания на «легкие» и «тяжелые». К «легким» Филострат отнес короткий бег (на 1 стадий), двойной бег, длинный бег, бег в вооружении и прыжки, а к «тяжелым» — все единоборства (панкратион, борьба и кулачный бой) и метание диска. В составе пятиборья Филострат метание диска с борьбой классифицировал как «тяжелые» состязания, а метание копья, прыжок и бег — как «легкие» (Philostr. Gymn. 3).

Э. Гардинер отмечал, что пятиборье, как комбинированное соревнование, могло быть организовано только после того, как все соревнования, входящие в него, уже были широко известны [4. Р. 361–362]. В программе Олимпийских игр бег был с 1-й Олимпиады (776 г. до н.э.)². Павсаний открывает олимпийскую летопись победой бегуна Кореба из Элиды в 776 г. до н.э. (Paus. V.8.6). К 18-й Олимпиаде (708 г. до н.э.), на которой был введен пентатлон, в программе Олимпийских игр уже были известны три вида бега на разные дистанции: «короткий» бег на 1 стадий, «двойной» бег на 2 стадия (с 14-й Олимпиады — 724 г. до н.э.) и «длинный» бег (с 15-й Олимпиады — 720 г. до н.э.) (Paus. V.8.6–7)³. Борьба была введена одновременно с пятиборьем на 18-й Олимпиаде (Paus. V.8.7). Бег и борьба в программе античных Олимпиад были представлены и как самостоятельные состязания, и как составные части пятиборья, тогда как прыжки, метание диска и копья проходили только в рамках пятиборья (ἴδια τῶ πεντάθλω) (Poll. III.151)⁴. В программе Олимпийских игр пентатлон был включен с 18-й Олимпиады (708 г. до н.э.), позднее, в 38-ю Олимпиаду (628 г. до н.э.) был введен пентатлон для младшей возрастной группы атлетов, «мальчиков» (παῖδες)⁵, но на следующей, 39-й Олимпиаде от него отказались (Paus. V.8.7). Однако пятиборье для мальчиков проводилось как на Пифийских играх в Дельфах, так и на многих местных играх [3. Р. 32–33; 10. С. 124]⁶.

² Состязания в беге описаны в поэмах Гомера (Hom. II. XXIII.757–767; Hom. II. XXIII. 635, Hom. Od. VIII. 103; 120–125).

³ Последний вид бега в программе Олимпийских игр, бег гоплитов в доспехах, был введен на 65-й Олимпиаде (520 г. до н.э.) (Paus. V.8.30) [5].

⁴ М. Голден отмечает, что только на панэллинских играх прыжки, метание диска и копья входили в состав пятиборья, тогда как на местных играх они могли проводиться как самостоятельные состязания [6. С. 91].

⁵ На Олимпийских играх, согласно Павсанию, ввели возрастную классификацию атлетов с 37-й Олимпиады (632 г. до н.э.) (Paus. V. 8. 9), а согласно Филострату — с 46-й Олимпиады (596 г. до н.э.) (Philostr. Gymn. 13). Всех атлетов разделяли на две группы: ἄνδρες («мужчины») и παῖδες («мальчики»). Эту же возрастную классификацию атлетов использовали на Пифийских играх [7]. Но на Истмийских и Немейских играх, а также на Великих Панафинейх в Афинах была введена другая возрастная классификация атлетов. К уже имеющимся двум группам была добавлена группа «юношей» (ἀγένοιοι — букв. «безбородые») — ἄνδρες («мужчины»), ἀγένοιοι («юноши») и παῖδες («мальчики») [8. С. 241; 9].

⁶ Неясно, был ли пентатлон для παῖδες на Немейских играх [2. С. 117].

Организация пятиборья

Организация пентатлона на Олимпийских играх, возможно, послужила образцом для других панэллинских и местных игр, хотя правила греческого пятиборья менялись в зависимости от времени и места проведения игр [4. С. 363; 11. Р. 24; 12. Р. 62]. Пятиборье состояло в первую очередь из трех состязаний, составляющих т.н. «ядро пятиборья» — метание диска, прыжков и метание копья. Э. Гардинер отмечал, что изображения прыжков, метания копья и диска, расположенные друг за другом, часто встречаются на панафинейских амфорах [4. С. 361]. Бег и борьба были добавлены к ним с целью определить общего победителя пятиборья [3. С. 32; 13. С. 117–118; 14; 15]. Бег и борьба проводились в составе пятиборья по тем же правилам, что и отдельные состязания.

Об очередности агонов пентатлона можно судить по плохо сохранившейся надписи с Родоса (ок. I в. до н.э.), из текста которой видно, что метание диска было первым, а прыжок — вторым состязанием (SEG 15.501). Этот же порядок состязаний мы видим в надписи некоего пятиборца из Эфеса, где утверждалось, что он был «непобедим в метании диска, непобедим в метании копья» (II в. н.э.) (IAG 75). В рамках первой тройки состязаний метание копья, возможно, было на третьем месте (Vaccchl. IX.30–36; Pind. Nem. V.72; Isthm. II.30). Большая часть исследователей полагает, что в пятиборье борьба была последней (Hdt. IX.33; Paus. III.11.6; Xen. Hell. VII.4.29; Vaccchl. IX.27 ff.; Artemidor. Oneirocr. I.57) [16; 14. Р. 363; 15. С. 33–34; 17. Р. 132; 3. Р. 32; 12. Р. 62; 18. Р. 34]. Следовательно, бег мог занимать четвертое место [19].

Путь к победе

Для выбора победителей в пятиборье могли использовать систему баллов или систему выбывания атлетов после третьего или четвертого состязания [18. Р. 56–59; 20]. Большая часть исследователей принимает теорию Г. Харриса, которую он сформулировал в 1972 г. Согласно его концепции, если атлет выигрывал первые три соревнования, то его объявляли победителем. Если же не было атлета, который бы победил за явным преимуществом, выиграв первые три состязания, то тогда, согласно теории Г. Харриса, было две возможности выявить победителя в пятиборье. В первом случае в следующий этап выходили два атлета — атлет А с двумя победами и атлет В с одной победой. Они состязались в беге, и если атлет А побеждал, то он выигрывал все пятиборье, т.к. у него в общей сложности было три победы. Если же в беге побеждал атлет В, то оба атлета имели по две победы. Они выходили в финал пятиборья, где проводилось пятое, решающее соревнование — борьба. Однако Г. Харрис рассматривал и другой вариант развития событий, при котором после трех первых соревнований в следующий этап борьбы выходили три атлета (А, В и С), у каждого из которых было

только по одной победе (в прыжках или в одном из видов метания). Между ними проводился забег на 1 стадий. Победивший в беге атлет, например, атлет А, таким образом, имел две победы и поэтому получал преимущество, т.к. отдыхал в ожидании своего будущего соперника для решающего финального поединка в борьбе. А тем временем между атлетами В и С проводился «полуфинальный» поединок в борьбе. Победитель этого «полуфинала» выходил в финал, в котором боролся с атлетом А [15]. Д. Кайл, в целом принимая теорию Г. Харриса, уточнил, что «полуфинальный» отборочный поединок между атлетами В и С мог проводиться не в борьбе, а в беге, и тогда победитель полуфинала мог сохранить силы для финальной борьбы с атлетом А [20]. Таким образом, если пятиборье начиналось с метания диска, за которым следовали прыжки и метание копья, и в первых трех состязаниях не было явного победителя, тогда атлеты переходили к состязанию в беге. Если же по результатам бега не было атлета с тремя победами, то тогда победитель пятиборья определялся через финал в борьбе.

Отношение к пятиборцам у античных авторов было неоднозначным. И хотя Аристотель в «Риторике» пишет, что у пятиборцев самые красивые тела, потому что они созданы для того, чтобы сочетать силу и скорость (Arist. Rhet. 1361b), большинство авторов считает пятиборцев атлетами «второго сорта». Платон в «Соперниках» отмечал, что если сравнить пятиборцев с бегунами или борцами, то они уступают им в этих видах состязаний и занимают вторые места, хотя в сравнении с прочими атлетами они бывают победителями (Ps.-Plat. Amat. 135e). Диоген Лаэртский со ссылкой на Платона отмечал, что, по словам Сократа, философ подобен пятиборцу, т.к. занимается и физикой, и этикой, и математикой, различными искусствами (Diog. Laert. IX.7.37). Лонгин в трактате «О возвышенном», описывая ораторов Гиперида и Демосфена, утверждал, что Гиперид более универсален и обладает значительными преимуществами. Он сравнивает Гиперида с атлетом, «который, уступая первенство в общей сумме очков пятиборья, неизменно выходит победителем в каждом отдельном виде соревнования» (Longin. 34.1. *Пер. Чистяковой Н.А.*).

В современной литературе также нет единства по поводу пятиборцев. Э. Гардинер отмечает, что пятиборец не был специалистом в каком-то одном виде спорта, а скорее спортсменом-универсалом, сочетавшим силу и скорость. Так, один и тот же атлет мог побеждать в беге и прыжках в длину или в метании диска и метании копья [4. Р. 367–368]. В. Метьюз полагал, что пятиборец проигрывал в беге или борьбе, по сравнению с бегуном или борцом [17. С. 131].

Порядок выступления участников пятиборья определялся жеребьевкой, как в беге или в борьбе (ср.: Luc. Herm. 39–40; Heliod. Aith. 4,3). Однако в парных поединках, например, в борьбе, количество атлетов не всегда было четным. В таком случае организаторы турнира

изготавливали непарный жребий, и тот, кто его вытаскивал, оставался в «запасе», т.е. ждал, пока пройдут первые поединки. Такой атлет назывался «эфедром» (ἔφεδρος) и находился в более выгодном положении, так как, сохранив силы, выходил на поединок с уже утомленным противником. Но победа эфедра ценилась гораздо меньше, чем победа атлета, прошедшего все этапы борьбы, т.н. «анэфедра» (ἀνέφεδρος) (Pind. Ol. VIII.67–70) [21]. В единоборствах часто встречаются упоминания об эфедрах, но в случае с пятиборьем данных об эфедрах или анэфедрах нет [4. С. 370]. Это объясняется тем, что в прыжках и метаниях атлеты выступали по одному, а в финальном борцовском поединке при необходимости пары определялись жребием [22. С. 264]. Также нет данных на панэллинских играх о ничьих в пятиборье, но возможно, что такие случаи иногда имели место на местных играх [14. С. 367; 19. Р. 33]. В списке победителей Эротидей в Феспиях указано, что в пятиборье победителем был объявлен Публий Альбиний из Коринфа, вместе с которым увенчали атлета из Фив (SEG 3 (1929) 335). Дж. Бин объясняет это тем, что оба атлета должны были сразиться в борьбе, которая, по решению судей, закончилась ничьей [14. С. 367]. Такие ничьи, когда ни один из соперников не мог совершить решающий бросок, видимо, имели место. Борьба отличалась от других единоборств тем, что в ней судьи выносили решение о победе одного из участников поединка и поражении другого (Plat. Leg. 8.33e; Ael. VH. 11.1), тогда как в кулачном бою и в панкратионе решающим фактором в объявлении победителя обычно становился отказ одного из соперников дальше продолжать поединок. Судьи следили за соблюдением правил борьбы (запрещалось наносить удары кулаком, ломать пальцы сопернику и кусаться⁷), а также наблюдали за тем, чтобы брошенный на землю борец трижды коснулся земли бедром, плечом или спиной. Полибий дважды использует в качестве метафоры поединок борцов, закончившийся ничьей (Polyb. I.58.5; XXIX.8.9). В более поздние времена эта практика, по-видимому, стала довольно распространенной в единоборствах. В надписи М. Аврелия Асклепиада, борца и панкратиаста, периодоника, победителя в Олимпии (181 г. н.э.), Дельфах, Истмии (дважды) и Немее (дважды), подробно перечислены все его победы с упо-

⁷ Однако уже в 1-й пол. V в. до н.э. эти правила не всегда соблюдались. В свое время прославленный борец Леонтиск из Мессении дважды победил на Олимпийских играх (81–82 Олимпиады — 456–452 гг. до н.э.) и один раз на Пифийских играх. Не имея возможности повалить борющихся с ним противников, Леонтиск побеждал их, ломая им пальцы. В Олимпии Леонтиску была установлена статуя (Paus. VI.4.2) [1. С. 309]. Сострат из Сикиона по прозвищу «Акрохерсит» (от «акрай хейрон» — «края рук»), захватив пальцы рук своего соперника, начинал их ломать и не отпускал до тех пор, пока тот не признавал себя побежденным. Таким способом он двенадцать раз победил на Немейских и Истмийских играх, дважды в Дельфах и трижды в Олимпии (104–106 Олимпиады — 364–356 гг. до н.э.) (Paus. VI.4.1) [1. С. 317].

минанием о том, что никогда он не был побежден, никогда не заканчивал поединок ничьей и часто выигрывал *ákovití* (IAG 77).

Атлеты иногда выигрывали то или иное состязания *ákovití*. После того, как в список участников попадал сильно превосходящий своих соперников спортсмен, то его соперники отказывались от соревнования с ним и сдавались без боя, т.е. «без пыли», *ákovití*⁸. Такие победы были свидетельством явного превосходства атлета и очень высоко ценились [6. С. 3]. Победы *ákovití* известны в беге, но чаще всего — в единоборствах [6. С. 6]. Первая подобная победа имела место на 75-й Олимпиаде (480 г. до н.э.), когда в панкратионе «без пыли» победителем стал Дромей из Мантинеи. Его соперником был прославленный борец Феаген с Фасоса⁹. Однако Феаген решил принять участие и кулачном бою, и в панкратионе. Проведя серию тяжелых поединков в кулачном бою, Феаген с большим трудом одолел в финале Евфима из Локр. Он потерял много сил, а т.к. все единоборства проводились в один день, это не позволило ему достойно выступить в панкратионе. Феагену пришлось отказаться от финальной схватки, и впервые судьи присудили победу «без пыли» сопернику Феагена, Дромею из Мантинеи (Paus. VI.9.2; VI.11.4). Но Феаген смог стать олимпийщиком в этой дисциплине на следующей, 76-й Олимпиаде (476 г. до н.э.)¹⁰.

Интересно, что в пятиборье также были известны победы *ákovití*. Однако не совсем ясно, подразумевается ли под этим термином общая победа атлета в пятиборье, которая была присуждена «без пыли» или речь идет о победе «без пыли» в отдельных дисциплинах пятиборья. М. Голден отмечает, что такая победа была возможна, когда оставшиеся соперники выбывали перед началом борьбы [6. С. 6]. Первая подобная победа на Олимпийских играх относилась, возможно, к 500 г. до н.э. (70-я Олимпиада). Тогда Акматид из Спарты¹¹ победил в пентатлоне

⁸ Атлета, на тело которого перед тренировкой было нанесено оливковое масло, осыпали еще и пылью (Luc. Anach. 2, 6; Philostr. Gymn. 18, 42, 56) [6. P. 56–57].

⁹ Феаген одержал победу на 75-й Олимпиаде в кулачном бою, а на 76-й Олимпиаде — в панкратионе. Три раза в кулачном бою Феаген побеждал на Пифийских играх и по девять раз — на Истмийских и Немейских играх [1. С. 306; 22].

¹⁰ В панкратионе атлеты часто побеждали без пыли: Диоксипп из Афин, панкратиаст, один из сильнейших мужчин в Греции, победил в олимпийском панкратионе *ákovití* в 336 г. до н.э. (111-я Олимпиада) (Hyperid. 1a.6; Diod. XVII.100–101); «без пыли» в панкратионе в 308 г. до н.э. (118-я Олимпиада) победил Антенор, сын Ксенареса из Милета, периодоник (Athen. 4.135D, 13.578F; Euseb. Chron. 1.205–207 Schoene). В кулачном бою победу «без пыли» одержал представитель знаменитой династии Диагоридов — Дорией, сын Диагор с Родоса, периодоник, трижды олимпийщик. Дорией восемь раз победил на Истмийских играх, семь раз — на Немейских и четыре раза — на Пифийских играх, один их которых был «без пыли» (Paus. VI.7.4).

¹¹ Анаксандр, победитель олимпийской гонок на колесницах (428 г. до н.э.?), скорее всего, был внуком Акматида (Paus. VI.1.7, VI. 2.1).

«без пыли», т.е. против него отказались выступать все его соперники. В честь своей победы Акматид посвятил Зевсу халтер (приспособление для прыжков в длину¹²), на котором была надпись — одна из наиболее ранних надписей олимпийского пентатлона. Л. Моретти полагал, что термин *ἀκωμίτι* был применим к борьбе, а не ко всему пятиборью, т.е. Акматид не выиграл все состязания «без пыли», а выиграл пятиборье без финальной борьбы после четвертого состязания [24. С. 19].

Немногие атлеты могли удостоиться почетного титула периодоника (*περιοδικός*). Периодониками называли тех атлетов, которые одерживали победы в одном виде спорта на протяжении одного олимпийского цикла («периода» — *περίοδος*) от одной Олимпиады до другой. В этот период входили панэллинские игры — Олимпийские, Пифийские Немейские и Истмийские. Но если Олимпийские и Пифийские игры проводились раз в четыре года, то Немейские и Истмийские — через два года. Периодониками чаще всего становились единоборцы и бегуны, но о периодониках в пятиборье данных нет [25. С. 69]. Единственным атлетом, кто мог бы претендовать на этот почетный титул, был Тимон из Элиды. Его победы в Олимпии, в Дельфах и в Немее относятся ко времени ок. 200 г. до н.э. Для того, чтобы стать периодоником, ему была необходима победа на Истмийских играх, но, как пишет Павсаний, Тимону, как элейцу, было отказано в участии в Истмийских играх (Paus. V.2.5; VI.16.2)¹³.

«Первые три состязания»

В источниках есть упоминания, что некоторые атлеты побеждали в пятиборье, выиграв «первые три состязания», но не всегда уточняется, какие именно состязания выиграл атлет. Так, Аврелий Поликрат из Кибиры (Ликия), бегун и пятиборец (III в. н.э.), дважды побеждал в пятиборье, выигрывая «первые три состязания» (IAG 82) [6. Р. 23–24; 24. С. 239–241], что лишний раз подчеркивает, что он явно преобладал над своими соперниками в пятиборье. В. Метьюз считает, что победить «в первых трех состязаниях» пентатлона

¹² Халтер — «гирия для прыжка», небольшой каменный или металлический предмет, по форме напоминающий гантель. Участники соревнований по прыжкам держали по одному халтеру в каждой руке для равновесия, возможно, полагая, что они увеличивают расстояние и улучшают приземление. Халтеры использовались также для тренировки плеч, рук и пальцев. Их изображений много в искусстве, и часто они были посвящениями победителей в пятиборье [6. С. 77].

¹³ «У Тимона, родом элейца, были победы, одержанные им в пентатле (пятиборье) на всех эллинских играх [кроме Истмийских]; ему поставлена и статуя в Олимпии, а на ней в стихах указано, сколько венков получил Тимон, также и та причина, почему он не имеет побед на Истмийских состязаниях; вот эти слова из этой элегии: *Но посетить помешали ему Сизифову землю / Распря за гибель и смерть славных Молины сынов*» (Paus. V.2.5. Перевод С.П. Кондратьева).

значило гораздо больше, чем победить ἄκοιτί. Такая победа демонстрировала полное превосходство атлета над своими соперниками [17. С. 133].

Определенную сложность представляет эпиграмма, приписываемая Симониду Кеосскому, посвященная победам Диофонта, сына Филона (V в. до н.э.) в пятиборье на Пифийских и Истмийских играх. В ней перечисляются по очереди все состязания пентатлона в следующем порядке: прыжок, бег, диск, копье, борьба (Simonid., fr. 153 Bergk; GrAnth. 16.3). Автор эпиграммы, прославляя победу Диофонта, отмечает, что он был первым во всех пяти соревнованиях! Если исходить из того, что Диофонт победил во всех агонах пятиборья, то этот случай был уникален.

В источниках не всегда есть указания, какие именно агоны из пяти выиграл победитель пентатлона, т.е. какой путь он прошел к своей победе. Вакхилид в эпиникии, посвященном пятиборцу Автомедонту из Флиутна, подчеркнул, что тот одержал победу на Немейских играх, став первым в метании диска, копья и в борьбе (Vaschyl. IX.28–36). Если исходить из того, что первыми состязаниями пентатлона были прыжок, диск и копье, то Автомедон не победил в прыжке, и для окончательной победы ему потребовался поединок в борьбе. Иногда авторы указывали не три, а два состязания пентатлона, в которых атлет одержал победу. Павсаний пишет о том, что Тисамен из Элиды победил Гиеронима с Андроса в 492 г. до н.э. на 72-й Олимпиаде (?) в беге и прыжках, но проиграл ему в борьбе и во всем состязании в целом (Paus. III.11.6–7). Возможно, Гиероним стал победителем в двух метаниях и закрепил свою победу в поединке борцов. Р. Меркельбах обратил внимание, что античные авторы при описании первых четырех агонов пятиборья часто упоминали «двойные» победы, т.е. один и тот же спортсмен мог выиграть в рамках пятиборья прыжок и бег (как Тисамен) или два метания (как Автомедонт или атлет из Эфеса, который победил в метании диска и копья) [22]. Он объясняет это тем, что два состязания часто могут быть связаны с общей системой подготовки атлета. Так, например, победа в комбинации бега и прыжка часто встречается в современном спорте. На XI Олимпийских играх (Берлин, 1936 г.) знаменитый легкоатлет Джеймс Оуэнс (США) завоевал 4 золотые медали, выиграв три забега (100 м и 200 м и эстафета 4 по 100 м) и прыжок в длину (8 м 06 см) [2. С. 128]. На XXIII Олимпийских играх (Лос-Анджелес, 1984 г.) легкоатлет Карл Льюис (США) повторил рекорд Джеймса Оуэна, победив в трех дистанциях бега (100 м и 200 м, в эстафете 4 по 100 м) и в прыжках в длину. На XXIV Олимпийских играх (Сеул, 1988 г.) Карл Льюис стал первым в беге на 100 м и в прыжке в длину (в беге на 200 м он стал вторым), а на XXV Олимпийских играх (Барселона, 1992 г.) — в прыжках в длину и в составе эстафеты 4 по 100 м [2. С. 128]¹⁴. Легкоатлетка Джесси

¹⁴ На XXVI Олимпийских играх К. Льюис (Атланта, 1996 г.) победил в прыжках в длину и стал 9-кратным олимпийским чемпионом.

Джойнер-Керси (США) завоевала золотые медали и как победительница женского семиборья¹⁵, и в прыжках в длину на XXIV Олимпийских играх (Сеул, 1988 г.), а на XXVI Олимпийских играх (Атланта, 1996 г.) она повторила свой успех в семиборье и завоевала бронзу в прыжке в длину. В женском семиборье Хайке Габриэла Дрекслер (ГДР) стала двукратной победительницей Олимпиад (XXV Олимпийские игры, Барселона, 1992 г.) и XXVII Олимпийские игры, Сидней, 2000 г.) в прыжках в длину, а на XXIV Олимпийских играх (Сеул, 1988 г.) завоевала серебряную медаль в прыжках в длину и две бронзовые медали в беге (100 и 200 м). В 1994 г. Х.Г. Дрекслер выступила в семиборье и победила с лучшим результатом сезона [2. С. 128].

Статистика побед античных пятиборцев показывает, что если они выступали в отдельных дисциплинах, то чаще побеждали в беге.

В пятиборье был включен короткий бег на 1 стадий (192,28 м) [26. С. 215; 217; 6. С. 157–158]. Знаменитый Фаилл из Кротона был одним из первых пятиборцев, который первенствовал в отдельных состязаниях по бегу. На Пифийских играх в Дельфах (ок. 500 г. до н.э.)¹⁶ он дважды был первым в пятиборье и один раз в коротком беге (Paus. X.9.2; ср.: Aristoph. *Acharn.* 215; *Wasps.* 1206). Хотя Фаилл так и не одержал ни одной победы на Олимпийских играх (Paus. X.9.2), многие авторы подчеркивают его превосходство в разных дисциплинах пятиборья [4. Р. 209–210]. Павсаний утверждал, что Фаилл являлся самым уникальным из всех атлетов, и начинает свое описание священного участка Аполлона Пифийского в Дельфах со статуи Фаилла (Paus. X.9.2). Очевидно, что своим успехом в пятиборье Фаилл был обязан, главным образом, прыжкам и мастерству бега. Аристофан дважды упоминает имя Фаилла в своих комедиях как синоним быстроты и скорости, и восхищается его способностями бегуна (*Acharn.* 215; *Wasps.* 1206). В комедии «Ахарняне» Фаилл упоминается как атлет, имя которого первым приходит на ум человеку, желающему назвать образец быстрого бегуна (*Acharn.* 214–16). Зенобий (II в. н.э.) цитирует эпиграмму о том, как Фаилл прыгнул на 55 футов (16,31 м), так далеко, что сломал ногу (6.23). Современные ученые считают, что этот прыжок почти наверняка являлся вымыслом, или, возможно, речь шла о тройном прыжке [3. С. 103]. Э. Гардинер полагал, что Фаилл выиграл в пятиборье прыжки, диск и бег, т.к. он был победителем в коротком беге на Пифийских играх [4. С. 368]. Г. Харрис предположил, что Фаилл был превосходным прыгуном, но плохим метателем диска, и в пятиборье на Пифийских играх ему, скорее всего, удалось выиграть борьбу [15. С. 90; 17. Р. 136]. В олимпийском списке Юлия Африкана (III в. н.э.) упомянут атлет Хионид (VI в. до н.э.),

¹⁵ Женское семиборье впервые было проведено на Играх XXIII Олимпиады (Летние XXIII Олимпийские игры) 1984 г. в Лос-Анджелесе (США) и включало в себя три вида бега (бег на 100 м с барьерами, бег на 200 м и бег на 800 м), а также прыжки в высоту, толкание ядра, прыжки в длину и метание копья [1. С. 363].

¹⁶ Возможно, в 482 г. до н.э. или до 482 г. до н.э. [3. С. 104; 17. Р. 136].

который прыгнул на 52 фута (16,66 м). Хиониду из Спарты приписывают три или четыре победы в коротком беге и три — в двойном беге на 29–31 Олимпиадах (664–656 гг. до н.э.). Он был первым атлетом, кто выиграл в беге на трех Олимпиадах подряд. Однако нет никаких свидетельств того, что Хионид когда-либо участвовал в соревнованиях по пятиборью (Paus. III.14.3, IV.23.4, VI.13.2, VIII.39.3; Euseb. Chron. 1.197 Schoene) [1. С. 297; 6. Р. 30]. Его прыжок, как и прыжок Фаилла, кажется слишком невероятным с точки зрения современного спорта. М. Голден полагает, что это было связано с разными мерами длины в разных полисах [6. С. 147].

Что касается метания диска и копья, то Филострат отнес метание диска с борьбой к «тяжелым» состязаниям, а метание копья — к «легким» (Philostr. Gymn. 3). В. Метьюз полагает, что успешный метатель диска имел больше шансов победить спринтера в метании копья, чем бегун — метателя диска [17. С. 135]. Автомедонт из Флиунта победил в метании диска и копья, а потом и в борьбе (Vaschyl. IX.28–36), так же, как и пятиборец из Эфеса, утверждавший, что он непобедим в метании диска и метании копья (IAG 75).

Бег или борьба?

Многие соревнования по пятиборью, должно быть, решались в финальном поединке в беге или в борьбе между двумя двукратными победителями первых четырех соревнований. М. Голден полагает, что чаще всего пятиборцы были успешными бегунами, чем борцами [6. С. 130]. С этой точки зрения интересно рассмотреть те примеры, когда пятиборцы принимали участие в других дисциплинах. Побеждали они редко, и чаще в соревнованиях по бегу на короткие дистанции.

Многочисленные соревнования по бегу на панэллинских и местных играх различались, прежде всего, дистанцией и техникой бега, которые подробно описал Филострат (Philostr. Gymn. 32 f). Фаилл из Кротона, дважды пифионик в пятиборье, также победил в Дельфах в коротком беге (Paus. X.9.2). Атлет Николаид из Коринфа (V в. до н. э.) был успешным пятиборцем, который первенствовал на двенадцати различных состязаниях, в том числе и на трех панэллинских: Пифийских, Немейских и Истмийских играх, но ни разу не победил в Олимпии. Он многократно побеждал на местных праздниках, в том числе в Афинах на Панафинеях, где за победу получил шестьдесят призовых панафинеийских амфор (Ant. Pal. XIII). Легендарный Ксенофон, сын Фессала из рода Олигетидов из Коринфа, был единственным атлетом, который выиграл на одних Олимпийских играх (79-я Олимпиада, 464 г. до н.э.) пятиборье и короткий бег! Олимпийской победе Ксенофона знаменитый поэт Пиндар посвятил оду (Pind. Ol. XIII. 29–31), особо отметив, что обе победы тот выиграл в один и тот же день (Schol. in Pind. Ol. XIII.1a (Drachmann)). Ксенофон был выдающимся спринтером, недаром

он смог победить и в беге, и в пятиборье. В пятиборье Ксенофон, скорее всего, выиграл прыжок, бег и борьбу [17. С. 136]. К IV в. до н.э. относятся победы Эвполида (Эвполема) из Элиды, который дважды одержал победу в пятиборье на Пифийских играх (ок. 398 г. до н.э. и ок. 394 г. до н.э.) и один раз на Немейских играх (ок. 397 г. до н.э.), а на 96-й Олимпиаде (396 г. до н.э.) стал победителем в коротком беге (Paus. VI.3.7; VIII.45.4). Дамиск из Мессении в 12 лет победил на 103-й Олимпиаде (368 г. до н.э.) в коротком беге среди παιδες. Он считается самым юным олимпийцем. Позднее Дамиск выиграл пятиборье на Немейских и Истмийских играх (Paus. VI.2.10–11). Знаменитый Горг из Элиды (III в. до н.э.) установил своеобразный рекорд, четыре раза подряд побеждая в олимпийском пятиборье. При этом он также был олимпийцем в двойном беге и в беге гоплитов (Paus. VI.15.9). В пятиборье он, видимо, выиграл прыжок, спринт и борьбу [17. С. 136]. Фиванец Акастид, сын Клеомнеста, на Панафинейских играх в Афинах в 182 г. до н.э. одержал победу в коротком беге и в пятиборье в категории «юношей» (ἄγένοι — букв. «безбородые») (Polyb. 38.14.1; IG 2² 2314). Элий Гранион из Сикиона на Олимпийских играх дважды победил в пятиборье (ок. 137 г. н.э., ок. 141 г. н.э.), а также в коротком беге (ок. 133 г. н.э.), в двойном беге и в беге гоплитов (ок. 137 г. н.э.) (Paus. II.11.8; 19.11). Деметрий с Саламина (Кипр) (III в. н.э.) трижды подряд побеждал в коротком беге на Олимпийских играх (возможно, 229, 233, 237 гг. н.э.) и дважды — в пятиборье [24. 253–257]. Аврелий Поликрат из Кибиры (Ликия) (III в. н.э.) прославился как бегун ἄγένοι в коротком беге. Он выиграл и короткий бег, и пятиборье на Адрианеях в Афинах (IAG 82). Таким образом, пятиборцы одерживали победы в коротком беге, двойном или беге гоплитов (на 2 стадия), т.е. в беге на короткие дистанции.

Очень редко пятиборцы одерживали победы в единоборствах. Юный Эвтелид из Спарты в 628 г. до н.э. на 38-й Олимпиаде стал первым (и единственным!) олимпийцем в пятиборье среди παιδες, а также первым среди юных атлетов одержал победу в борьбе (Paus. V.9.1; VI.15.8; IG 2² 2326). Он был одним из немногих успешных пятиборцев, кто прославился в первую очередь как борец, а не как бегун. Антиох из Лепреона победил в панкратионе на Олимпийских играх (возможно, в 400 г. до н.э. на 95-й Олимпиаде), а также дважды побеждал в пятиборье на Немейских и Истмийских играх (Xen. Hell. VII.1.33; Paus. VI.3.9), что было очень необычным сочетанием дисциплин [6. С. 3]. Неизвестный атлет в надписи на халтере, каменной гантеле для прыжков, найденной в Истмии (1-я пол. VI в. до н.э.), хвалится, что сделал это посвящение после того, как дважды победил в пятиборье и дважды в борьбе (SEG 18.140). Д. Рамба справедливо отмечает, что речь в данном случае идет о крупных и важных фестивалях, тогда как на небольших местных соревнованиях пятиборцы нередко добивались успеха в нескольких специализированных дисциплинах [25. P. 67, n. 22].

Заключение

Таким образом, пятиборье в программе Олимпийских игр стало первым примером многоборья, и именно в Олимпии были сформированы основные правила этого состязания и его последовательность (метание диска, прыжки, метание копья, бег и борьба). Если в первых трех состязаниях не было абсолютного победителя, то он определялся в состязаниях в беге или в борьбе. Система, которая позволяла победителям в индивидуальных состязаниях пятиборья выходить в состязание в беге, а потом, при отсутствии «трех побед», в финальный поединок в борьбе, давала возможность финалисту доминировать в состязании со своим соперником. У тех пятиборцев, которые специализировались в «легких» состязаниях, были шансы победить в беге. Но если победитель не был определен по результатам забега (у двух атлетов было по две индивидуальных победы), то тогда он определялся в финале тройным победителем благодаря своей победе в борьбе. Данные, которыми мы располагаем, показывают, что пятиборцы чаще побеждали в беге, минуя тяжелый поединок в борьбе.

Библиографический список

1. Гвоздева Т.Б. Хронология Олимпийских игр (от античности до наших дней) // Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре (от античности до современности) / под ред. В.О. Никишина. СПб. : Алетейя, 2021. С. 292–424.
2. Гвоздева Т.Б. Греческий пентатлон: состав, участники, итоги // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: материалы науч. конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева», Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. / под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2023. С. 112–132.
3. Young D.C. A Brief History of the Olympic Games. London, 2004.
4. Gardiner E.N. Greek Athletic Sports and Festivals. London, 1910.
5. Гвоздева Т.Б. Гоплитодромос — категория древнегреческой атлетики // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. М., 2023. Т. 15. № 3. С. 318–329.
6. Golden M. Sport in the ancient world from A to Z. London. N.Y., 2004.
7. Гвоздева Т.Б. Возрастные категории атлетов на Олимпийских играх античности // Современный юрист. М., 2019. № 3 (28). С. 28–37.
8. Petermandl W. Growing Up with Greek Sport: Education and Athletics. In: P. Christesen, D.G. Kyle (ed.), A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity. Wiley Blackwell, 2014. P. 236–245.
9. Гвоздева Т.Б. Младшие возрастные категории атлетов на Панафинейских играх // Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. М., 2022. Т. 14. № 3. 2022. С. 243–256.
10. Гвоздева Т.Б. Атлеты Древней Греции на панэллинских играх // Древний мир: История и археология. М., 2022. С. 113–128.
11. Kyle D.G. Greek Athletic Competitions: The Ancient Olympics and More. In: P. Christesen, D.G. Kyle (ed.). A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity. Wiley Blackwell, 2014. P. 21–35.
12. Crowther N.B. Sport in Ancient Times. London, 2007.
13. Kyle D.G. Sport and Spectacle in the Ancient World. Malden, 2007.

14. *Bean G.E.* Victory in the Pentathlon // *American Journal of Archaeology*. 1956. Vol. 60. P. 361–368.
15. *Harris H.A.* Sport in Greece and Rome. London and Ithaca. NY, 1972.
16. *Gardiner E.N.* The Method of Deciding the Pentathlon // *Journal of Hellenic Studies*. 1903. Vol. 23. P. 54–70.
17. *Matthews V.* The greek Pentathlon again aus // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1994. Bd. 100. S. 129–138.
18. *Sweet W.E.* Sport and Recreation in Ancient Greece. A Soucebook with Translations. Oxford, 1987.
19. *Ebert J.* Noch einmal zum Sieg im Pentathlon // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1974. Bd. 13. S. 257–262.
20. *Kyle D.G.* Watching and Winning the Greek Pentathlon // *Journal of Sport History*. 1990. Vol. 17. P. 291–305.
21. *Crowther N.B.* Rounds and byes in Greek athletics // *Stadion*. 1992. Vol. 18. P. 68–74.
22. *Merkelbach R.* Der Sieg im Pentathlon // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1973. Bd. 11. S. 261–269.
23. *Гвоздева Т.Б.* Олимпионики древней Эллады — «вторые после Геракла» // *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история*. М., 2016. № 4. С. 59–72.
24. *Moretti L.* Iscrizioni agonistiche greche. Roma, 1953.
25. *Ramba D.* Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike. PhD. Göttingen, 2014.
26. *Romano D.G.* Greek Footraces and Field Events In: A. Futrell, T. Scanlon (ed.). *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, 2021. P. 209–220.

References

1. Gvozdeva TB. Hronologija Olimpijskih igr (ot antichnosti do nashih dnejj) [Chronology of the Olympic Games (from antiquity to the present day)]. *Olimpijskie igry v politike, povsednevnoj zhizni i kul'ture (ot antichnosti do sovremennosti)*. Nikishin VO (ed.) SPb.: Aletejja; 2021, pp. 292–424. (In Russ.).
2. Gvozdeva TB. Grecheskij pentatlon: sostav, uchastniki, itogi [Greek Pentathlon: composition, participants, results]. *Professor Evgenij Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedenija: Materialy nauchnoj konferencii «Istoriko-arheologicheskij simpozium pamjati professora Evgenija Aleksandrovicha Moleva»*, Institut mezhdunarodnyh otnoshenij i mirovoj istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhnij Novgorod, 22 janvarja 2022 g. Mahlajuk AV (ed.) Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet; 2023, pp. 112–132. (In Russ.).
3. Young DC. *A Brief History of the Olympic Games*. London; 2004.
4. Gardiner EN. *Greek Athletic Sports and Festivals*. London; 1910.
5. Gvozdeva TB. Goplitodromos — kategorija drevnegrecheskoj atletiki [Goplitodromos — a category of ancient Greek athletics]. *RUDN Journal of World History*. 2023;15(3):318–329. (In Russ.).
6. Golden M. *Sport in the ancient world from A to Z*. London, N.Y., 2004.
7. Gvozdeva TB. Vozrastnye kategorii atletov na Olimpijskih igrah antichnosti [Age categories of athletes at the Olympic Games of antiquity]. *Sovremennyj jurist*. 2019;3(28):28–37. (In Russ.).
8. Petermandl W. Growing Up with Greek Sport: Education and Athletics. In: Christesen P, Kyle DG (eds.) *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Wiley Blackwell; 2014, pp. 236–245.
9. Gvozdeva TB. Mladshie vozrastnye kategorii atletov na Panafinejskih igrah [Juniors age categories of athletes at the Panathenaic Games]. *RUDN Journal of World History*. 2022;14(3):243–256. (In Russ.).

10. Gvozdeva TB. Atlety Drevnej Grecii na panjellinskih igrah [Athletes of Ancient Greece at the Pan-Hellenic Games]. *Drevnij mir: Istorija i arheologija*. M., 2022, pp. 113–128. (In Russ.).
11. Kyle DG. Greek Athletic Competitions: The Ancient Olympics and More. In: Christesen P, Kyle DG (eds.) *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Wiley Blackwell; 2014, pp. 21–35.
12. Crowther NB. *Sport in Ancient Times*. London; 2007.
13. Kyle DG. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. Malden; 2007.
14. Bean GE. Victory in the Pentathlon. *American Journal of Archaeology*. 1956;(60):361–368.
15. Harris HA. *Sport in Greece and Rome*. London and Ithaca, NY; 1972.
16. Gardiner EN. The Method of Deciding the Pentathlon. *Journal of Hellenic Studies*. 1903;(23):54–70.
17. Matthews V. The greek Pentathlon again aus. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1994;(100):129–138.
18. Sweet WE. *Sport and Recreation in Ancient Greece. A Soucebook with Translations*. Oxford, 1987.
19. Ebert J. Noch einmal zum Sieg im Pentathlon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1974;(13):257–262.
20. Kyle DG. Watching and Winning the Greek Pentathlon. *Journal of Sport History*. 1990;(17):291–305.
21. Crowther NB. Rounds and byes in Greek athletics. *Stadion*. 1992;(18):68–74.
22. Merkelbach R. Der Sieg im Pentathlon. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1973;(11):261–269.
23. Gvozdeva TB. Olimpioniki drevnej Jellady — «vtorye posle Gerakla». *RUDN Journal of World History*. 2016;(4):59–72. (In Russ.).
24. Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. Roma, 1953.
25. Ramba D. *Bestimmung der prägenden Wesenszüge im Sport der griechisch-römischen Antike*. PhD. Göttingen, 2014.
26. Romano DG. Greek Footraces and Field Events. Futrell A, Scanlon T (eds.) *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford; 2021. p. 209–220.

Информация об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0400-4589. SPIN-код: 1913-852.

Information about the author:

Gvozdeva Tatiana Borisovna — Phd in History, associate Professor of the department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru. ORCID: 0000-0003-0400-4589. SPIN-code: 1913-852.

ИСТОРИЯ ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКИ THE HISTORY OF PRE-COLUMBIAN AMERICA

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-384-414

EDN: GOOGAM

Research article / Научная статья

Early State Formation in the Maya Lowlands in the Preclassic (1000 BCE — 150 CE)

Dmitri D. Beliaev

Russian State University for the Humanities, *Moscow, Russian Federation*

✉ lakamha@mail.ru

Abstract. The emergence of the state was one of the crucial moments in human history. Ancient Mesoamerica was one of two main areas of the state formation in the New World in pre-Columbian epoch. Archaeological projects in the Maya Lowlands during last decades shed new light on the early stages of the Maya politogenesis in the Preclassic period. Recent trend in the study of Mesoamerican complex polities consists in defining them just as ‘kingdoms’ without specifying whether they were chiefdoms or states. At the same time some scholars suggest that urbanism and statehood could be identified already in the Middle Preclassic (1000–350 BCE). In the present paper basic traits of the evolution of the Preclassic Maya society will be outlined based on different types of data (settlement patterns, economy, social stratification, ritual and ideology). Archaeological data demonstrate that in beginning of the Late Preclassic (350/300 BCE — 200 CE) Maya societies transformed from chiefdoms with three-tiered settlement system, monumental architecture, and incipient urbanization to more complex polities characterized by four-tiered settlement hierarchies, early urban settlements with massive monumental architecture, and complex intensive agriculture. Analysis of the retrospective Maya hieroglyphic inscriptions of the Classic period (200–900 CE) shows that in the Maya historical memory this time was remembered as the period of the foundation of the most ancient dynasties and polities, and the epoch of the establishing of the political order. The beginning of the process of the formation of the Maya early states could be dated between 350 and 200 BCE.

Keywords: Ancient Maya, Southern Lowlands, Preclassic period, complex chiefdoms, early states, archaeology, epigraphy

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

© Beliaev D.D., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Article history: Received: 28.02.2024. Accepted: 16.04.2024.

For citation: Beliaev DD. Early State Formation in the Maya Lowlands in the Preclassic (1000 BCE — 150 CE). *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):384–414. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-384-414>

Формирование раннего государства у древних майя в доклассический период (I тыс. до н.э.)

Д.Д. Беляев

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская
Федерация

✉ lakamha@mail.ru

Аннотация. Возникновение ранних государств было одним из важнейших моментов в человеческой истории. В Новом Свете в доколумбову эпоху одним из двух регионов сложения государственности была Мезоамерика. Археологические проекты последних десятилетий в области майя позволили по-новому взглянуть на процесс политогенеза у древних майя в доклассический период (I тыс. до н.э. — начало I тыс. н.э.). В последнее время некоторые исследователи предлагают отказаться от типологизации сложных политий Мезоамерики как вожеств или государств и обозначают их просто как «царства». С другой стороны, появились работы, в которых предлагается искать урбанизм и государственность уже в среднюю доклассическую фазу (X — сер. IV в. до н.э.). В данной работе будут выделены основные черты эволюции доклассического общества майя на основе комплексного изучения различных параметров (поселенческая организация, экономическая организация, социальная стратификация, ритуал и идеология). Археологические данные свидетельствуют, что в начале поздней доклассической фазы (вторая половина IV в. до н.э. — первая половина III в. н.э.) общества майя трансформировались из вожеств, характеризующихся трехуровневой поселенческой иерархией, ритуальной архитектурой и зачаточной урбанизацией, в более сложные политии с четырехуровневой поселенческой иерархией, ранними городскими поселениями с масштабной монументальной архитектурой и развитым интенсивным земледелием. Анализ ретроспективных сообщений в иероглифических текстах классического периода (I тыс. н.э.) указывает, что в исторической памяти майя эти времена считались эпохой основания древнейших царских династий и возникновения существующего политического порядка. Начало процесса формирования ранних государств у древних майя следует датировать серединой IV — концом III вв. до н.э.

Ключевые слова: древние майя, Южные низменности, доклассический период, политогенез, сложные вожества, раннее государство, археология, эпиграфика

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 01.03.2024. Принята к публикации: 25.04.2024.

Для цитирования: *Beliaev D.D.* Early State Formation in the Maya Lowlands in the Preclassic (1000 BCE — 150 CE) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 384–414. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-384-414>

Introduction

The emergence of the state was one of the crucial moments in human history. Several millennia prior to the formation of the first states human societies that already switched from the specialized foraging to the domestication of plants and animals and sedentary life experienced demographic growth, and considerable increase of social and political complexity. This long process that is defined as *politogenesis* in Russian historical and anthropological tradition was far from being unilinear and developed through multiple pathways. Recently the analysis and modelling of multiple pathways to social and political complexity became the main object of research interest [1; 2; 3, etc.].

Mesoamerica, a vast historic and cultural region encompassing western, central, and southern parts of present-day Mexico and Central American countries (Guatemala, Belize, parts of Honduras, Salvador, and Nicaragua), was one of two main areas of the state formation in the New World in pre-Columbian epoch. Contemporary perspective on the emergence of the urbanism, state and civilization in Mesoamerica was formulated in the mid-20th century in the works of American anthropologist Julian Steward and Spanish-Mexican ethnologists Pedro Armillas and Angel Palerm that were inspired by the ideas of Gordon Childe and Karl A. Wittfogel. According to this model, transition to agriculture causes the growth of the surplus, which was the basis for the urbanism, but only in the agricultural societies based on the irrigation. Construction and maintenance of the irrigation systems made it necessary to organize a collective work under the control of the rulers. That increased the level of the social cohesion and the power of the elites. Urban centers with the neighboring territory formed the city-states. The struggle for the water sources and better lands influenced the spread of the militarism, wars contributed to the growing power of the city-states that could invest more resources into the large-scale irrigation works. Altogether, these factors resulted in the further increase of social cohesion and the power of the supreme ruler and led to the rise of ancient empires [4].

However, Ancient Maya civilization did not fit this pan-Mesoamerican pattern. It was generally believed that agriculture in Yucatan peninsula was based on slash-and-burn farming and not on irrigation, therefore there were no prerequisites for the formation of urbanism and state. With the rise of cultural ecology as part of the neoevolutionist theory in the early 1960s, the idea that the development of the Maya area was different from Highland Mesoamerica received additional support in the works of William Sanders. According to Sanders, tropical lowlands covered by the rainforest could not sustain real urbanism. Maya “cities” were defined as ceremonial centers with a small resident priest-craftsman population, while the largest of them were “macroceremonial centers” [5; 6].

Soviet scholars turned their attention to the theoretical problems of the development of the Maya civilization at the same time. Yuri V. Knorozov (1922–1999), based on the analysis of the late Pre-Conquest and Early Colonial

Maya sources as well as on the Spanish descriptions, first postulated that the Maya society in the Postclassic period (900–1530 CE) should be characterized as “early class” (*ranneklassovoe*), similar to the societies of the Ancient Orient with the developed slavery along with the preserved community [7]. Knorozov’s assumptions were later developed by Valery I. Guliaev (1938–2022) who widely used archaeological data [8; 9; 10]. He dated the emergence of the civilization in the Maya area to the 1st century BCE [8. P. 97–98].

Maya Lowlands is a vast area which includes the southern part of Mexico (the states of Chiapas, Tabasco, Campeche, Yucatan, and Quintana Roo), the northern departments of Guatemala, Belize, and a part of Honduras. It lies below 800 m in elevation and is characterized by tropical humid climate. Variations in elevation, rainfall, drainage soils, and other factors create considerable diversity in the lowland environment. The Lowlands are usually divided into two major subzones: the Southern Lowlands (or Central area according to Guliaev), and the Northern Lowlands (or Northern area according to Guliaev). The main rivers flow in the west (Usumacinta), south (Pasion), and east (Hondo, Belize, and Motagua), while the center (Peten region) was covered with swamps and marshes (perennial or *civales* and semiannual or *bajos*) and lakes. The core region of the Maya world during the Preclassic (1200 BCE — 200 CE) and Classic (200–900 CE) periods was Peten that roughly corresponds to contemporary Guatemalan Department of Peten, and southern parts of Mexican states Campeche and Quintana Roo. According to the pollen data from the Peten lakes, first Maya farmers that cultivated maize came to this area ca. 2500 BCE. Pottery-making sedentary communities appeared later, only ca. 1200–900 BC.

Numerous large-scale archaeological projects in the Maya area conducted by North American, Mexican, Guatemalan, and European archaeologists during last decades as well as recent LIDAR (air-borne laser scanning) survey of the central portion of the Southern Maya Lowlands shed new light on the development of the Maya society in the Preclassic or Formative period [e.g. 11; 12; 13; 14]. Several well-studied regions of the Southern Lowlands provide important data for the reconstruction of social, political and economic processes in the Preclassic period: 1) the Mirador Basin (with sites like El Mirador, Nakbe and Tintal); 2) Central Peten (Tikal, Uaxactun); 3) Holmul River Valley (Holmul and Cival); 4) Peten Lakes region (Nixtun Ch’ich’ and Yaxha); 5) Belize (Cahal Pech, Pacbitun, Xunantunich); 6) Pasion River Valley (Ceibal).

Middle Preclassic (1000–350 BCE)

Soil chemistry and pollen studies indicate an important transition in human subsistence from mixed hunting/foraging/horticulture to agriculture at about 1000 BCE that was followed by an increase in agricultural productivity and the adoption of a staple diet based on maize between 1000 and 800 BCE. This important shift

also marked a change in human diet: isotopic studies of human bones suggests that prior to 1000 BCE maize played a relatively minor role. New domesticated plant was cotton [15]. No evidence of agricultural intensification is known for the early part of the Middle Preclassic.

Few examples of early construction projects are known, such as Ceibal (Pasion region) where ceremonial complex dates to ca. 1000 BCE in the absence of a recognizable residential settlement [16]. Other examples include leveling of the public spaces attested at Cival in the Holmul Valley (ca. 850 BCE). There is some evidence (exotic goods items, such as pottery, marine shell, and greenstone) of incipient social ranking among the village dwellers [15. P. 416–438]. Burials are rare for this time, but data from Cuello (Northern Belize) shows that prestige goods were distributed among different age and gender groups marking the social status of the families [17. P. 50].

Maya communities were included into the exchange networks of rare and prestige materials like greenstone, obsidian, and shell. Obsidian was a key resource and was imported from highland sources (El Chayal in the Central Guatemala, San Martin Jilotepeque in the Western Highlands of Guatemala, and Ixtepeque on the Guatemala-Salvador border). There were different systems of obsidian exchange that differed by the percentage of the obsidian from different sources. Before 700–650 BCE El Chayal was common at Ceibal and in the Belize River Valley, but since 700 BCE Ceibal controlled the import of San Martin Jilotepeque obsidian into the Maya Lowlands [18].

Overall, Lowland Maya society between 1000 and 800 BCE was on the village level without supracommunal organization. These communities consisted of nuclear families living in small households and were probably united by ritual ties. These communities consisted of nuclear families probably united by ritual ties. The uniqueness of Ceibal can be explained by its position as a gateway community that controlled trade routes from the Highland Guatemala.

New form of monumental architecture (so-called E-groups) that served astronomical and ceremonial functions spread from ca. 800 BCE. Its origins probably could be traced to the Olmec culture. Their spatial distribution indicates the landscape of emerging polities (Cival, El Palmar, Nakbe, Naranjo, Nixtun Ch'ich', San Bartolo, Tikal and Uaxactun) [12]. Their construction was frequently accompanied by ritual offerings. At Ceibal these offerings or caches consisted of polished greenstone axes placed in formal arrangements (including one cruciform) similar to the practice known from the Olmec culture [19]. In other regions the evidence on Maya ritual and ideology are mainly connected to the use of ceramics decorated with complex incised geometric designs and motives that found parallels in the Olmec iconography and are interpreted as related to maize [20. P. 255–258].

Between 700 and 600 BCE we observe fast growth of population and social complexity. The distribution of Mamom ceramic sphere throughout the Maya Lowlands shows the intensification of inter-regional contacts. It was accompanied

by considerable investment in monumental construction, establishment of settlement hierarchies, increasing long-distance trade and craft production. In the sites of the Mirador basin (Nakbe, El Mirador, etc.) large pyramids were constructed between 500–400 BCE [21. P. 178–181]. Uaxactun, Tikal, Cival, Naranjo, Yaxha and Nixtun Ch'ich' were among other important centers of the Peten region. First monumental sculptures were plain stelae and altars, sometimes placed in the centerline of the E-groups.

The structure of Peten settlement hierarchies is obscured by later constructions. Recent publication of the LIDAR data from the Mirador Basin provided more evidence. Judging from the analysis of the configuration of the causeway networks centered at large sites [22. P. 590, Fig. 2] we suggest that by the end of the Middle Preclassic Mirador Basin was divided into at least four polities (El Mirador, Nakbe, Tintal and Xulnal), probably with three-tiered hierarchy.

In the Central Peten Lakes region three-tiered settlement hierarchy can be identified based on the site size and number of E-groups: 1) Nixtun Ch'ich' core occupied 110 ha and had three E-groups; 2) secondary centers with cores about 10 ha and one E-group; 3) rural settlements [23. P. 579]. Eastern part of the region was dominated by Yaxha that by the end of the Middle Preclassic had three E-Groups. At least four secondary sites situated at the distance of 5 to 14 km from Yaxha had one E-Group each, and the rural settlements had none [24. P. 273–275]. In the Holmul valley similar three-tiered hierarchy was headed by Cival with its five E-groups and included eight secondary centers that each have one. Three-tiered settlement hierarchy was also established in the Belize River Valley in 600–300 BCE with primary sites like Cahal Pech, Blackman Eddy and Xunantunich [25]. The settlement systems consisting of hamlets, towns with modest public architecture, and large central sites (Xtobo, Komchen, etc.) were also identified in the Northwestern Yucatan [26].

Rich, “royal/chiefly” burials are unknown and only appear in the Late Preclassic. Richard Hansen suggests that “emerging administrative elite” was characterized by differential access to wealth, exploitation of natural resources, organization of intensive agriculture and labor intensification [21. P. 152–155]. But we see no material evidence for this type of elite. Agricultural intensification included transportation of vast quantities of the organic muck from nearby swamp areas that were deposited in terraces and fields to renovate the soils. These terraced fields were situated next to the high-status compounds and small household groups [21. P. 187–189]. Other infrastructure works in the Mirador Basin included water reservoirs constructed around 600–580 BCE [27. P. 508].

The transformation of the settlement patterns on the site level reflects the transformation of the social structure. By 400 BCE nuclear family households were replaced by so-called *plazuela* (or *patio*) groups that consisted of two to six buildings located on top of the common platform and housed extended family

households. The emergence of this type of social grouping probably was caused by the intensification of the resource extraction by the arising elites.

Around 600 BCE San Martin Jilotepeque replaced El Chayal as the main source of the obsidian in the Maya Lowlands. Geoffrey Braswell suggested that wide circulation of San Martin Jilotepeque obsidian in the Maya Lowlands was related to the open network system with dyadic exchange that existed in the Middle Preclassic in the western Guatemalan Highlands. In contrast, El Chayal obsidian was element of the bounded exchange network controlled by the rising political center of Kaminaljuyu in Central Guatemala and was exchanged through the lines of the political alliances [28. P. 133–134].

Timothy Pugh speculates that three-tiered hierarchy could be evidence for Middle Preclassic states [23. P. 578–581], but in political anthropology it is firmly connected to complex chiefdoms. Although we lack direct evidence for the rise of the ruling elite like rich burials or iconography of power, the most plausible explication is that in late Middle Preclassic Maya society underwent the process of fast formation of the complex chiefdoms.

Late Preclassic (350/300 BCE — 150 CE)

From ca. 350 BCE Mamom ceramic tradition develops into even wider ceramic tradition, Chicanel. During this period Maya civilization reached its first peak. Comparison of the previous excavations and the results of the recent LIDAR survey in the Northern Guatemala demonstrates that the considerable investment in architectural construction (pyramids, causeways, fortifications) and landscape modification (agricultural and defensive features) could date to the Late Preclassic [29].

The major architectural development of this phase was triadic group, a complex of buildings that consisted of a larger central pyramidal building with two smaller buildings facing each other and positioned in a triangular arrangement. In some centers they were added to existing E-Groups while in other they covered previous construction [12. P. 81–87]. According to William Saturno, “the change in the Late Preclassic from an E-Group to a triadic complex monumentally illustrates the social distancing that is part and parcel to establishing political legitimacy and institutionalized hierarchy” [30. P. 332]. Other important innovation was the decoration of the friezes in the form of sculptural masks representing the most important supernatural beings, such as Principal Bird Deity, animated mountains etc. They marked the pyramids as primordial mountains, from which came food, water and therefore life.

El Mirador became the largest Maya site between 300 BCE and 150 CE. After short disruption in the 4th century BCE massive structures between 40 and 72 m in height and measuring up to 600 x 300 m at the base were constructed at the site, and comparable buildings also appeared elsewhere throughout the Mirador Basin

(Nakbe, Wakna, Tintal, Xulnal etc.). The most intensive construction program started ca. 150–130 BCE with the construction of El Tigre pyramidal complex and later, enormous Danta complex [31. P. 389–390].

New core of the social and political development grew in the San Bartolo-Xultun area in the Northeastern Peten. Although it was inhabited since the beginning of the Middle Preclassic and there is evidence of Middle Preclassic public buildings in the form of E-Group at San Bartolo, the population explosion occurred in the Late Preclassic. San Bartolo grew to the medium-sized center of about 1 km². Among 240 known structures at San Bartolo there are four major pyramid complexes and a large palace structure. The site plan underwent an axis shift to a north-south orientation that was different from east-west orientation common to the Mirador Basin. Around 200 BCE E-Group was supplanted by the temple pyramid that became the foundation for the triadic group [30. P. 316–320; 32].

At Cival (Holmul Valley) the construction of triadic groups started ca. 350 BCE. Before 100 CE some of them were remodeled five times (probably every 80 years), while for previous 400 years central square and E-Group were remodeled only once [11. P. 76–77]. This fact demonstrates rapid social and cultural changes as well as high concentration of resources and labor force.

In the Central Peten Uaxactun and Tikal were probably rivals. Monumental construction at Uaxactun started around 300 BCE when first substantial E-Group was built in Group E and early version of the elite residence was constructed nearby. Group E continued to be the focus of the construction and ritual activities until 150–100 BCE when new monumental buildings, including triadic complex and vaulted masonry palace, were raised in Group H [33]. Later, in the beginning of the 1st century CE another massive triadic complex was constructed in Group F. By the end of the Late Preclassic (ca. 100 CE) four large groups (E, H South, H North, and F North) were the loci of architectural, ceremonial, and political activities [34: 108–110]. Between 350 and 100 BCE Tikal was considered to be a medium-sized settlement with a minimal population of 620 people [35. P. 41, Table 8], but the construction activities in “Mundo Perdido” complex and in the North Acropolis demonstrate that the population could be larger. After 100 BCE Tikal population grew to at least 3700 people [35. P. 41, Table 8], and the large-scale rebuilding of the North Acropolis around 100 and 50 BCE [33. P. 30–36; 36. P. 1410–1415] support the model of population growth. However, the volume of construction at Tikal was less impressive than at Uaxactun.

In the west of the Central Lakes region Nixtun Ch'ich' continued its development as a densely occupied urban center. Street-grid system was extended, principal buildings in the site core, particularly the Triadic Group and at least one E-Group, were massively enhanced during that time [23. P. 559]. Analysis of the sediments of the Lake Peten Itza shows maximum lake disturbance conditions and probable anthropogenic pollution between 150 BCE and 200 CE [37. P. 7]. In the eastern part of the region at Yaxha Late Preclassic constructions included new

version of E-Group and monumental triadic complex decorated with large stucco masks in North Acropolis, there were also evidence of building in other groups and construction of the earliest versions of inter-site causeways [24; 38].

Belize River Valley did not have very large regional centers like El Mirador, and Late Preclassic urban centers like Cahal Pech, Blackman Eddy, Xunantunich, and Barton Ramie can be classified as middle-sized. Large-scale monumental construction occurred at Cahal Pech around 350–300 BCE. It included at least four plazas bounded by monumental architecture, including pyramidal buildings, and the ballcourt. Several peripheral settlements witnessed the construction of larger-scale residential buildings after 350 BCE [25. P. 93–94].

Late Preclassic urban area of Ceibal is estimated as 5.4 km². It included the zones of high settlement density around civic-ceremonial precinct [39. P. 70]. However, Ceibal did not have large pyramidal complexes like El Mirador or Uaxactun. The main innovation was the beginning of the construction of minor temple groups in outlying areas. They consisted of a ceremonial complex containing at least one pyramid rising from 5 to 10 m in height, a central plaza, and a surrounding residential zone located near water sources [40. P. 376–383]. Later research showed that the residential units were built and occupied contemporaneously with their temple complex. The analysis of the construction mode shows that they were not constructed according to standardized conventions or by a central building program [39. P. 75–78]. It seems that minor temple groups were result of the natural growing of the urban center. At the same time their regular distribution (between 600 and 740 m from the central precinct) [40. P. 382, Fig. 216] proves that they were part of the integrated settlement system. This gives us the view of the internal structure of Ceibal between 350 and 75 BCE. Central precinct was formed by large ceremonial buildings around the main plaza (Group A) and neighboring high-status residences. The residential area consisted of several wards with minor temple groups as their centers. Around 75 BCE focus of the construction and ceremonial activities at Ceibal shifted from Group A to Group D located on a steep hill in a naturally defended position [41. P. 1294].

Late Preclassic settlement patterns

Recently data of the LIDAR survey of the Mirador Basin were published, so Late Preclassic settlement patterns in this region became better known [22]. However, as it frequently happens, the authors presented settlement typology (variation of the settlements according to their size and the volume of the construction) and not settlement hierarchy (i.e., the relative distribution of the settlements as the central places of different tiers according to their position in social and economic system). In their 6-tiered scheme the number of the settlements of the third and the fourth tiers is the same that cannot take place in the centralized system.

Although, it should be noted that their criteria of the identification of the “site” or settlement seems to be weak. For example, they assign to El Mirador the area of 132 km² that includes “its subordinate suburbs, populated affiliated bajos, residential architecture, and monumental architecture” [22. P. 593]. But among so-called “subordinate suburbs” there are archaeological complexes that using the criteria applied in the settlement pattern surveys elsewhere in Mesoamerica [42], could be classified as separate sites. It is evident that the large part of these 132 km² in fact was agricultural hinterland of the urban center, similar to the Ancient Greek *khora* (note that according to Hansen et al this area included “populated bajos” that were the main foci of the agricultural production). Such a mixing of the area of the urban center and its hinterland is quite common to American archaeologists and was criticized by Valeri Guliaev already in the 1970s [10. P. 108–111].

The same seems to be true for the second-tier sites like Tintal (19 km²), Nakbe (15 km²) and Balamnal (13 km²) and probably to third and fourth-tier sites. For example, El Porvenir which had one E-Group, one triadic complex, one ballcourt and one intra-site causeway is ascribed an area of 5.5 km² (550 ha) and defined to be in the fourth tier while El Manax with only one E-Group and the supposed area of 3.5 km² or 350 ha is in the third tier [22. P. 595, Table 3]. The settlement data from the Mirador Basin need to be re-analyzed. We foresee that after this procedure there we will be more low-tier sites and less middle-tier ones.

For now, we can only outline basic settlement hierarchy structure surrounding El Mirador that was primary center with an area more than 400 ha. It had four or five E-Groups, more than 20 triadic complexes, seven ballcourts and several large water reservoirs. Secondary sites (Tintal, Nakbe and Balamnal) had two or three E-Groups, up to 10 triadic complexes, several ballcourts and water reservoirs. They also served as hubs of the intra-site and inter-site causeways. The middle-tier sites cannot be properly defined. So, for the mapped 8000 km² we have at least three (or, maybe four) tiers of the sites above the agricultural communities. So far, this is the most complex political system in the Maya Lowlands before the advent of the Classic period.

According to the inter-site survey between San Bartolo and Xultun, the rural zone had 19 structures/km² and a population of at least 1500 people. San Bartolo was primary center and Xultun probably was a secondary, but its buildings are covered by the construction of the Classic period when it became the capital of the important city-state. They were surrounded by the minor centers that exhibited one or more public plazas, one or more courtyard groups, a ballcourt, one or more plain stelae, and one or more monumental structure. The lower level of the settlement hierarchy included household groups of different sizes and configuration (from single-court to multiple-court). Special type of settlements that consisted of the rectangles of rock cobbles with very scarce material remains were associated with agricultural features and served as field

houses [31. P. 530–533]. Again, this structure is very similar to the settlement structure reconstructed for the Classic period.

In the Holmul River Valley the primary center of Cival had a population from 2000 to 5000 peoples, and about 10.000 are calculated for the hinterland area in a 3-km radius [11. P. 77]. Up to twenty ritual and administrative centers organized in two tiers, were located within a 12 km radius. Secondary centers had ceremonial building (E-Groups, triadic groups, ballcourts), palaces, and could be connected by the causeways to outer monumental groups and to Cival itself. Tertiary centers were interspersed among the secondary ones and had a small E-Group and modest residential elite complex [43. P. 95–96]. Lowest level of the settlement hierarchy was formed by the rural communities and minor groups of various sizes. Altogether, this four-tiered system was the same as in the Classic period.

For Yaxha area in the Peten Lakes region Vilma Fialko defines a possible polity with the core area of 100 km² controlled by Yaxha. First group of secondary centers, like Poza Maya, La Pochitoca, El Bajón, Ixtinto y Sacnab, was situated in a 5 km radius. Second group of secondary centers like Holtun, Corozal Quemada and San Clemente were differed by the presence or absence of E-Groups, several of them also had one triadic group sometimes decorated with masks [24. P. 276].

In Tikal area monumental architecture like E-Groups or triadic complexes was found at several sites located about 10 km from Tikal (Chalpate, Zocotzal, Naranjito). Fialko believes that in the first part of the Late Preclassic they were autonomous centers, and earthen ramparts north and east of Tikal marked the frontiers between Tikal and its neighbors. In the later part of the Late Preclassic they became incorporated into larger Tikal polity [44. P. 243]. Third-tier settlements were rural communities without signs of public architecture. Such a settlement was studied by Russian-Guatemalan “Atlas Epigráfico de Petén” project during the excavations at El Encanto within Tikal National Park in 2018. In the Early and Late Classic El Encanto evolved into small peripheral urban center that consisted of several architectural groups. Stratigraphic excavations in the Southern Group demonstrated that first inhabitants arrived at the location in the Middle Preclassic, although Mamom pottery was very scarce. The construction in the Southern Group started in the Late Preclassic with the leveling of the hilltop using dark grey clay probably brought from neighboring swamps. This clay fill was covered with the thick limestone layer that represented the first construction stage, probably of the first plaza floor. Considerable quantity of the Late Preclassic ceramics (about 27 % of the total assemblage) shows that during this time the settlement was densely occupied. However, the mapping of the site demonstrated that it lacked public architecture like E-Group or triadic complex that were peculiar to larger Late Preclassic communities. All these data indicate that El Encanto should be interpreted as local rural community probably dependent from Tikal.

Hierarchy can be also deduced from the organization of the infrastructure. Although intra-site and inter-site causeways (*sacbe* or “white road”) appeared

in the Mirador Basin before 400 BC, the peak of their construction dates to 300–1 BCE. As LIDAR survey demonstrated inter-site causeways are primarily associated with the Preclassic centers (Tintal, Cival, San Bartolo) and were absent from the Late Classic period. Some of these roads measured 22 km in length and 10 to 20 m in width [29]. El Mirador was the central hub of the causeway system that covered practically all the Mirador Basin [30. P. 369–373]. In the Holmul Valley inter-site causeways led from Cival to the southeast connecting it to the lower-tiered settlements [43. P. 94–95].

Late Preclassic social stratification

The development of the social stratification in the Late Preclassic period can be observed through different lines of evidence. First, the growth of the difference among residential groups culminated with the appearance of formal palaces.

Preclassic palaces are known at Uaxactun and San Bartolo in the Peten and Nohmul in the Northern Belize. The masonry Tigrillo palace at San Bartolo is one of the earliest examples of this type of architecture in the Maya Lowlands. It was constructed in three phases between 400 BCE and 1st century BCE. The main building was placed on a platform at least 30 m long and 11 m high and served throne and administrative functions. The complex itself was larger and occupied 2.650 m². Although it was much smaller than the royal compounds of the Classic period, like Central Acropolis at Tikal (17.200 m²) or Great Acropolis at Calakmul (36.700 m²), it had all the main traits that define it as a palatial complex. Aside the main official palace building, there was a western courtyard on a raised platform that probably served as ruler's dwelling place and a conglomerate of about a dozen of dispersed smaller buildings to the north that probably housed servants and retainers [45].

Next tier of the residential hierarchy at San Bartolo was represented by the high-status residences of secondary elites like Las Plumas and Jabali. They were placed on the elevated platforms and had plastered floors. Common households lacked basal platforms and consisted of several buildings around one or different patios. Social stratification was also expressed in domestic life, especially in dietary patterns. Zooarchaeological analysis of the faunal remains in elite domestic contexts show a greater diversity of taxa among elites: they consumed different carnivorous animals (felines, foxes, racoons) in addition to common deer, peccary and agouti. Common people ate deer, small birds, rabbits, turtles, and peccaries [50].

A hierarchical pattern in human burials was established in the Late Preclassic. Formally constructed tombs appeared after 200/100 BCE at the sites like Tikal and Wakna and are thought to represent the early rulers, but grave goods are not so abundant and include ceramic objects, shells, and few jade items. First rich burials at Tikal are dated to 25–50 CE [35; 47]. High-status burials are also known in the secondary sites.

The burials of common people at large village of Cuello demonstrate that social differentiation became more complex. While 77 % of the burials had grave goods, it was mainly pottery, and only 23 % had shell objects. So, shell became more difficult to obtain. The dead of all ages and sexes had access to long-distance trade items like jade and imported ceramics, but they were much more frequently associated with public/ceremonial burials of males [17. P. 55–59]. At the small hamlet of K'axob jade was extremely rare, but shell was quite common [48. P. 135–137].

Late Preclassic economy

Late Preclassic was also the time of the peak of the agricultural intensification. In the Mirador Basin the zones of intensive farming grew to their maximal extent. They included terraced fields on the hillslopes, the use of the fertilizing organic muck and many hydraulic works (canals, dikes, reservoirs etc.) [30; 49].

Agricultural production was also one of the ways of improving the social status. The best case is Palma Group at Nakbe. It was situated in the southern part of the settlement, near an extensive terrace system. Around 400–350 BCE there were three more or less equal households (Str. 500, 501 and 502) on the platforms with a packed clay floors connected to these terraces. Around 350–300 BCE one of them (502) was expanded, its platform (2 m high, 20 m long, and 17 m wide) became paved with the lime plaster. High concentration of the chert waste flakes indicates that stone tools made from local material were manufactured there. The typology of the instruments shows that they were used for agricultural activities [21. P. 190–191]. So, households that were agricultural producers could gradually accumulate wealth and acquire higher status and due to that could receive administrative control over terraces and local workers.

About 4800 large terrace fields (15–30m wide and 10–100 m long) with an area of 264,4 ha were mapped and studied in the western periphery of Uaxactun. However, their productive capacity was not enough to sustain the calculated population of Late Preclassic Uaxactun (10.000 to 15.000 people). Until now there is no evidence of the muck fertilizer at Uaxactun. Wetland areas were used in other way: archaeologists detected the network of the drainage channels in the marsh area and raised fields to the north of the city [50. P. 655–656].

New features, probably dating to Late Preclassic were so-called “check terraces” (according to Hansen) or “ravine terraces” (according to Kovac). They consisted of the artificial stone terraces that crossed the ravines between the hills and detained the soil and fertilizing materials that were washed from the hillslopes [50; 51. P. 286–287]. This agricultural technology is strikingly similar to the *lamabordo* systems known in the Mixteca Alta (Oaxaca, Mexico) since the Preclassic period. It is considered that the building of *lamabordos* was the main cause of the fast population growth in the Late Preclassic [52; 53].

In Yaxha zone in the Peten Lakes region the expansion of agriculture into the area of semiannual swamps in the north. New settlements that were founded in this area did not have buildings like E-Groups or triadic complexes, and public ceremonial activities were probably concentrated at Yaxha itself. Fialko suggests that the technology of drained fields evident from the grid of the channels in the swamps was administered and controlled by Yaxha elites [24. P. 275–276].

The “great transformation” that took place in the Maya area was the change of the main obsidian source from San Martin Jilotepeque that dominated in late Middle Preclassic to El Chayal that continued into the Classic period. This shift occurred between 350 and 300 BCE, and was quite drastic: in average, the share of San Martin Jilotepeque fell from about 75 % to about 15 % while El Chayal rose from 16 % to about 72 %. It was probably connected to the expansion of the Kaminaljuyu polity in the Central Guatemalan Highlands that controlled El Chayal [27]. However, the analysis of the regional distribution of the obsidian sources shows that more dynamic picture. We can reconstruct the emergence of three competing but also partially overlapping exchange networks.

The first was terrestrial and was based on San Martin Jilotepeque source and entered to the Maya Lowlands through the Pasion River where Ceibal continued to be the main consumer of this obsidian (91.2 % against 8.2 % from El Chayal) and was the major riverine port-of-trade [54]. After this the route split, one branch continued down the Usumacinta River to the western sites, and the other went north to the Peten region. Tikal were economically connected and probably allied to Ceibal and continued use more San Martin Jilotepeque obsidian until the early I century CE when suddenly El Chayal obsidian became predominant [55. P. 89]. The picture for Peten Lakes sites was similar. From Peten it turned to the east and ended in the Belize where inland sites had about 20 % of San Martin Jilotepeque obsidian [56. P. 66, Table 3.3].

The second network was also terrestrial and was based on El Chayal source and was controlled by Kaminaljuyu. We still don't know its exact layout and what was the primary center that channeled it in the Maya Lowlands. El Chayal obsidian was predominant at El Mirador and sites situated to the north like Becan and in the inland Belizean sites (60 % in average). It is interesting that although San Martin Jilotepeque was predominant at Ceibal, the secondary site of Caobal received considerable amount of El Chayal obsidian [54. P. 296]. In coastal Caribbean sites and sites that were connected to the rivers flowing into the Caribbean Sea San Martin Jilotepeque obsidian became non-existent very rare (up to 6 %) [56. P. 66, Table 3.5].

The third network was based on Ixtepeque obsidian source. The main exchange route went along the Motagua River and the Caribbean coast, so this obsidian was the second source in Belize [56. P. 66, Table 3.2]. Ixtepeque obsidian was also traded to Central Peten where it was present at Tikal and Peten Lakes sites and finally reached the Mirador Basin [56. P. 66, Table 3.4].

However, always there were some exceptions. For example, at Colha in Northern Belize Ixtepeque obsidian comprised 39 %, El Chayal 33 % and San Martin Jilotepeque only 28 % [57. P. 231]. Thus, here all three networks overlapped. The main cause was probably the role of Colha as a major producer and supplier of chert tools. The site is located close to the extensive chert-bearing zone. In the Middle Preclassic the local craftsmen worked on family-level for personal consumption, but since 400/300 BCE we observe standardized, intensive, and large-scale production of stone tools by about 40 specialized workshops. The set of tools included large oval bifaces, long bipointed bifaces, projectile and spear points etc., but especially important were tranchet-bit implements used for forest clearing and fieldwork. They were widely traded through the Northern Belize where they comprised at least 70 % of all stone assemblage. Other tools made at Colha were traded further, to Holmul, Tikal and El Mirador [58]. However, in other sites like San Bartolo, though the level of production exceeded the family needs of the producers, there is no evidence to suggest that the stone tools were exchanged beyond the local community [59].

Late Preclassic ideology, monumental art, and hieroglyphic writing

Late Preclassic period witnessed the rise of new type of monumental sculpture in the form of the carved stone stelae sometimes associated with the stone altars. It was probably borrowed from the west, from Epi-Olmec culture or from the southwest, where other Isthmian cultures developed this tradition. Early stelae are known from Nakbe, El Mirador and Tintal in the Mirador Basin, Cahal Pech in Belize, Cival, Holmul, Yaxha and other sites in Central Peten. The main motive is a standing human figure in a rich attire with the ritual objects and symbols of power or, in some cases, supernatural beings.

Nakbe Stela 1 was dated to late Middle Preclassic by Richard Hansen [30. P. 384–387] but judging from its style it should be placed unto the Late Preclassic, probably between 350 and 200 BCE. It shows two opposing richly attired figures with large royal headdresses. The left person has square eye and so-called ‘Roman nose’ that identify him as a deity or ancestor. He gives orders to the second personage with raised left hand and extended forefinger. The right protagonist expresses his obedience that is clear from the gesture of his right hand in front of the chest. Both wear full assemblage of the Ancient Maya royal costume including large earflares, belts with large belt masks, jade pendants hanging from the frontal part of the belts and knotted bracelets and wrinklets. Earlier Hansen interpreted it as the depiction of the Hero Twins, but now he recognized that it is the scene of the transfer of the power [30. P. 387].

Late Preclassic period also witnessed the appearance of the Maya hieroglyphic writing. In other parts of Mesoamerica, such as Oaxaca or Gulf Coast Olmec chiefdoms writing goes back to the Middle Preclassic or may be even Early Preclassic

times [60]. Recent study of the painted texts from San Bartolo in Northwestern Peten dates them to 3rd century BCE [61]. They show already well-developed inventory of signs that indicates earlier (500 to 400 BCE) origins. The main types of the Preclassic texts are painted inscriptions in the murals and various portable objects (pectorals, pendants, stone figurines, ritual bloodletters). Monumental inscriptions are no so common and many of them were destroyed in the antiquity.

Although Preclassic texts are far from been totally clear, they reflect the formation of the royal ideology that will continue its existence into the Classic period. Portable texts principally served as property statements, but also recorded the calendar ceremonies, royal accessions, and bloodletting ceremonies. Their principal function was ritual and ideological. They frequently mention the principal royal title *'ajaw* (derived from Common Mayan **a:xa:w* “he who speaks loudly”, “he who orders”), but are silent about other nobles or office holders. It seems that the Late Preclassic was the time when a standard form of royal title, so-called ‘Emblem Glyphs’ were developed. It consisted of a name of the principal urban center of the polity followed by *'ajaw* title — *Kanu'l 'ajaw*, “king of *Kanul* (Dzibanche)”, *Baaxwitz 'ajaw*, “king of *Baxwitz* (Xultun)”, *Sa'il 'ajaw*, “king of *Sa'il* (Naranjo)” etc.

In the inscriptions of San Bartolo we find at least two early Emblem Glyphs. The text of the painted block from Las Pinturas Sub-V building contains easily recognizable sequence **PA'-CHAN 'AJAW**, *Pa'chan ajaw* (“*Pachan* king”). In the Classic period this title was carried by the rulers of Yaxchilan (*Tahn Ha'Pa'chan*) and El Zotz' (*Pachan Nal*). There is no considerable Preclassic settlement at Yaxchilan, while El Zotz' area was the home of dynamic Middle and Late Preclassic community with the center at El Palmar. So, it is possible that at San Bartolo we have the reference to El Palmar. Another Emblem Glyph appears in the end of the vertical inscription in the right edge of the Western Wall mural of Las Pinturas group. It accompanied the scene of royal accession: **'u ... 'AJAW**, *U... ajaw* (“... king”). The third glyphic sequence with **AJAW** logograph in final position also appears in the same mural but was placed in the mythological scene and could name some supernatural being (**'AKAN-'AJAW**, *Akan ajaw* — “the lord of the grassland”). To our surprise, we don't find any reference to *Baxwitz* or “Crystal Hill”, Classic toponym used at Xultun that succeeded San Bartolo as a regional political center. It is possible that *Baaxwitz* was the name of Xultun and not of San Bartolo.

However, several Maya royal houses used other type of titles (*sak-chuwen* or “pure artisan” at Naranjo, *chak-tok-wayab* or “cloudy-read dreamer” at Holmul etc.) or combined both types. For example, aside from usual Emblem Glyph Tikal rulers also called themselves *unahb'nal-k'ihnich* (“the owner of the lake of the Sun God”). It is interesting that among these dynasties are several very ancient (see below), so this pattern could reflect more ancient principles of titling.

The central theme of the Late Preclassic royal ideology was the myth about Maize God as a first king. It is represented in detail on the murals at San Bartolo [60].

The peak event was the defeat of the Principal Bird Deity who descended from the heavenly realm and the taking of his regalia. After this the Maize God descended to the watery underworld, resurrected, and was crowned as the first ruler. Historical king of San Bartolo presented himself ascending to be crowned ruler, a parallel to the Maize God's enthronement.

Late Preclassic in the Maya historical memory

In the later Maya historical memory, the origins of the principal royal dynasties dated back to the Late Preclassic. At Naranjo (ancient *Sa'il* kingdom) the 35th king acceded at 546 CE. Using an average of 22.5–25 years per reign the start of the Naranjo dynasty would fall between 300 and 200 BCE. Long inscription on Altar 1 from Naranjo in the retrospective part mentions ritual of the conjuring of a deity or ancestral figure called *I chpuy Ajaw* in 258 BCE by a person wearing local *sak-chuwen* dynastic title.

Recently we identified two previously unknown examples of the dynastic count in the inscriptions of Uaxactun. According to the first, Kokaj Witznal who ruled in the early 6th-century CE was 32nd king [63]. According to the second, his earlier predecessor Nohol Winkil who probably ruled around 445 CE was 29th king [64]. Using the same calculation formula, the founding of Uaxactun dynasty could be placed between 275 and 200 BCE. Other ancient kingdoms included Xultun (*Baxwitz*) where 33rd king ruled in the 6th century [31. P. 540–541], so the dynastic origin counts back to 3rd century BCE. The founder's name is not clear, but it can be the reference to the period of the apogee of San Bartolo. At Altar de Sacrificios 36th king ruled in 633 CE that brings the beginning back to 250–150 BCE [65. P. 533].

Second wave of the foundation of the royal houses can be dated to 1st century CE. The most famous of those was Tikal dynasty founded by Yax Ehb Xook around 90 CE [65. P. 533] Another important Classic polity founded in 1st century CE was El Peru [66. P. 150]. According to the Classic-period inscriptions, Yaxha dynasty seems to be more or less contemporaneous with Tikal and El Peru since the 6th-century king was called 19th in the line.

One of the unresolved questions concerning the Late Preclassic is whether El Mirador, the largest Lowland Maya city between 300 BCE and 150 CE, was also the capital of large state that included all the Southern Lowlands or at least its major part, as was argued by Richard Hansen. This vision was supported by Kathryn Reese-Taylor and Debra Walker [67]. Recently David Freidel argued that the extent of the Mirador state could be even larger, reaching Yaxuna in the Northern Yucatan [68. P. 372–378].

An important element of the Maya historical memory recorded in the inscriptions of the Classic period was highly prestigious place called *Chika* or *Chihka*. Its rulers Huun Bahlam and Num Xim who were mentioned retrospectively in the texts of the

5th and 6th centuries used high title *kalomte* (“hegemon, overlord”) and not just “king”. Ruling houses from all the Southern Lowlands traced their origin to Chika royal court. For example, Tikal kings believed that their ancestor Yax Ehb Xook was “Chika power”. At the same time lords of the Western region (Yaxchilan and La Florida) insisted that their progenitors were “Chika warriors”. In the inscriptions of El Resbalon Chika was called “the city of the power (*u-ch'ee'n k'awilaal*) [69], so it was not an element of natural landscape like cave or mountain, but actual settlement.

All the events that took place at Chika were dated to some distant past that corresponds to the Late Preclassic (4th or 3rd centuries BCE) or Protoclassic (50 BCE — 160 CE). Until now its location is unknown because by the Classic period it disappeared from the political landscape. The wide distribution of the references to Chika throughout the Maya Lowlands led some scholars to the suggestion that it could be original name of El Mirador [70. P. 131; 71], although others proposed that it could be Late Preclassic site of I chkabal in the Southern Quintana Roo [72].

However, the actual evidence for pan-Maya state is ambiguous. As we saw earlier, the Mirador Basin (about 8.000 km²) was evidently under El Mirador’s control since 300 BCE. But if we look at the scheme of obsidian distribution, the picture is different, El Mirador was one of the main consumers of El Chayal obsidian, but Central Peten, especially Tikal, was outside this economic sphere and continued exporting San Martin Jilotepeque obsidian in considerable quantities. At the same time in the 1st century CE the networks of obsidian exchange were transformed, and El Chayal obsidian became even more widespread. For example, at Tikal we see the radical shift from San Martin Jilotepeque (fall from 86.7 % to 9.5 %) to El Chayal (rise from 6.7 % to 90.5 %) [55. P. 68, Table 6]. Tikal dynasty connected its foundation to Chika and S. Guenter suggested that according to Tikal historic memory its first king was crowned at Chika [71]. With all these data the hypothesis that in the 1st century CE Tikal fell under El Mirador hegemony seems very attractive. Another possible center that depended on El Mirador could be Cerros, an important seaport in Northern Belize. Its fast rise in the 1st century BCE could be connected to the expansion of El Mirador [67. P. 93–95], because all Cerros obsidian was from El Chayal [56. P. 50–51].

First Maya collapse (100–200 CE)

2nd century CE was the time of the first collapse in the Southern Lowlands. Many major urban centers were abandoned. Crisis was the strongest in the Mirador Basin where El Mirador, Nakbe and Tintal never recovered and reached the same importance. At Ceibal the population and construction activities declined significantly between 125 and 175 CE [41. P. 1295]. Other centers like Uaxactun and Tikal experienced decline but later restored their position. Principal groups of Uaxactun were abandoned between 150 and 250 CE, but in the early 4th century CE elite activities

resumed [33. P. 111–113]. Centers like Naranjo, Yaxha and Nakum also continued their development in the Early Classic, and it is unknown whether they experienced the crisis. In some cases, the decline is observed in secondary centers and even rural settlements like El Encanto where no materials dated to 100–250 CE were excavated.

The fall of the Late Preclassic polities led not only to the demographic decline but also to the migrations. Naachtun in the northwest of the Mirador Basin was small settlement before 150 CE but later received considerable population and probably became the place of refuge who constructed their houses, fields, and public buildings on top of the hill [73].

There is evidence that these events were connected to the rise of militarism. In the Late Postclassic we have limited evidence of the war between the polities. Some fortified settlements like Muralla de Leon in the Peten Lakes region were built between 400 and 200 BCE. Western Group of El Mirador was defended by 4 to 6 m high stone wall with five gates encircled by deep and white moat. Overall volume of this defensive system was about 100.000 m³ [74. P. 21]. But in the first centuries CE the scale of fortifications grew larger. At Tintal the canals that channeled water from the shallow lake were modified into the moat system that encircled around 34 ha [75]. Soon after 100 CE the central part of Cival was encircled by a stone wall that defended temples and principal residences but left out many elite platforms. After 150 CE Cival was replaced by new center, Holmul, that became the main regional capital in the Classic period [11. P. 131–132]. At Tikal there are signs of massive burning and contemporary destruction of the stucco masks and facades in the Northern Acropolis around 150–170 CE [35. P. 1416].

In the later Maya historical tradition, the important event in 159 CE related to Chika was remembered [76. P. 216–221; 77. P. 120–121]. Some polities just arose during these turbulent times. A powerful *Kanul* dynasty that originally ruled at Dzibanche (Southern Quintana Roo, Mexico) and later moved to Calakmul (Campeche, Mexico) according to its king list inscribed on the ceramic vessels should be founded in the late 2nd century CE. According to the dynastic tradition of Itzimte, this middle-range kingdom in the western part of Central Peten was founded between 200–220 CE [78].

The exact causes of this crisis are unknown. Probably, complex set of factors including geomorphological transformation (fall of the water level), climatic changes and increased military competition finally led to the crisis [30; 79]. After several decades of the decline, Maya societies recovered, and the Classic period started around 200/250 CE.

Conclusions

In the 1980s and 1990s a widespread consensus was established among the Mayanists that the first states in the Maya Lowlands appeared between 50 BCE and 100 CE or even later. Joyce Marcus characterized Late Preclassic Maya

polities as having the following traits: “hereditary differences in rank, settlement hierarchies of two or three tiers, and sufficient interpolity raiding” [80. P. 61] that placed them within the range of middle-range chiefdom societies. She dated the appearance of first-generation states to the Early Classic (250–500 CE). At the same time Richard Hansen based on the extensive work of the Brigham Young University expeditions in the Mirador Basin argued that the first Maya state centered at El Mirador dated to the Late Preclassic [21; 31 etc.]. However, his arguments were not so convincing [12. P. 78–79].

A recent trend in the study of Mesoamerican complex politics consists in defining them just as ‘kingdoms’ without specifying whether they were chiefdoms or states [81; 82]. Rosenswig defined ‘kingdom’ as “hierarchical polity ruled by a king, which consisted of a capital and affiliated lower-tier centres” in order to avoid “typological exercise of whether Izapa was a complex chiefdom or a state” [82. P. 1307]. From this point of view Mesoamerican political organization did not evolve for more than 2000 years. Although in many cases the distinctions between complex chiefdoms and incipient states are indeed difficult to trace because of the gradual processual character of the politogenesis [83], we believe that the rejection of generalization models common to contemporary American anthropological archaeology creates more problems than solves.

The archaeological and epigraphic data summarized above demonstrate complex dynamic picture. Late Middle Preclassic politics (600–350 BCE) with three-tiered settlement system, early forms of intensive agriculture, public architecture, and incipient urbanization could be identified as complex chiefdoms. Very important threshold in Maya history took place around 350–300 BCE. Previous chiefly political centers were transformed into early urban settlements, the monumental construction reached its peak. Four-tiered settlement hierarchies appeared in the Mirador Basin, Holmul River Valley, and other regions. First early states were formed starting from 300 BCE in the Mirador Basin (Nakbe, El Mirador), Holmul River Valley (Cival), possibly in Peten Lakes region (Nixtun Ch’ich’), and slightly later in Central Peten (Uaxactun and Tikal). During the following 300 years Maya politics became larger in area and population, hierarchically more complex, used the hieroglyphic writing and developed a peculiar model of royal ideology. The complexity of the system of urban and suburban centers and sophisticated infrastructure presupposes the existence of administrators and court officials. However, they only appear in the hieroglyphic inscriptions in the Classic period.

William Sanders and later Kent Flannery emphasized that although chiefs could organize large amount of labor force to build temples and other public buildings, they usually could not have their residences built for them. Therefore, it is sometimes difficult to identify chiefly residences among other high-status dwellings, and the construction of palaces is an important marker of the primary states [84. P. 21–36]. Although Late Preclassic Maya palaces were smaller than Classic acropolis, they had all the functional traits of the palatial complexes.

The complexity of the Late Preclassic economy also indicates that it was a period of important change. The scale of agricultural intensification and hydraulic engineering implies centralized organization, although we still lack direct evidence of elite intervention or control. Probably the largest works were organized under the ruler's patronage while others were realized on the community level. Long-distance trade of high-valued commodities seems to be controlled by the elites, while the configuration of the middle-range and local exchange networks depended on the conditions. Craft production was varied from household-level production of the serving pottery to specialized lithic workshops.

Although El Mirador was the largest Late Preclassic Maya urban center and since 300 BCE became a capital of the early state that controlled at least 8.000 km², there is no evidence of any pan-Mayan regional state. The analysis of the obsidian exchange networks demonstrates that during the 3rd and 2nd centuries BCE El Mirador did not control the distribution of obsidian in Peten region, and thus the territory under its power probably was not very extensive. Possible expansion of El Mirador hegemony can be reconstructed through the change of obsidian exchange networks between 50 BCE and 100 CE. During that time El Mirador hegemony expanded to the south where it embraced Tikal and, probably, Central Peten Lake region, while in the northeast it reached Caribbean sea. It is possible that this hegemony was preserved in the Maya historical memory in the image of Chika, a primary center that was the source of authority and legitimacy. The collapse of the Late Preclassic society around 150–170 CE probably was complex phenomenon caused by the set of factors that included climatic change, anthropogenic ecological crisis and political and military struggle among first Maya city-states.

References

1. Grinin LE, Korotaev AV, Bondarenko DM, Kradin NN, editors. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State. Its Alternatives and Analogues]. Volgograd: Uchitel; 2006. (In Russ.).
2. Flannery K, Marcus J (ed.) *The Creation of Inequality. How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery and Empire*. Cambridge — London: Harvard University Press; 2012.
3. Kradin NN. *Proiskhozhdenie neravenstva, civilizacii i gosudarstva* [The Origins of the Inequality, State and Civilization]. SPb: Izdatel'stvo Olega Abyshko; 2021. (In Russ.).
4. Beliaev DD. Karl Wittfogel i formirovanie koncepcii gidravlicheskogo gosudarstva v Mezoamerike [Karl Wittfogel and the formation of the concept of hydraulic state in Mesoamerica]. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2020;(4):144–155.
5. Sanders WT. Cultural ecology of the nuclear Mesoamerica. *American Anthropologist*. 1962;(64):34–44.
6. Sanders WT, Price B. *Mesoamerica: The Evolution of a Civilization*. New York: Random House; 1968.

7. Knorozov YuV. «Soobshchenie o delah v Yukatane» Diego de Landa kak istoriko-ètnograficheskij istochnik [Diego de Landa's "Relacion de las cosas de Yucatan" as historic and ethnographic source]. In: Landa D. *Account about the things of Yucatan*. L.: Izdatelstvo Akademii Nauk; 1955, pp. 3–96. (In Russ.).
8. Guliaev VI. Nekotorye voprosy stanovlenija klassovogo obshchestva u drevnih maya [Some questions of the formations of the class society among the Ancient Maya]. *Sovetskaya etnografija*. 1969;(4):86–98. (In Russ.).
9. Guliaev VI. Problema stanovlenija tsarskoj vlasti u drevnejshih maya [The problem of the formation of the royal power among the Ancient Maya]. In: Pershitz AI, editor. *Stanovlenie klassov i gosudarstva*. M.: Nauka; 1976, pp. 191–248. (In Russ.).
10. Guliaev VI. *Goroda-gosudarstva maya: (Struktura i funktsii goroda v ranneklassovom obshchestve)* [Maya City-States: Structure and Functions of the City in Early Class Society]. M.: Nauka; 1979. (In Russ.).
11. Estrada-Belli F. *The First Maya Civilization: Ritual and Power before the Classic Period*. New York: Routledge; 2011.
12. Doyle J. *Architecture and the Origins of Preclassic Maya Politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2017.
13. Brown MK, Bey III GJ (ed.) *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands*. Gainesville: University Press of Florida; 2018.
14. Walker DS, editor. *Pre-Mamom Pottery Variation and the Preclassic Origins of the Lowland Maya*. Denver: University Press of Colorado; 2023.
15. Stemp WJ, Awe J., Marcus J., Helmke C., Sullivan L. The Preceramic and Early Ceramic Periods in Belize and the Central Maya Lowlands. *Ancient Mesoamerica*. 2021;(32):416–438.
16. Inomata T., MacLellan J., Triadan D., Munson J., Burham M., Aoyama K., Nasu H., Pinzón F., Yonenobu H. Development of Sedentary Communities in the Maya Lowlands: Coexisting Mobile Groups and Public Ceremonies at Ceibal, Guatemala. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015;(112):4268–4273.
17. Hammond N. The Genesis of Hierarchy: Mortuary and Offertory Ritual in the Pre-Classic at Cuello, Belize. In: Grove D., Joyce R., editors. *Social Patterns in Preclassic Mesoamerica*. Washington: Dumbarton Oaks, 1999; pp. 49–66.
18. Nelson FW, Clarke JE. Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica. In: *Rutas de intercambio en Mesoamérica. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera*. México; 1998, pp. 277–333.
19. Inomata T., Pinzón F., Palomo J., Sharpe A., Ortiz R., Belén M., Román O. Public ritual and interregional interactions: Excavations of the central plaza of group A, Ceibal. *Ancient Mesoamerica*. 2017;(28):203–232.
20. Nievens N. K'awil and Early Eb: The Pre-Mamom Ceramics from Holmul and Tikal, Guatemala. In: Walker DS, editor. *Pre-Mamom Pottery Variation and the Preclassic Origins of the Lowland Maya*. Denver: University Press of Colorado, 2023; pp. 239–270.
21. Hansen R., Forsyth D., Woods J., Schreiner T., Titmus G. Developmental Dynamics, Energetics, and Complex Economic Interactions of the Early Maya of the Mirador-Calakmul Basin, Guatemala, and Campeche, Mexico. In Brown MK, Bey III GJ, editors. *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands*. Gainesville: University Press of Florida; 2018, pp. 147–194.
22. Hansen R., Morales-Aguilar C., Thompson J., Ensley R., Hernández E., Schreiner T., Suyuc Ley E., Martínez G. LiDAR analyses in the contiguous Mirador-Calakmul Karst Basin, Guatemala: an introduction to new perspectives on regional early Maya socioeconomic and political organization. *Ancient Mesoamerica*. 2023;(34):587–626. <https://doi.org/10.1017/S0956536122000244>.
23. Pugh TW. Social Complexity and the Middle Preclassic Lowland Maya. *Journal of Archaeological Research*. 2022;(30):545–595. <https://doi.org/10.1007/s10814-021-09168-y>.

24. Fialko V. El proceso de desarrollo político del estado maya de Yaxhá: un caso de competencia de élites y readecuación dentro de un marco de circunscripción territorial. In Arnould M.-Ch., Breton A., editors. *Millenary Maya Societies: Past Crises and Resilience*. Mesoweb, 2013, p. 265–283. Available from: www.mesoweb.com/publications/MMS/17_Fialko.pdf [Accessed January 12th, 2014].
25. Brown MK, Awe J., Garber J. The Role of Ideology, Religion, and Ritual in the Foundation of Social Complexity in the Belize River Valley. In Brown MK, Bey III GJ, editors. *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands*. Gainesville: University Press of Florida; 2018, pp. 87–116.
26. Anderson DS, Robles Castellanos F., Andrews AP. The Preclassic Settlement of Northwest Yucatan. In: Brown MK, Bey III GJ, editors. *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands*. Gainesville: University Press of Florida; 2018, pp. 195–222.
27. Reese-Taylor K. Becoming Maya in Early Middle Preclassic Mesoamerica. In Walker DS, editor. *Pre-Mamom Pottery Variation and the Preclassic Origins of the Lowland Maya*. Denver: University Press of Colorado, 2023, pp. 513–542.
28. Braswell G. The Rise and Fall of Market Exchange: A Dynamic Approach to Ancient Maya Economy. In: Garraty CP, Stark BL. *Archaeological Approaches to Market Exchange in Ancient Societies*. Boulder: University Press of Colorado; 2010, pp. 127–140.
29. Canuto M., Estrada-Belli F., Garrison T., Houston S., Acuña M.J., Kováč M., Marken D., Nondédéo P., Auld-Thomas L., Castanet C., Chatelain D., Chiriboga C., Drápela T., Lieskovský T., Tokovinine A., Velasquez A., Fernández-Díaz J., Shrestha R. Ancient lowland Maya complexity as revealed by airborne laser scanning of northern Guatemala. *Science*. 2018;(361). <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aau0137>.
30. Saturno W., Rossi F., Beltrán B. Changing Stages: Royal Legitimacy and the Architectural Development of the Pinturas Complex at San Bartolo, Guatemala. In: Brown MK, Bey III GJ, editors. *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands*. Gainesville: University Press of Florida; 2018, pp. 315–335.
31. Hansen R. Cultural and Environmental Components of the First Maya States: A Perspective from the Central and Southern Maya Lowlands. In: Traxler LP, Sharer RJ, editors. *The Origins of Maya States*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 2016, pp. 329–416.
32. Garrison T., Dunning N. Settlement, Environment, and Politics in the San Bartolo-Xultun Territory, El Peten, Guatemala. *Latin American Antiquity*. 2009;(20):525–552.
33. Laporte JP, Valdés JA, editors. *Tikal y Uaxactún en el Preclásico*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1993.
34. Kováč M. Crecimiento, colapso y retorno ritual en la ciudad antigua de Uaxactun (150 a.C.- 300 d.C.). In: Arnould M.-Ch., Breton A., editors. *Millenary Maya Societies: Past Crises and Resilience*. Mesoweb, 2013, pp. 106–121. Available from: www.mesoweb.com/publications/MMS/8_Kovac.pdf [Accessed February, 20th, 2024].
35. Webster D. *The Population of Tikal: Implications for Maya Demography*. Oxford: Archaeopress, 2018.
36. Coe WR. Tikal, Guatemala, and emergent Maya civilization. *Science*. 1965;(147):1401–1419.
37. Birkett BA, Obrist-Farner J., Rice PM, Parker WG, Douglas PMJ., Berke MA, Taylor AK, Curtis JH, Keenan B. Preclassic environmental degradation of Lake Petén Itzá, Guatemala, by the early Maya of Nixtun-Ch'ich'. *Nature Communications: Earth & Environment*. 2023;(4). <https://doi.org/10.1038/s43247-023-00726-4>.
38. Hermes B. Maya Prehispanic Occupation in Yaxha, Northeast Peten, Guatemala: A Synthesis. *Mesoweb*, 2020. Available from: www.mesoweb.com/CATNYN/Yaxha.pdf.
39. Burham M., Inomata T., Triadan D., MacLellan J. Ritual Practice, Urbanization, and Sociopolitical Organization at Preclassic Ceibal, Guatemala. In: Houk BA, Arroyo B., Powis TG, editors. *Approaches to Monumental Landscapes of the Ancient Maya*. Gainesville: University Press of Florida, 2020, p. 61–84.

40. Tourtellot III G. *Excavations at Seibal, Department of Peten, Guatemala: Peripheral Survey and Excavation, Settlement and Community Patterns*. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
41. Inomata T., Triadan D., MacLellan J., Burham M., Aoyama K., Palomo J., Yonenobu H., Pinzón F., Nasu H. High-precision radiocarbon dating of political collapse and dynastic origins at the Maya site of Ceibal, Guatemala. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017;(11):1293–1298. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618022114>.
42. Balkansky AK, Kowalewski SA, Pérez Rodríguez V., Pluckhuhn TJ, Smith CA, Stiver LR, Beliaev D., Chamblee JF, Heredia Espinoza VY, Santos Pérez R. Archaeological Survey in the Mixteca Alta of Oaxaca, Mexico. *Journal of Field Archaeology*. 2000;(27):365–389. <https://doi.org/10.1179/jfa.2000.27.4.365>.
43. Canuto M., Estrada-Belli F. Patterns of Early Urbanism in the Southern Maya Lowlands. In Love M., Guernsey J., editors. *Early Mesoamerican Cities: Urbanism and Urbanization in the Formative Period*. Cambridge — New York: Cambridge University Press; 2022, p. 73–98.
44. Fialko V. La periferia este de Tikal en el periodo Preclásico dentro del contexto de la cuenca del río Holmul. In: Laporte JP, Arroyo B., Mejía H. *XXI Simposio de Arqueología en Guatemala, 2007*. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 2008, pp. 239–247.
45. Runggaldier A. *Memory and Materiality in Monumental Architecture: Construction and Reuse of a Late Preclassic Maya Palace at San Bartolo, Guatemala* [Dissertation]. Boston; 2009.
46. Sharpe A., Saturno W., Emery K. Shifting Patterns of Maya Social Complexity through Time: Preliminary Zooarchaeological Results from San Bartolo, Guatemala. In: Arbuckle BS, McCarty SA, editors. *Animals and Inequality in the Ancient World*. Boulder: University Press of Colorado; 2014, pp. 85–105.
47. Haviland WA. The rise and fall of sexual inequality: Death and gender at Tikal, Guatemala. *Ancient Mesoamerica*. 1997;(8):1–12.
48. McAnany PA, Storey R., Lockard AK. Mortuary ritual and family politics at Formative and Early Classic K'axob, Belize. *Ancient Mesoamerica*. 1999;(10):129–146.
49. Acuña MJ, Matute V. Introducción a la arqueología de El Tintal, Petén, Guatemala. *Estudios de Cultura Maya*. 2023;(62):11–44. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm/62/000XS00146W01>.
50. Kováč M., Dlapa P., Drapela T., Lieskovsky T., Heise L. Mas allá de las fronteras de la ciudad. Variedad de sistemas agrícolas prehispánicos alrededor de Uaxactun. In Arroyo B., Méndez L., Ajú G., editors. *XXXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2018*. T. 2. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología; 2019, pp. 655–664.
51. Hansen R., Bozarth S., Jacob J., Wahl D., Schreiner T. Climatic and Environmental Variability in the Rise of Maya Civilization. A preliminary perspective from northern Peten. *Ancient Mesoamerica*. 2002;(13):273–295.
52. Leigh DS, Kowalewski SA, Holdridge G. 3,400 years of agricultural engineering in Mesoamerica: Lamabordos of the Mixteca Alta, Oaxaca, Mexico. *Journal of Archaeological Science*. 2013;(40):4107–4111. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2013.05.009>.
53. Perez Rodriguez V., Anderson KC. Terracing in the Mixteca Alta, Mexico: Cycles of Resilience of an Ancient Land-Use Strategy. *Human Ecology*. 2013;(41):335–349. <https://doi.org/10.1007/s10745-013-9578-8>.
54. Aoyama K. Ancient Maya Economy: Lithic Production and Exchange Around Ceibal, Guatemala. *Ancient Mesoamerica*. 2017;(28):279–303.
55. Moholy-Nagy H., Meierhoff J., Goltko M., Kestle C. An Analysis of pXRF Obsidian Source Attributions from Tikal, Guatemala. *Latin American Antiquity*. 2013;(24):72–97.
56. Haines HR, Glascock MD. *Intra-Site Obsidian Distribution and Consumption Patterns in North-Western Belize and the North-Eastern Petén*. Oxford: BAR Publishing, 2012.

57. Brown D., Dreiss M., Hughes R. Preclassic Obsidian Procurement and Utilization at the Maya Site of Colha, Belize. *Latin American Antiquity*. 2004;(15):222–240.
58. Santone L. Transport Costs, Consumer Demand and Patterns of Intraregional Exchange: A Perspective on Commodity Production and Distribution from Northern Belize. *Latin America Antiquity*. 1997;(8):71–88.
59. Kwoka J. Finding Value in the Mundane: Chert Features and Communities of Practice at San Bartolo, Guatemala. In: Mathews JP, Guderjian TH, editors. *The Value of Things: Prehistoric to Contemporary Commodities in the Maya Region*. Tucson: University of Arizona Press; 2017, pp. 49–66.
60. Davletshin A., Velásquez García E. Las lenguas de los olmecas y su sistema de escritura. In Uriarte MT, editor. *Olmecas*. México: Universidad Nacional Autónoma de México, Jaca Book, 2018, pp. 219–243.
61. Stuart D., Hurst H., Beltrán B., Saturno W. An early Maya calendar record from San Bartolo, Guatemala. *Science Advances*. 2022;(8). <https://doi.org/10.1126/sciadv.abl9290>.
62. Taube K., Stuart D., Saturno W., Hurst H. The Murals of San Bartolo, El Petén, Guatemala, Part 2: The West Wall. *Ancient America*. 2010;(10):1–107.
63. Safronov A., Beliaev D. La epigrafía de Uaxactun después de un siglo, 1916–2016. In: Arroyo B., Méndez L., Ajú G., editors. *XXX Simposio de investigaciones arqueológicas en Guatemala, 2016*. T.1. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología; 2017, pp. 516–528.
64. Kováč M., Beliaev D., Tokovinine A., Rega MF, Díaz M., Méndez D. Relevancia de las canchas de juego de pelota alrededor de Uaxactun. Una interpretación sociopolítica y epigráfica. In: Arroyo B., Méndez L., Ajú G., editors. *XXXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2018*. T. 2. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología; 2019, pp. 693–704.
65. Martin S. Ideology and the Early Maya Polity. In: Traxler LP, Sharer RJ, editors. *The Origins of Maya States*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum; 2016, pp. 507–544.
66. Guenter S. The Epigraphy of El Perú-Waka'. In: Navarro-Farr O., Rich M., editors. *Archaeology at El Perú-Waka': Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power*. Tucson: University of Arizona Press; 2014, pp. 147–166.
67. Reese-Taylor K., Walker DS. The Passage of the Late Preclassic into the Early Classic. In Masson M., Freidel D., editors. *Ancient Maya Political Economies*. Walnut Creek: Altamira Press; 2002, pp. 87–122.
68. Freidel D. Maya and the Idea of Empire. In: Brown MK, Bey III GJ, editors. *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands*. Gainesville: University Press of Florida; 2018, pp. 363–386.
69. Tokovinine A., Balanzario S., Beliaev D., Alexander C., Moot D. *Kaanu'l Lords in Quintana Roo: New Data from Dzibanche and El Resbalon Monuments*. Paper presented at the 2024 SAA 89th Annual Meeting, New Orleans; 2024.
70. Grube N. El Origen de la Dinastía Kaan. In Nalda E., editor. *Los Cautivos de Dzibanché*. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 2004, p. 114–131.
71. Guenter S. *Kingdom in the Shadows: The Snake Kingdom in the Early Classic (3rd-4th Centuries AD)*. Paper presented at 2009 Maya Meeting and Symposium. Austin; 2009.
72. Martin S., Velásquez E. Politics and Places: Tracing the Toponyms of the Snake Dynasty. *The PARI Journal*. 2016;(17):23–33.
73. Nondédéo P., Lemonnier E., Higuier J., Purdue L., Castanet C., Dussol L., Testé M. Shaping an Agrarian Maya Town: Settlement Pattern and Land- Use Dynamics at Naachtun. In Marken D., Arnauld M.-Ch., editors. *Building an archaeology of Maya urbanism: planning and flexibility in the American tropics*. Louisville: University Press of Colorado, 2023; pp. 398–433.
74. Dahlin BH. A colossus in Guatemala: the Preclassic Maya city of El Mirador. *Archaeology*. 1984;(37):18–25.

75. Acuña MJ, Chiriboga C. Water and the Preclassic Maya at El Tintal, Petén, Guatemala. *Open Rivers: Rethinking Water, Place & Community*. 2019;(14):147–166.
76. Stuart D. The Beginnings of the Copan Dynasty: A Review of the Hieroglyphic and Historical Evidence. In: Bell E., Canuto M., Sharer RJ, editors. *Understanding Early Classic Copan*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, pp. 215–247.
77. Martin S. *Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE*. Cambridge — New York: Cambridge University Press; 2020.
78. Belyaev D., Vepretskii S. Los monumentos de Itsimte (Petén, Guatemala): Nuevos datos e interpretaciones. *Arqueología Iberoamericana*. 2018;(38):3–13.
79. Wahl D., Byrne R., Schreiner T., Hansen R. Palaeolimnological evidence of late-Holocene settlement and abandonment in the Mirador Basin, Peten, Guatemala. *The Holocene*. 2007;(17):813–820.
80. Marcus J. The peaks and valleys of ancient states: an extension of dynamic model. In: Feinman G, Marcus J (ed.) *The Archaic State*. Albuquerque: School of American Research Press, 1998, p. 59–94.
81. Clark J. Western Kingdoms of the Middle Preclassic. In: Traxler LP, Sharer RJ (ed.) *The Origins of Maya States*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum; 2016, pp. 123–224.
82. Rosenswig RM, López-Torrijos R. Lidar reveals the entire kingdom of Izapa during the first millennium BC. *Antiquity*. 2018;(365):1292–1309.
83. Carneiro R. Protsess ili stadii: lozhnaja dihotomija v issledovanii istorii vozniknoveniá gosudarstva [Process or stages: False Dichotomy in the study of the history of the state origins]. In: Kradin NN, Korotayev AV, Bondarenko DM, Lynsha VA, editors. *Alternativnye puti k tsivilizacii*. M.: Logos; 2000, pp. 84–94. (In Russ.).
84. Flannery KV. The ground plans of archaic states. In: Feinman G., Marcus J., editors. *The Archaic State*. Albuquerque: School of American Research Press; 1998, pp. 15–57.

Библиографический список

1. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина. Волгоград: Учитель, 2006.
2. The Creation of Inequality. How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery and Empire / ed. by K. Flannery, J. Marcus. Cambridge—London: Harvard University Press, 2012.
3. Крадин Н.Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2021.
4. Беляев Д.Д. Карл Витфогель и формирование концепции гидравлического государства в Мезоамерике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 144–155. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-144-155>.
5. Sanders W.T. Cultural ecology of the nuclear Mesoamerica // *American Anthropologist*. 1962. Vol. 64. P. 34–44.
6. Sanders W.T., Price B. Mesoamerica: The Evolution of a Civilization. New York: Random House, 1968.
7. Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане». Диего де Ланда как историко-этнографический источник // Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 3–96.
8. Гуляев В.И. Некоторые вопросы становления классового общества у древних майя // Советская этнография. 1969. № 4. С. 86–98.
9. Гуляев В.И. Проблема становления царской власти у древнейших майя // Становление классов и государства / отв. ред. А.И. Першиц. М., 1976. С. 191–248.
10. Гуляев В.И. Города-государства майя: (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М.: Наука, 1979.

11. *Estrada-Belli F.* The First Maya Civilization: Ritual and Power before the Classic Period. New York: Routledge, 2011.
12. *Doyle J.* Architecture and the Origins of Preclassic Maya Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
13. Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands / ed. by M.K. Brown, G.J. Bey III. Gainesville: University Press of Florida, 2018.
14. Pre-Mamom Pottery Variation and the Preclassic Origins of the Lowland Maya / ed. by D.S. Walker. Denver: University Press of Colorado, 2023.
15. *Stemp W.J., Awe J., Marcus J., Helmke C., Sullivan L.* The Preceramic and Early Ceramic Periods in Belize and the Central Maya Lowlands // *Ancient Mesoamerica*. 2021. Vol. 32. No. 2. P. 416–438.
16. *Inomata T., MacLellan J., Triadan D., Munson J., Burham M., Aoyama K., Nasu H., Pinzón F., Yonenobu H.* Development of Sedentary Communities in the Maya Lowlands: Coexisting Mobile Groups and Public Ceremonies at Ceibal, Guatemala // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. Vol. 112. P. 4268–4273.
17. *Hammond N.* The Genesis of Hierarchy: Mortuary and Offeritory Ritual in the Pre-Classic at Cuello, Belize // *Social Patterns in Preclassic Mesoamerica* / ed. by D. Grove, R. Joyce. Washington: Dumbarton Oaks, 1999. P. 49–66.
18. *Nelson F.W., Clarke J.E.* Obsidian production and exchange in Eastern Mesoamerica // *Rutas de intercambio en Mesoamérica*. III Coloquio Pedro Bosch Gimpera. México, 1998. P. 277–333.
19. *Inomata T., Pinzón F., Palomo J., Sharpe A., Ortiz R., Belén M., Román O.* Public ritual and interregional interactions: Excavations of the central plaza of group A, Ceibal // *Ancient Mesoamerica*. 2017. Vol. 28. No.1. P. 203–232.
20. *Nievens N.* K'awil and Early Eb: The Pre- Mamom Ceramics from Holmul and Tikal, Guatemala // *Pre-Mamom Pottery Variation and the Preclassic Origins of the Lowland Maya* / ed. by D.S. Walker. Denver: University Press of Colorado, 2023. P. 239–270.
21. *Hansen R., Forsyth D., Woods J., Schreiner T., Titmus G.* Developmental Dynamics, Energetics, and Complex Economic Interactions of the Early Maya of the Mirador-Calakmul Basin, Guatemala, and Campeche, Mexico // *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands* / ed. by M.K. Brown, G.J. Bey III. Gainesville: University Press of Florida, 2018. P. 147–194.
22. *Hansen R., Morales-Aguilar C., Thompson J., Ensley R., Hernández E., Schreiner T., Suyuc Ley E., Martínez G.* LiDAR analyses in the contiguous Mirador-Calakmul Karst Basin, Guatemala: an introduction to new perspectives on regional early Maya socioeconomic and political organization // *Ancient Mesoamerica*. 2023. Vol. 34. No. 3. P. 587–626. <https://doi.org/10.1017/S0956536122000244>.
23. *Pugh T.W.* Social Complexity and the Middle Preclassic Lowland Maya // *Journal of Archaeological Research*. 2022. Vol. 30. P. 545–595. <https://doi.org/10.1007/s10814-021-09168-y>.
24. *Fialko V.* El proceso de desarrollo político del estado maya de Yaxhá: un caso de competencia de élites y readecuación dentro de un marco de circunscripción territorial // *Millenary Maya Societies: Past Crises and Resilience* / ed. by M.-Ch. Arnauld, A. Breton. Mesoweb, 2013. P. 265–283. Available from: www.mesoweb.com/publications/MMS/17_Fialko.pdf [Accessed January 12th, 2014].
25. *Brown M.K., Awe J., Garber J.* The Role of Ideology, Religion, and Ritual in the Foundation of Social Complexity in the Belize River Valley // *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands* / ed. by M.K. Brown, G.J. Bey III. Gainesville: University Press of Florida, 2018. P. 87–116.
26. *Anderson D.S., Robles Castellanos F., Andrews A.P.* The Preclassic Settlement of Northwest Yucatan // *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands* / ed. by M.K. Brown, G.J. Bey III. Gainesville: University Press of Florida, 2018. P. 195–222.

27. *Reese-Taylor K.* Becoming Maya in Early Middle Preclassic Mesoamerica // Pre-Mamom Pottery Variation and the Preclassic Origins of the Lowland Maya / ed. by D.S. Walker. Denver: University Press of Colorado, 2023. P. 513–542.
28. *Braswell G.* The Rise and Fall of Market Exchange: A Dynamic Approach to Ancient Maya Economy // Archaeological Approaches to Market Exchange in Ancient Societies / ed. by C.P. Garraty, B.L. Stark. Boulder: University Press of Colorado, 2010. P. 127–140.
29. *Canuto M., Estrada-Belli F., Garrison T., Houston S., Acuña M.J., Kováč M., Marken D., Nondédéo P., Auld-Thomas L., Castanet C., Chatelain D., Chiriboga C., Drápela T., Lieskovský T., Tokovinine A., Velasquez A., Fernández-Díaz J., Shrestha R.* Ancient lowland Maya complexity as revealed by airborne laser scanning of northern Guatemala // *Science*. 2018. Vol. 361. <https://www.science.org/doi/10.1126/science.aau0137>.
30. *Saturno W., Rossi F., Beltrán B.* Changing Stages: Royal Legitimacy and the Architectural Development of the Pinturas Complex at San Bartolo, Guatemala // *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands* / ed. by M.K. Brown, G.J. Bey III. Gainesville: University Press of Florida, 2018. P. 315–335.
31. *Hansen R.* Cultural and Environmental Components of the First Maya States: A Perspective from the Central and Southern Maya Lowlands // *The Origins of Maya States* / ed. by L.P. Traxler and R.J. Sharer. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 2016. P. 329–416.
32. *Garrison T., Dunning N.* Settlement, Environment, and Politics in the San Bartolo-Xultun Territory, El Peten, Guatemala // *Latin American Antiquity*. 2009. Vol. 20. No. 4. P. 525–552.
33. *Tikal y Uaxactún en el Preclásico* / ed. por J.P. Laporte, J.A. Valdés. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1993.
34. *Kováč M.* Crecimiento, colapso y retorno ritual en la ciudad antigua de Uaxactun (150 a.C.-300 d.C.) // *Millenary Maya Societies: Past Crises and Resilience* / ed. by M.-Ch. Arnaud, A. Breton. Mesoweb, 2013. P. 106–121. Available from: www.mesoweb.com/publications/MMS/8_Kovac.pdf [Accessed February, 20th, 2024].
35. *Webster D.* The Population of Tikal: Implications for Maya Demography. Oxford: Archaeopress, 2018.
36. *Coe W.R.* Tikal, Guatemala, and emergent Maya civilization // *Science*. 1965. Vol. 147. № 3664. P.1401–1419.
37. *Birkett B.A., Obrist-Farner J., Rice P.M., Parker W.G., Douglas P.M.J., Berke M.A., Taylor A.K., Curtis J.H., Keenan B.* Preclassic environmental degradation of Lake Petén Itzá, Guatemala, by the early Maya of Nixtun-Ch'ich' // *Nature Communications: Earth & Environment*. 2023. Vol. 4. No. 59. <https://doi.org/10.1038/s43247-023-00726-4>.
38. *Hermes B.* Maya Prehispanic Occupation in Yaxha, Northeast Peten, Guatemala: A Synthesis. Mesoweb, 2020. Available from: www.mesoweb.com/CATNYN/Yaxha.pdf.
39. *Burham M., Inomata T., Triadan D., MacLellan J.* Ritual Practice, Urbanization, and Sociopolitical Organization at Preclassic Ceibal, Guatemala // *Approaches to Monumental Landscapes of the Ancient Maya* / ed. by B.A. Houk, B. Arroyo, T.G. Powis. Gainesville: University Press of Florida, FL, 2020. P. 61–84.
40. *Tourtellot III G.* Excavations at Seibal, Department of Peten, Guatemala: Peripheral Survey and Excavation, Settlement and Community Patterns. Cambridge: Harvard University Press, 1988.
41. *Inomata T., Triadan D., MacLellan J., Burham M., Aoyama K., Palomo J., Yonenobu H., Pinzón F., Nasu H.* High-precision radiocarbon dating of political collapse and dynastic origins at the Maya site of Ceibal, Guatemala // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. Vol. 11. No. 6. P. 1293–1298. <https://doi.org/10.1073/pnas.1618022114>.
42. *Balkansky A.K., Kowalewski S.A., Pérez Rodríguez V., Pluckhuhn T.J., Smith C.A., Stiver L.R., Belyaev D., Chamblee J.F., Heredia Espinoza V.Y., Santos Pérez R.* Archaeological Survey in the Mixteca Alta of Oaxaca, Mexico // *Journal of Field Archaeology*. 2000. Vol. 27. P. 365–389. <https://doi.org/10.1179/jfa.2000.27.4.365>.

43. *Canuto M., Estrada-Belli F.* Patterns of Early Urbanism in the Southern Maya Lowlands // *Early Mesoamerican Cities: Urbanism and Urbanization in the Formative Period* / ed. by M. Love, J. Guernsey. Cambridge — New York: Cambridge University Press; 2022. P. 73–98.
44. *Fialko V.* La periferia este de Tikal en el periodo Preclásico dentro del contexto de la cuenca del río Holmul // *XXI Simposio de Arqueología en Guatemala, 2007* / ed. por J.P. Laporte, B. Arroyo, H. Mejía. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 2008. P. 239–247.
45. *Runggaldier A.* Memory and Materiality in Monumental Architecture: Construction and Reuse of a Late Preclassic Maya Palace at San Bartolo, Guatemala [Dissertation]. Boston, 2009.
46. *Sharpe A., Saturno W., Emery K.* Shifting Patterns of Maya Social Complexity through Time: Preliminary Zooarchaeological Results from San Bartolo, Guatemala // *Animals and Inequality in the Ancient World* / ed. by B.S. Arbuckle, McCarty S.A. Boulder: University Press of Colorado, 2014. P. 85–105.
47. *Haviland W.A.* The rise and fall of sexual inequality: Death and gender at Tikal, Guatemala // *Ancient Mesoamerica*. 1997. Vol. 8. No. 1. P. 1–12.
48. *McAnany P.A., Storey R., Lockard A.K.* Mortuary ritual and family politics at Formative and Early Classic K'axob, Belize // *Ancient Mesoamerica*. 1999. Vol. 10. No. 1. P. 129–146.
49. *Acuña M.J., Matute V.* Introducción a la arqueología de El Tintal, Petén, Guatemala // *Estudios de Cultura Maya*. 2023. Vol. 62. P. 11–44. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm/62/000XS00146W01>.
50. *Kováč, M., Dlapa P., Drapela T., Lieskovsky T., Heise L.* Mas allá de las fronteras de la ciudad. Variedad de sistemas agrícolas prehispánicos alrededor de Uaxactun // *XXXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala. T. 2* / ed. by B. Aroyo, L. Méndez, G. Ajú. Guatemala: Ministerio de Cultura y Deportes, Instituto de Antropología e Historia, Asociación Tikal, 2019. P. 655–664.
51. *Hansen R., Bozarth S., Jacob J., Wahl D., Schreiner T.* Climatic and Environmental Variability in the Rise of Maya Civilization. A preliminary perspective from northern Peten // *Ancient Mesoamerica*. 2002. Vol. 13. P. 273–295.
52. *Leigh D.S., Kowalewski S.A., Holdridge G.* 3,400 years of agricultural engineering in Mesoamerica: Lamabordos of the Mixteca Alta, Oaxaca, Mexico // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40. No. 11. P. 4107–4111. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jas.2013.05.009>.
53. *Perez Rodriguez V., Anderson K.C.* Terracing in the Mixteca Alta, Mexico: Cycles of Resilience of an Ancient Land-Use Strategy // *Human Ecology*. 2013. Vol. 41. No. 3. P. 335–349. <https://doi.org/10.1007/s10745-013-9578-8>.
54. *Aoyama K.* Ancient Maya Economy: Lithic Production and Exchange Around Ceibal, Guatemala // *Ancient Mesoamerica*. 2017. Vol. 28. No. 1. P. 279–303.
55. *Moholy-Nagy H., Meierhoff J., Golitko M., Kestle C.* An Analysis of pXRF Obsidian Source Attributions from Tikal, Guatemala // *Latin American Antiquity*. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 72–97.
56. *Haines H.R., Glascock M.D.* Intra-Site Obsidian Distribution and Consumption Patterns in North-Western Belize and the North-Eastern Petén. Oxford: BAR Publishing, 2012.
57. *Brown D., Dreiss M., Hughes R.* Preclassic Obsidian Procurement and Utilization at the Maya Site of Colha, Belize // *Latin American Antiquity*. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 222–240.
58. *Santone L.* Transport Costs, Consumer Demand and Patterns of Intraregional Exchange: A Perspective on Commodity Production and Distribution from Northern Belize // *Latin America Antiquity*. 1997. Vol. 8. P. 71–88.
59. *Kwoka J.* Finding Value in the Mundane: Chert Features and Communities of Practice at San Bartolo, Guatemala // *The Value of Things: Prehistoric to Contemporary Commodities in the Maya Region* / ed. by J.P. Mathwes, T.H. Guderjian. Tucson: University of Arizona Press, 2017. P. 49–66.

60. *Davletshin A., Velásquez García E.* Las lenguas de los olmecas y su sistema de escritura // *Olmecas* / ed. por. M.T. Uriarte. México: Universidad Nacional Autónoma de México, Jaca Book, 2018. P. 219–243.
61. *Stuart D., Hurst H., Beltrán B., Saturno W.* An early Maya calendar record from San Bartolo, Guatemala // *Science Advances*. 2022. Vol. 8. <https://doi.org/10.1126/sciadv.abl9290>.
62. *Taube K., Stuart D., Saturno W., Hurst H.* The Murals of San Bartolo, El Petén, Guatemala, Part 2: The West Wall // *Ancient America*. 2010. No. 10. P. 1–107.
63. *Safronov A., Beliaev D.* La epigrafía de Uaxactun después de un siglo, 1916–2016 // XXX Simposio de investigaciones arqueológicas en Guatemala, 2016 / ed. by B. Aroyo, L. Méndez, G. Ajú. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 2017. T. 1. P. 516–528.
64. *Kováč M., Beliaev D., Tokovinine A., Rega M.F., Díaz M., Mendez D.* Relevancia de las canchas de juego de pelota alrededor de Uaxactun. Una interpretación sociopolítica y epigráfica // XXXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala. T. 2 / ed. by B. Aroyo, L. Méndez, G. Ajú. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 2019. P. 693–704.
65. *Martin S.* Ideology and the Early Maya Polity // *The Origins of Maya States* / ed. by L.P. Traxler and R.J. Sharer. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 2016. P. 507–544.
66. *Guenter S.* The Epigraphy of El Perú-Waka' // *Archaeology at El Perú-Waka': Ancient Maya Performances of Ritual, Memory, and Power* / ed. by O. Navarro-Farr, M. Rich. Tucson: University of Arizona Press, 2014. P. 147–166.
67. *Reese-Taylor K., Walker D.S.* The Passage of the Late Preclassic into the Early Classic // *Ancient Maya Political Economies* / ed. by M. Masson, D. Freidel. Walnut Creek: Altamira Press, 2002. P. 87–122.
68. *Freidel D.* Maya and the Idea of Empire // *Pathways to Complexity: A View from the Maya Lowlands* / ed. by M.K. Brown, G.J. Bey III. Gainesville: University Press of Florida, 2018. P. 363–386.
69. *Tokovinine A., Balanzario S., Beliaev D., Alexander C., Moot D.* Kaanu'l Lords in Quintana Roo: New Data from Dzibanche and El Resbalon Monuments. Paper presented at the 2024 SAA 89th Annual Meeting, New Orleans, 2024.
70. *Grube N.* El Origen de la Dinastía Kaan // *Los Cautivos de Dzibanché* / ed. por E. Nalda, México: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 2004. P. 114–131.
71. *Guenter S.* Kingdom in the Shadows: The Snake Kingdom in the Early Classic (3rd-4th Centuries AD): Paper presented at 2009 Maya Meeting and Symposium. Austin, 2009.
72. *Martin S., Velásquez E.* Politics and Places: Tracing the Toponyms of the Snake Dynasty // *The PARI Journal*. 2016. Vol. 17. No. 2. P. 23–33.
73. *Nondédéo P., Lemonnier E., Higuier J., Purdue L., Castanet C., Dussol L., Testé M.* Shaping an Agrarian Maya Town: Settlement Pattern and Land- Use Dynamics at Naachtun // *Building an archaeology of Maya urbanism: planning and flexibility in the American tropics* / ed. by D. Marken, M.-Ch. Arnaud. Louisville: University Press of Colorado, 2023. P. 398–433.
74. *Dahlin B.H.* A colossus in Guatemala: the Preclassic Maya city of El Mirador // *Archaeology*. 1984. Vol. 37. P. 18–25.
75. *Acuña M.J., Chiriboga C.* Water and the Preclassic Maya at El Tintal, Petén, Guatemala // *Open Rivers: Rethinking Water, Place & Community*. 2019. Vol. 14. P. 147–166.
76. *Stuart D.* The Beginnings of the Copan Dynasty: A Review of the Hieroglyphic and Historical Evidence // *Understanding Early Classic Copan* / ed. by E. Bell, M. Canuto, R.J. Sharer. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. P. 215–247.
77. *Martin S.* Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE. Cambridge — New York: Cambridge University Press, 2020.
78. *Beliaev D., Vepretskii S.* Los monumentos de Itsimte (Petén, Guatemala): Nuevos datos e interpretaciones // *Arqueología Iberoamericana*. 2018. Vol. 38. P. 3–13.

79. *Wahl D., Byrne R., Schreiner T., Hansen R.* Palaeolimnological evidence of late-Holocene settlement and abandonment in the Mirador Basin, Peten, Guatemala // *The Holocene*. 2007. Vol. 17. No. 6. P. 813–820.
80. *Marcus J.* The peaks and valleys of ancient states: an extension of dynamic model // *The Archaic State* / ed. by G. Feinman, J. Marcus. Albuquerque: School of American Research Press, 1998. P. 59–94.
81. *Clark J.* Western Kingdoms of the Middle Preclassic // *The Origins of Maya States* / ed. by L.P. Traxler and R.J. Sharer. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum, 2016. P. 123–224.
82. *Rosenswig R.M., López-Torrijos R.* Lidar reveals the entire kingdom of Izapa during the first millennium BC // *Antiquity*. 2018. Vol. 92. No. 365. P. 1292–1309.
83. *Карнейро Р.* Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // *Альтернативные пути к цивилизации* / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Кортаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 84–94.
84. *Flannery K.V.* The ground plans of archaic states // *The Archaic State* / ed. by G. Feinman, J. Marcus. Albuquerque: School of American Research Press, 1998. P. 15–57.

Information about the author:

Dmitri D. Beliaev — PhD (history), assistant professor, Knorozov center for Mesoamerican studies, faculty of history, Russian State University for the Humanities, *Miuskaya square, building 6, block 3, Moscow, 125047, Russian Federation*, e-mail: lakamha@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-code: 4705-6569

Информация об авторе:

Беляев Дмитрий Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент Мезоамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова исторического факультета РГГУ, *125047, Российская Федерация, Москва, Мiusская площадь, д. 6, корп. 3*, e-mail: lakamha@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6609-2302. SPIN-код: 4705-6569

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-415-430

EDN: GNXOSS

Research article / Научная статья

Uaxactun Emblem Glyph: the evolution of the Classic Maya royal title

Alexander V. Safronov

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

✉ alexsafronov@bk.ru

Abstract. The research of Uaxactun monuments (Peten, Guatemala) in 2000s made it possible to reconstruct the dynastic history of this Classic Maya political center (300–900). The study of inscriptions is complicated by the poor preservation of stone monuments, therefore, digital methods currently help in the analysis of monuments (photogrammetry, 3D modeling). This allowed us to determine also the royal title of the local dynasty and the main stages of its evolution. The analysis of the inscriptions identified about 20 examples of Uaxactun Emblem Glyph (a marker of the independent Maya polity) and related toponyms. It can be concluded that in the Early Classic after 300 AD Uaxactun lords used the traditional Emblem Glyph “king of K’anwitz”, which toponym K’anwitz (“Flat hill”) possibly was associated with the Group A of the site — the early ceremonial center located on a top of the high hill. Then, after 378, the usual Emblem Glyph disappears from inscriptions, what was caused by the Uaxactun subordination to the Teotihuacan power. Then until the early 6th cent. the dynasty began to be associated with another toponym K’an...kok (complete reading is unclear), which meant the neighboring architectural complex — Group B. After the Uaxactun hiatus period in the 6th–7th cent. the dynasty was revived again around 700 and its kings used the new title “king of K’an...kok”, adding the royal title *’ajaw* to the Early Classic toponym. Finally at the last stage of the city’s history after 800, during the collapse of the Classic Maya political system, the kings of Uaxactun added the title *k’uhul* (“sacred”) to their Emblem Glyph, equating themselves with the most authoritative dynasties of the Classic epoch.

Keywords: Maya, Uaxactun, hieroglyphic writing, monuments, epigraphy, royal title, toponym

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 8.02.2024. Accepted: 25.03.2024.

For citation: Safronov AV. Uaxactun Emblem Glyph: the evolution of the Classic Maya royal title. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):415–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-415-430>

© Safronov A.V., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

«Эмблемный иероглиф» Вашактуна: эволюция царского титула классического периода

А.В. Сафронов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

✉ alexsafronov@bk.ru

Аннотация. Исследования корпуса монументов Вашактуна (Петен, Гватемала) в начале XXI в. позволили достаточно подробно реконструировать династическую историю этого политического центра древних майя классического периода (III–IX вв.). Изучение надписей осложняется плохой сохранностью царских монументов, для чего в настоящее время применяются цифровые методы фиксации памятников (фотограмметрия, 3D-моделирование). Благодаря этому удалось определить основную титулатуру местной династии и этапы ее изменения. На основании почти двух десятков примеров записи т.н. «эмблемного иероглифа» (маркера самостоятельного царства майя) и связанных с ним топонимов можно заключить, что в Ранний классический период после 300 г. цари Вашактуна использовали традиционный «эмблемный иероглиф» «царь К'анвица», в котором топоним К'анвиц («Плоский холм») был связан с Группой А — церемониальным центром города, расположенным на вершине высокого холма. Затем после 378 г. «эмблемный иероглиф» исчезает из надписей, что было связано с подчинением города власти Теотиуакана, а к началу VI в. династия стала ассоциироваться с другим топонимом К'ан...кок, под которым подразумевался соседний архитектурный комплекс — Группа В. После периода упадка царства VI–VII вв. династия снова возрождается около 700 г., а ее цари используют новый титул «царь К'ан...кока», добавив к раннеклассическому топониму царский титул 'ajaw. А на последнем этапе существования города в IX в. в период распада политической системы майя цари Вашактуна наконец добавляют к своей «эмблемному иероглифу» титул k'uhul («священный»), приравняв себя к наиболее почитаемым династиям классической эпохи.

Ключевые слова: майя, Вашактун, иероглифическая письменность, монументы, эпиграфика, царская титулатура, топоним

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 8.02.2024. Принята к публикации: 25.03.2024.

Для цитирования: Safronov A. V. Uaxactun Emblem Glyph: the evolution of the Classic Maya royal title. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 415–430. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-415-430>

Introduction

The archaeological site of Uaxactun, located in the northern part of the department of Peten (Guatemala) on the territory of the Maya Nature Reserve, was one of the important ancient Maya political centers in the 1st mil. AD, formed a large segmentary state polity [1. P. 125–126]. Thanks to a series of archaeological projects realized during the last century: by Carnegie Institute in the 1920s–30s, the Institute of Archaeology, Ethnology of the History of Guatemala (IDAEH) in the 1980s and the Comenius University (Bratislava, Slovakia) from 2009 to the

present, it became possible to identify the main stages of the city's development, to research the central architectural groups and collect a corpus of epigraphic monuments of the Classic period (300–900) [2. P. 15–23; 3. P. 2–15]. The research of Russian epigraphers Dmitri Belyaev and Alexander Safronov in the Project by redocumentation of the corpus of Uaxactun monuments, conducted over the last 10 years (since 2014), made it possible to reconstruct the dynastic list order, recover the most important events in the history of Uaxactun and determine its role in the system of political relations in the Central Maya Lowlands region [4]. Nevertheless, a number of aspects of the city's history still remain unexplored despite regular new finds of the archaeological project, and one of such unresolved problems is the definition of the form and meaning of Uaxactun royal title.

The site of Uaxactun was discovered in May 1916 by members of the 2nd Central American expedition, organized by Carnegie Institution. The head of the expedition the American archaeologist Sylvanus Morley identified Stela 9 among the monuments found at the site, where he calculated the earliest date by Long Count of those known at that time — 8.14.10.13.16, corresponding to April 11, 328, while he also “antiquated” the monument and it was dated to the 50 AD [5. P. 134, 150–160]. Thanks to this find, the site got its name — Uaxactun, which was combined of two Mayan words: *uaxac* — “eight” (according to the 8th Baktun (400-year cycle)) and *tun* — “stone” (stela). It means the modern name of the archaeological site has no connections to its ancient toponymy. Morley also made an assumption about the exceptional importance of Uaxactun for the early Maya history, by his point of view it was the earliest and main political and ceremonial center of the Classic Maya society. That idea provided the basis for the formulation of the Morley's “theocratic” concept, that suggested the Maya had a political unity, kind of confederation of ceremonial centers in the 1st mil. AD, called the “Ancient kingdom”, and Uaxactun was the principal center of that unity [5. P. 247–250; 6. P. 160].

Further archaeological research in the Maya area has shown the fallacy of this point of view. In particular, the excavations in Uaxactun, realized in 1980s and 2000s made it possible to determine that the earliest stage of the formation of a local political center should be dated to the 4th–3rd cent. BC and it accompanied by the construction of the first monumental complexes [3. P. 6–7]. The retrospective epigraphic sources attribute the origin of the dynasty to the founder by the name Wak Kab Ajaw at the same time [4. P. 519]. However, the first monuments with inscriptions dedicated to the lords of Uaxactun are recorded in the Proto-Classic epoch (100–250 AD), which indicates the active politogenesis and the formation of the early state polity [1. P. 121–125]. Numerous and well-dated royal inscriptions appear only after 300 AD when the Uaxactun dynasty was revived after the crisis of the late 2nd–3rd cent. AD. The inscriptions of that period began to include the specific royal title — the s.c. Emblem Glyph and related toponyms, which are the most important indicator of the independent Maya polity of the early state type in the Classic period.

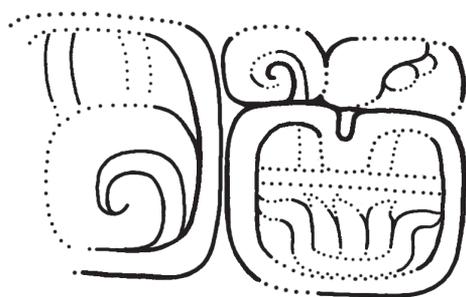
The problem of Uaxactun Emblem Glyph identification

Initially the Emblem Glyph was highlighted in Maya hieroglyphic inscriptions in 1958 by the Mexican researcher Heinrich Berlin, who drew attention to the use of a special hieroglyphic blocks at the end of a royal nominal phrases, identical in they form, but having a unique Main sign for different cities. Berlin has identified eight Emblem Glyphs associated with the largest archaeological sites of the Maya region: Tikal, Naranjo, Yaxchilan, Piedras Negras, Palenque, Copan, Quirigua and Seibal [7. P. 112–119]. However, he could not determine the exact meaning of the Emblem Glyph, a number of hypotheses suggested it could be a special royal title, toponym, name of the patron deity of the city etc. For the first time this hieroglyphic block was read by David Stuart in 1985 on the example of the Yaxha royal title, who determined the title consisted of three elements: the *k'uhul* prefix — “sacred”, the *'ajaw* title — “king” (hereafter transcription and translation from the language of Classic Maya hieroglyphic inscriptions (HM)) and the Main sign inscribed in the **'AJAW** logogram, which is a toponym — the place name of the political center of the kingdom [8; 9. P. 3–7]. Currently, more than one hundred unique Emblem Glyphs have been identified in the Maya area [10. P. 69–75, 395–398].

The Emblem Glyph of Uaxactun was identified in the 1980s by Peter Mathews in the inscription on Uaxactun Stela 2, dating to 751, who recognized a similar block in the last position of the text, but unfortunately the context of the inscription was not clear at that time [11. P. 45; 2. P. 23, 84–85]. The royal title was originally read as *Siyajchan 'ajaw* — “king of Siyahchan” (“Giving birth sky”), but later the reading was revised by the British specialist Simon Martin, who suggested new reading of the toponym in the title as **PA'-CHAN**, *Pa'chan* — “Split sky” [12]. In 2008, Stephen Houston, based on the analysis of inscriptions from El Zotz (the Early Classic Maya political center in 26 km southwest from Uaxactun), determined the title *Pa'chan 'ajaw* was the Emblem Glyph of El Zotz [13. P. 9–10]. In addition, a detailed analysis of the inscription on the right side of Stela 2 from Uaxactun showed that it does not contain an Emblem Glyph, but a toponym in the phrase *tab'aay Pa'cha (n) nal* — “climbed/step up to the place of Pa'chan” (Fig.1), which indicates the royal visit of Uaxactun king to El Zotz in the middle 8th cent. [1. P. 116–117]. Traditionally it expresses the dependent position of the arrival relative to the place of arriving [13. P. 10].

Nevertheless, the analysis of the text on Stela 2 revealed a possible Emblem Glyph of the local dynasty. The text indicates on the date 9.16.0.0.0, 4 Ajaw 13 Kase'w (corresponding to May 9, 751) the Uaxactun king performed the dedicatory ceremony of the monument at the end of Katun (20-years period). Further, after the predicate *'uhtiy k'altuun* (“it's happened the presentation of the stela”) the order of the blocks is violated, because the king's name or title was replaced by Tzolkin day sign — 5 Kaan, corresponding to the next recorded date, which usually opens a new phrase after the royal title. In this case, the title of the king and the Tzolkin date were reversed, possibly as a result of the sculptor's mistake (UAX:St.2, B7–A8). The

form of the royal title is identical to typical Emblem Glyph and includes two similar logograms: **K'AN-na-"K'AN"-AJAW**, *K'an... 'ajaw* — “king of K'an...?” (Fig.2). The presence of this title in the inscriptions of Uaxactun was indicated by Houston, who also noted the second logogram “**K'AN**” is supplemented by the syllabic sign **-ko** in the texts on Stelae 12 and 14, which conveys either phonetic complement or a specific suffix [13, P. 10]. The results of the Project by redocumentation of the corpus of Uaxactun monuments made it possible to identify other examples of using the same title by the local dynasty on the monuments between 4th–9th cent.

Figure 1. Uaxactun, Stela 2, blocks A9–B9
Source: Drawing by A. Safronov.

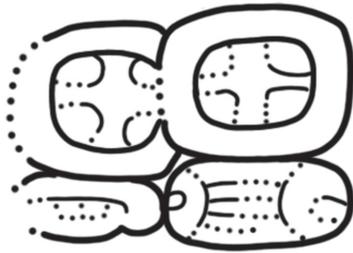

Figure 2. Uaxactun, Stela 2, block A8
Source: Drawing by A. Safronov.

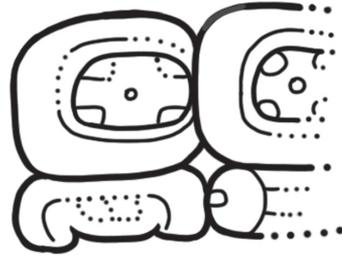
“Double K'an” royal title

The best preserved examples of s.c. “Double K'an” title were identified on few Late Classic monuments of the 700–900. Stela 14, dated 702, found in a strongly damaged and fragmented condition, is dedicated to the restoration of the dynasty in Uaxactun at the end of the 7th cent., in which the Tikal dynasty (Mutul kingdom) played a significant role [14. P. 100]. On the lower fragment of the left side of the stela the protagonist title has been preserved, where the first block reads as: **K'AN-na-"K'AN"-ko**, *K'an...ok* — “Yellow/flat ...?” (UAX:St.14, Cp2) (Fig.3), but the title *'ajaw* is not used. Perhaps in this example there is a toponym — the place of origin of the king, since the names of his mother and father are mentioned further, in which case the final *-ok* could have a function of a locative or toponymic suffix. This version is confirmed by a text on Stela 7, dated 810 [14. P. 98] and dedicated to the king K'ak' Hoplaj Chan Yopaat. The inscription on the right side opens with the date of the king's birth and after the damaged name block a similar toponym: **K'AN-na-"K'AN"-ko** was written without *'ajaw* title. (UAX:St.7, Cp3) (Fig.4). At the same time, on the left side of the monument there is a description of dedicatory ritual to the end of the 20-years cycle, performed by K'ak' Hoplaj Chan Yopaat and in that case his title has an Emblem Glyph of typical form: **K'AN-na-"K'AN"-AJAW-wa**, *K'an...ok 'ajaw* — “king of K'an...ok” (UAX:St.7, Ap13) (Fig.5). It should be noted that in the inscription of Stela 2, discussed above,

the king of middle 8th cent. also used the same structure Emblem Glyph. It means the toponym *K'an...ok* was used in the inscriptions of Uaxactun kings in about 700–800 both independently for designating the place of origin of the protagonist and as part of the Emblem Glyph.

Figure 3. Uaxactun, Stela 14, block Cp2
Source: Drawing by A. Safronov.

Figure 4. Uaxactun, Stela 7, block Cp3
Source: Drawing by A. Safronov.

The meaning of this toponym is not completely clear. A thorough analysis of the examples shows that two seemingly identical **K'AN** logograms differ in details and represent two different signs. The reading of the first logogram as *K'an* is undoubtedly in the presence of **K'AN-na** substitution, but the second logogram phonetic value is quite problematic. Late Classic Tepeu 3 type tripod vessel from burial A43, discovered by the archaeological project of the Carnegie Institute [15. P. 95] represents the Primary Standard Sequence inscription with the title of the owner, which has a reading as: **K'AN-na...-ko-ko 'a-'AJAW-wa**, *K'an...kok 'ajaw* — “king of Kan...kok” (UAX: Ves.A-43-5, L–M) (Fig.6). Unfortunately, any photos of the vessel have not been published and the quality of the drawing of the inscription does not give the possibility to determine the third sign of the hieroglyphic block. Nevertheless, it allows us to conclude the second part of the toponym (s.c. “**K'AN**”) should have the reading ...**KOK** (with CVCVC form for logogram), in this case, the combination “**K'AN**”-**ko** presents the syllabic **-ko** as phonetic substitution not a suffix, since it is not always used. The meaning of the logogram ...**KOK** is unclear but most likely could be some rare locative (nature object), the quality of which is betrayed by the adjective *k'an* — “yellow/flat”.

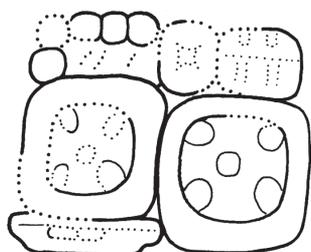

Figure 5. Uaxactun, Stela 7, block Ap13
Source: Drawing by A. Safronov.

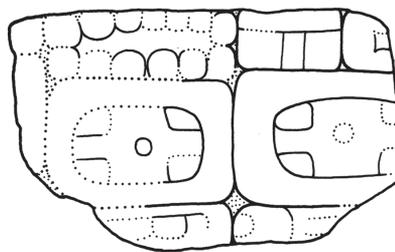

Figure 6. Uaxactun, ceramic vessel A-43-5, blocks L–M
Source: Drawing by R. Smith [15. Fig 80h].

Further, the Terminal Classic (830–900) inscriptions on Uaxactun monuments show some examples of *k'uhul* (“sacred”) prefix, added to the Emblem Glyph of Uaxactun kings. The title of king Jasaw Chan Kawiil on the Stela 12 (the last monument in the city’s history), dated 889 [14. P. 99] has the following reading: **K’UH-K’AN-na-...KOK-'AJAW**, *k'uhul K'an...kok 'ajaw* — “sacred king of Kan...kok” (UAX:St.12, B3) (Fig.7). Same as the miscellaneous hieroglyphic block from Uaxactun, discovered in the 1980s by IDAЕН archaeological project, which should be the fragment of the destroyed monument, represents only Emblem Glyph: **K’UH-K’AN-na-...KOK-ko-'AJAW**, *k'uhul K'an...kok 'ajaw* [16. P. 167–168] (Fig.8). It is noteworthy two examples of the same titles in different variants **...KOK/...KOK-ko** confirms the idea of using the syllable **-ko** as a phonetic complement.

Figure 7. Uaxactun, Stela 12, block B3
Source: Drawing by A. Safronov.

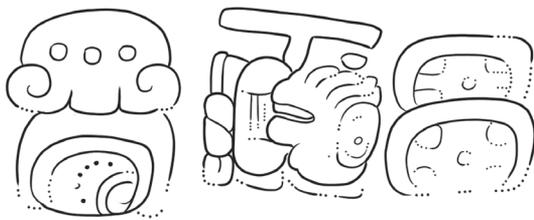
Figure 8. Miscellaneous hieroglyphic block 1
Source: Drawing by A. Safronov.

K'uhul 'ajaw title (“sacred king”) was intended to denote the important Maya kings belonging to ancient dynasties with significant authority in the system of political relations of the Classic Maya, thus separating themselves from inessential rulers and other persons of royal lineages who could use simple *'ajaw* title [10. P. 71–72]. That component of the royal title became widely used in inscriptions since 600, although the earliest examples belong to the middle 5th cent. The kings of Uaxactun had never added before the *k'uhul* prefix to their Emblem Glyph despite the ancient origin of the dynasty, which dates back to the beginning of the Late Formative period. The appearance of this title rather indicates the crisis of the system of Classic Maya political relations, when the Uaxactun kings became dependent on certain “Western overlords” (*'ochk'in k'alo'mte'*) some kind of foreigners from the Central Mesoamerica, who came to the Maya region in the Terminal Classic epoch [10. P. 287–294]. Probably, the last kings of Uaxactun began to call themselves “sacred kings” with the sanction of the foreign lords of Peten.

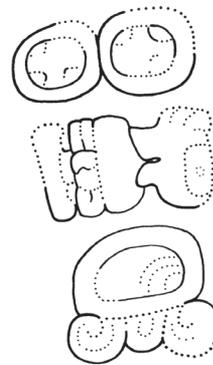
Early Classic royal title and toponym of Uaxactun

The tradition of using the “Double K'an” title goes back to the Early Classic period and it was first mentioned on monuments of the late 4th cent. AD — the era of the s.c. “Entrada”, when the Maya lowlands region was invaded

in 378 by the Central Mexican power of Teotihuacan [17. P. 29–31]. The inscriptions on Stelae 4 and 5 erected in Group B of Uaxactun, were dedicated to the ruler known as “Sunraiser” (the exact reading of the name is unclear) and the celebration of 20-years ending in 396, and he used a completely unusual examples of the toponym in his royal titles [4. P. 519–520]. The inscription on the reverse side of a Stela 4 has a recording of the place name, associated with the “Sunraiser”: **CH'ICH'-TUUN NAAH-...-TI' K'AN-...KOK**, *Ch'ich'tuun Naah...Ti' K'an...kok* — “Bloodstone First ... edge Yellow/Flat...?” (UAX:St.4, Ap10–Bp10) (Fig.9). And the front side of Stela 5, set also in 396, has a similar toponym is written in reverse order: **K'AN-...KOK NAAH-...-TI' CH'ICH'-TUUN**, *K'an...kok Naah...Ti' Ch'ich'tuun* (UAX:St.5, A1–3) (Fig.10). However, it placed next to the image of K'inich Mo, who was the teotihuacan warlord handed “Sunraiser” the sanction for power, apparently as a reference to his presence in this place [18. P. 42–46, 48–49]. Undoubtedly, the “Double K'an” title is used in the examples on Stelae 4 and 5 as part of a complex toponym but not an Emblem Glyph, which marks the place of the “Sunraiser” power. It should be noted, the royal residence and the ceremonial center of the city was removed after 378 from Group E in 1 km west to Group B, where “Sunraiser” erected several monuments and build the palace complex B-XIII, decorated with wall paintings image the courtly life [19]. Apparently, the architectural complex of Group B on the top of the hill is meant by the toponym *Ch'ich'tuun Naah...ti' K'an...kok*, in which the element *K'an...kok* could marks the hill in the northwestern part of the Uaxactun, therefore, the royal dynasty begins to associate itself with this toponym since late 4th cent.

Figure 9. Uaxactun, Stela 4, blocks Ap10–Bp10
Source: Drawing by A. Safronov.

Figure 10. Uaxactun, Stela 5, blocks A1–A3
Source: Drawing by A. Safronov.

Another example of the same toponym is recorded on Stela 16, probably set by the next king Xukub Chan Ak in 406 in Group D in the eastern side of the city, where the royal residence was removed after the death of the “Sunraiser” around 402 [20. P. 430]. Despite the severe damages of the

inscription the contours of the final block are very similar to the toponym: **K'AN- [na]-...KOK- [ko]**, *K'an...kok* (UAX:St.16, B8) (Fig.11), which probably is used as an indication of the place of power. The “Double K’an” toponym is written also in a similar context on Stela 3, erected in Group B and dated to 507 [14. P. 97]. The last event mentioned in the text, recorded under the date 9.3.3.4.13, 5 Been 11 K’anjalaw (corresponding to April 18, 498) reports about a certain royal ritual: **CH'AM-...? KOKAAJ?-WITZ-WINKIL K'AN-...KOK-TAHN-CH'EE'N**, *ch'am ... Kokaaj? Witz Winkil K'an...kok tahnch'ee'n* — “there is happened a taking of ...? by Kokaaj Witz Winkil in the city of K’an...kok” (UAX:St.3, C9–D9) (Fig.12). Since this is the first known date in the history of Kokaaj Witz Winkil rulership, then apparently it should be his accession to the power and the associated ritual of taking the royal regalia. But the inscription notes that it happened in the place of *K'an...kok*, which is indicated by the term *tahnch'ee'n* — “center of the land/country” (means “city”). Thus, there is no doubt the “Double K’an” title is a toponym associated with the place of power of Uaxactun kings about 400–500, which means the Group B.

Figure 11. Uaxactun, Stela 16, block B8

Source: Drawing by A. Safronov.

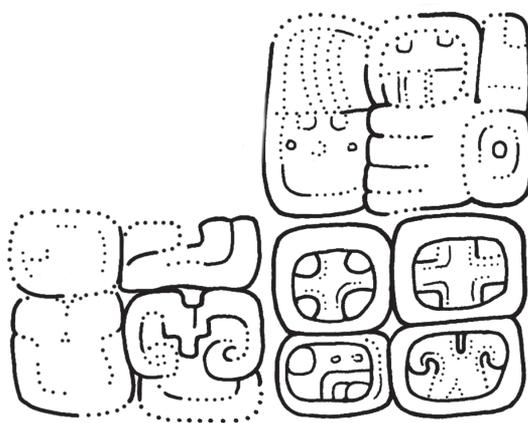

Figure 12. Uaxactun, Stela 3, blocks C9–D9

Source: Drawing by A. Safronov.

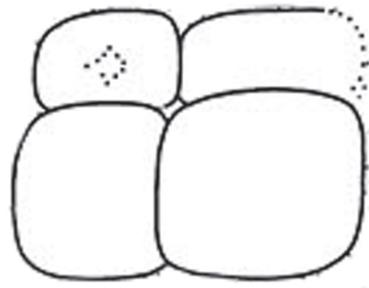
However, the question remains why the lords of Uaxactun of the late fase of Early Classic period did not use the usual Emblem Glyph with the *'ajaw* title. This is quite strange, given the fact the wall paintings from Structure B-XIII represents the figure of “Sunraiser” receives the regalia of power from the hands of the K’inich Mo’ and his caption includes a usual royal title: **...-...-'AJAW**, ... *'ajaw* — “king of ...?” (UAX:B-XIII, M1, C10) [18. P. 42–43, 48–49] (Fig.13). Unfortunately, at the time of the murals discovery the most part of this hieroglyphic block was lost and now it is impossible to identify its

complete reading, however, the fact of the normal Emblem Glyph recording is beyond doubt. It can be assumed the refusal to use the standard Emblem Glyph in Uaxactun inscriptions after 378 was due to the peculiarities of the power received from the Teotihuacan overlords. Perhaps the “Sunraiser” himself was not the direct successor of the pre-Teotihuacan royal lineage or his relocation of the dynastic residential core to Group B can be considered as a rejection of following the early dynastic tradition of Uaxactun.

The usual Emblem Glyph appears only once in the inscription on the ball-court marker from El Chival (Buena Vista) dates about middle 5th cent. Most likely, it was originally set in Uaxactun, but later in the Terminal Classic it was removed to one of the local centers close to the city. The monument presumably was dedicated to the Baktun ending (400-years period): 9.0.0.0.0 (December 11, 435), it was produced by Unen Balam Nohol Winkil, who is called “the 28th successor (In the dynasty)” (*'u-28-tzakbuul*) and his title includes the Emblem Glyph: ...-...-'AJAW, ... *'ajaw* — “the king ...?” [21] (Fig.14). Unfortunately, the Main sign of the Emblem Glyph is much damaged, so it is impossible to determine the exact reading of the toponym, however, the option of “Double K'an” block mention is not excluded.

Figure 13. Uaxactun, Palace B-XIII mural, block C10
Source: Drawing by A. Safronov.

Figure 14. Uaxactun, Ball-court marker, block D9
Source: Drawing by A. Tokovinine.

A detailed analysis of the Early Classic inscriptions of Uaxactun revealed examples of a different title than “Double K'an” toponym on pre-teotihuacan monuments. There are three stelae were definitely erected in Uaxactun before 378: 9, 18 and 19, as well as, possibly, Stela 20, while they were generally placed in Group E. This complex is locate in the eastern part of the city, which was a ceremonial center and the royal residence of Uaxactun dynasty between 300–378 AD [2. P. 20–21]. Except Stela 9 was discovered in Group A in the western part of the city, however, close to buildings constructed in Terminal Classic, so it is possible the monument was replaced by the latest rulers of Uaxactun from Group E [14. P. 99]. As already noted above, Stela 9 is the earliest dated monument of Uaxactun, the text on the reverse begins with the date: 8.14.5.12.16, 9 Kib 14 K'anasiy (corresponds to April 19, 323), when the crowning of the new king ...-...-Balam took place (the name is not completely

readable). The final passage of the text closes with the phrase: **'u-ti K'AN?-WITZ/TUUN? CHAN-CH'EE'N**, *'uhti K'anwitz/K'antuun chanch'ee'n* — “it happened in the city K'anwitz/K'antuun” (UAX:St.9, B10–B11) (Fig.15). Noteworthy is the use of a different place name as a location of the royal event in the early 4th cent., which also contains the **K'AN** logogram. At the same time, the second logogram is not very clearly identified it has elements characteristic for two similar signs: **WITZ**, *witz* — “mountain, hill” and **TUUN**, *tuun* — “stone, rock”, but both terms can be a locative parts in toponym. Next position after the toponym has a double-root noun *chanch'ee'n* (*chan* — “sky”, *ch'ee'n* — “land, country”) with the meaning as “city” and it’s analogous to *tahnch'ee'n* combination.

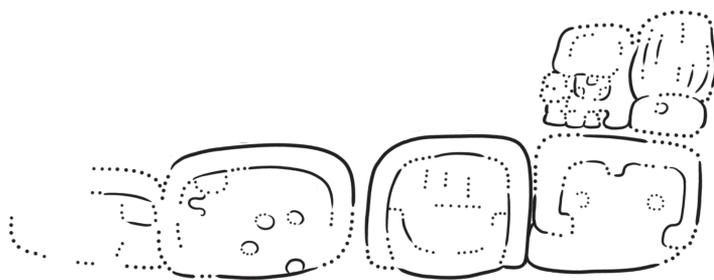

Figure 15. Uaxactun, Stela 9, block B10–B11

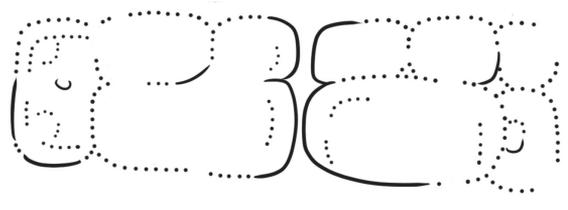
Source: Drawing by A. Safronov.

The same toponym mention on Stelae 18 and 19 — two anniversary monuments erected in Group E by the king Tz'akbu Ushij I in 357 and dedicated to the Katun ending (8.16.0.0.0) [22. P. 155]. The hieroglyphic block of the toponym on Stela 18, written after the name of the king, is partially damage but the reading is clearly defined along its contour: **K'AN-WITZ**, *K'anwitz* — “Flat/yellow hill” (UAX:St.18, B8), which confirms the alleged reading on Stela 9. The position of *K'anwitz* toponym after the king’s name indicates its function as a title rather than the place of the event, so it could be part of Emblem Glyph. Next hieroglyphic block written after *K'anwitz* is almost completely lost, but its contour is very similar to the full version of the logographic sign **'AJAW**, *'ajaw* — “king” (Fig.16). This assumption is confirmed by the structure of the text on Stela 19, which was erected on the same date — 8.16.0.0.0. [22. P. 155], and it also include the Emblem Glyph of Tz'akbu Ushij I, who conducted the ritual of presenting the monument (UAX:St.19, B7–A8). Next two blocks after king’s name are largely damaged, however, according to their contours it’s possible to determine the reading: **[K'AN]-WITZ 'AJAW-** [wa], *K'anwitz 'ajaw* — “king of K'anwitz” (UAX:St.19, B8) (Fig.17). This is similar to the position of the toponym in the inscription on Stela 18, that is, in both cases it should be a title not an indication of the place of the event. But at the end

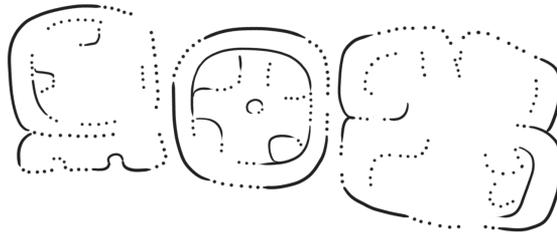
of the text on the Stela 19 there is another reference to the main event — the end of the 16th Katun (*tzutz waklaju'un winaakhaa'b*) with the mention of the event's place, which has the same character as a toponym on Stela 9: ... **CH'EE'N-na K'AN WITZ**, ... *ch'ee'n K'anwitz* — “in the land of K'anwitz” (UAX:St.19, A11–B11) (Fig.18).

Figure 16. Stela 18, blocks B7–A8
Source: Drawing by A. Safronov.

Figure 17. Stela 19, block B8
Source: Drawing by A. Safronov.

Figure 18. Uaxactun, Stela 19, blocks A11–B11
Source: Drawing by A. Safronov.

Thus, there is no doubt Uaxactun kings used the Emblem Glyph “king of K'anwitz” until 378, whose toponym is associated with the ancient ceremonial center of the city. Perhaps it was the Group E complex, although there is reason to believe such a place name could be Group A, located on the top of the hill in the western part of the city south of Group B (the highest point in Uaxactun). Another ceremonial center began to be constructed there after 300 AD — Structure A-5, which was apparently associated with the place of the ancestors, since members of the royal lineage began to be buried there [2. P. 21–23] and rituals related to the royal power could be performed on that complex.

Resumen

The results of the analysis of the Uaxactun kings titles mentions on the Classic monuments revealed the following picture of the evolution of the main royal title from the 300 to 900. In the early 4th cent. since the restoration of the

dynasty after the crisis of the Proto-Classic epoch (100–250 AD), the rulers of Uaxactun have been using the typical Emblem Glyph *K'anwitz 'ajaw* — “king of K'anwitz”, whose toponym was associated with one of the Early Classic architectural groups of the city (probably Group A). After 378, when the “Teotihuacan invasion” of the Maya Lowlands took place, the king of Uaxactun s.c “Sunraiser” received permission to rule from the Central Mexican overlords and he removed his residence with the main ceremonial center of the city (from K'anwitz) to Group B, associated with the toponym *Kan...kok*. Since that period this toponym was designated as the place of the main ritual activity of the kings. At the same time the early Emblem Glyph practically disappears from the royal inscriptions of the 5th–6th cent., which may have been due to the peculiarities of the powers received from Teotihuacan (for example, the rejection of the ancient dynastic ceremonial tradition). In this case, the mention of the Emblem Glyph in the title of Unen Balam Nohol Winkil around 435, which shape is very similar to *K'anwitz 'ajaw* block, can be explained by an attempt to restore the Maya dynastic traditions of the pre-teotihuacan time. In particular, the rule of Unen Balam Nohol Winkil and his father Xukub Chan Ak is associated with the relocation of the royal residence from Group B to Group D in the eastern part of the city (near Group E) after 406.

Nevertheless, the association of the lords of Uaxactun with *K'an...kok* toponym became the quite strong to the beginning of 6th cent., therefore, the new restoration of the dynasty around 670–690 after a long hiatus period was accompanied by the use of the same toponym. It is noteworthy that the kings of the early 8th cent. erected monuments (Stelae 14, 21, 1, 2) in Group B associated with the “Double K'an” toponym. However, unlike they predecessors of the Early Classic period, the Late Classic kings add the traditional royal title to this toponym: *K'an...kok 'ajaw* — “king of K'an...kok”, which could be due to the loss of the original reasons of *K'an...kok* using without *'ajaw* title. Later in the Terminal Classic probably from the period of K'ak' Hoplaj Chan Yopaat rulership about 830 the last kings of Uaxactun began to include the *k'uhul* prefix to their Emblem Glyph never used before. It could be related to the general crisis of the Classic Maya culture and the system of the political relations abandon. Thus, at the end of the 9th cent. on the last stage of Uaxactun polity the royal title was presented in the format *k'uhul K'an...kok 'ajaw* — “sacred king K'an...kok”.

References

1. Safronov AV. Formirovanie rannego gosudarstva maya v Vashaktune [The formation of the early state in Uaxactun]. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2015;(239):112–130. (In Russ.).
2. Valdés JA, Fahsen F., Escobedo HL. *Reyes, tumbas y palacios: La historia dinastica de Uaxactun*. Mexico: UNAM — IDAEH; 1999.

3. Kováč M. The Messages of Maya Ruins. Six Years of Research of the Slovak Archaeological Project in Guatemala (2009–2014). *Historická Revue*. 2015; XXV (10). Supplement.
4. Safronov A., Beliaev D. La epigrafía de Uaxactun después de un siglo, 1916–2016. In: Arroyo B., Méndez Salinas L., Ajú Alvarez G., editors. *XXX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2016*. Guatemala: Museo de Arqueología y Etnología de Guatemala; 2017, p. 515–528.
5. Morley SG. *The Inscriptions of Peten*. Vol. I. Carnegie Institute of Washington. Publication; (437). Washington, D.C.; 1938.
6. Morley SG. *The Ancient Maya*. Stanford: Stanford University Press; 1947.
7. Berlin H. El glifo “Emblema” en las inscripciones Mayas. *Journal de la Société des Américanistes*. 1958;(47):111–119.
8. Stuart D. The Yaxha emblem glyph as Yax-ha. *Research Reports on Ancient Maya Writing*; (1). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection; 1985.
9. Stuart D., Houston S. *Classic Maya Place Names*. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection; 1994.
10. Martin S. *Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE*. Cambridge: Cambridge University Press; 2020.
11. Mathews P. Maya Early Classic monuments and inscriptions. In: Willey G., Mathews P., editors. *A Consideration of the Early Classic Period in the Maya Lowlands*. Publication; (10). Albany: State University of New York at Albany, Institute for Mesoamerican Studies; 1985, p. 5–54.
12. Martin S. The Broken Sky: The Ancient Name of Yaxchilan as Pa’ Chan. *The PARI Journal*. 2004;5(1):1–7. Available from: <http://www.mesoweb.com/pari/publications/journal/501/martin.html> [Accessed 29 March 2024].
13. Houston S. La Epigrafía de El Zotz. In: Houston S., Nelson Z., Escobedo H., et al., editors. *Levartamento preliminar y actividades de registro en El Zotz, Biotopo San Miguel La Palotada, Peten*. Guatemala; 2006, p. 9–11.
14. Safronov AV. Korpus monumentalnykh pamiatnikov Vashaktuna (Peten, Gvatemala): aktualnye problem issledovaniya [The corpus of Uaxactun monuments (Peten, Guatemala): actual research problems]. In: Martynova MY, Piterskaya ES, Vorob’iov DV, editors. *Sources and historiography by anthropology of America natives*. Moscow: IEA RAS; 2017, p. 89–106. (In Russ.).
15. Smith R. Ceramic Sequence in Uaxactun, Guatemala. Vol. I–II. MARI Publication, (20). New Orleans: MARI, Tulane University; 1955.
16. Beliaev D., de Leon M., editors. *Proyecto Atlas Epigrafico de Peten, Fase I. Temporada abril-mayo, 2013*. Informe Final; (1). Guatemala; 2013.
17. Martin S., Grube N. *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London: Thames and Hudson; 2008.
18. Kováč M., Beliaev D., Špoták J., Safronov A. Uaxactun after the conquest by teotihuacanos as told by the mural from palace B-XIII. *Contributions in New World Archaeology*. 2019;(13):37–66.
19. Laporte J. El grupo B, Uaxactún: Arquitectura y relaciones sociopolíticas durante el Clásico Temprano. In: Breton A., editor. *Memorias del Segundo Coloquio Internacional de Mayistas*. Vol. I. Mexico: Centro de Estudios Mayas, UNAM; 1989, p. 625–646.
20. Safronov AV. Altar 1 iz Vashaktuna (Peten, Gvatemala): analiz zoomorfnogo monumenta drevnikh maya [Altar 1 from Uaxactun (Peten, Guatemala): an analysis of ancient Maya zoomorphic monument]. *KSIA (Brief Communications of the Institute of Archaeology)*. 2022;(268):419–432. (In Russ.).
21. Beliaev D., Tokovinine A. Análisis epigráfico del marcador de El Chival/Buena Vista. In: Kováč M., Ventura S., Garcia D., editors. *Nuevas excavaciones en Uaxactun IX. Temporada 2017*. Bratislava: Center for Mesoamerican Studies (CMS), Comenius University — Chronos; 2019:236–239.

22. Safronov A., Beliaev D. Kováč M. Špotak J. La primera guerra maya: evidencias epigráficas sobre el conflict entre Tikal y Uaxactun en el Clásico temprano. In: Arroyo B., Méndez Salinas L., Ajú Alvarez G., editors. *34 Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2021*. Guatemala: Museo de Arqueología y Etnología de Guatemala; 2022, p. 153–162.

Библиографический список

1. Сафронов А.В. Формирование раннего государства майя в Вашактуне // Краткие сообщения Института археологии. № 239. 2015. С. 112–130.
2. Valdés J.A., Fahsen F., Escobedo H.L. Reyes, tumbas y palacios: La historia dinastica de Uaxactun. Mexico : UNAM–IDAEH, 1999.
3. Kováč M. The Messages of Maya Ruins. Six Years of Research of the Slovak Archaeological Project in Guatemala (2009–2014) // *Historická Revue*. 2015. Vol. XXV, № 10. Supplement.
4. Safronov A., Beliaev D. La epigrafía de Uaxactun después de un siglo, 1916–2016 // XXX Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2016 / ed. by B. Arroyo, L. Méndez Salinas, G. Ajú Alvarez. Guatemala : Museo de Arqueología y Etnología de Guatemala, 2017. P. 515–528.
5. Morley S.G. The Inscriptions of Peten. Vol. I. Carnegie Institute of Washington. Publication 437. Washington, D.C., 1938.
6. Morley S.G. The Ancient Maya. Stanford : Stanford University Press, 1947.
7. Berlin H. El glifo «Emblema» en las inscripciones Mayas // *Journal de la Société des Américanistes*. 1958. T. 47. P. 111–119.
8. Stuart D. The Yaxha emblem glyph as Yax-ha // *Research Reports on Ancient Maya Writing*. № 1. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985.
9. Stuart D., Houston S. Classic Maya Place Names. Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994.
10. Martin S. Ancient Maya Politics: A Political Anthropology of the Classic Period, 150–900 CE. Cambridge : Cambridge University Press, 2020.
11. Mathews P. Maya Early Classic monuments and inscriptions // A Consideration of the Early Classic Period in the Maya Lowlands / ed. by G. Willey, P. Mathews. Publication, 10. Albany : State University of New York at Albany, Institute for Mesoamerican Studies, 1985. P. 5–54.
12. Martin S. The Broken Sky: The Ancient Name of Yaxchilan as Pa' Chan // *The PARI Journal*. 2004. Vol. 5. № 1. P. 1–7. Режим доступа: <http://www.mesoweb.com/pari/publications/journal/501/martin.html> (дата обращения: 29.03.2024).
13. Houston S. La Epigrafía de El Zotz // Levatamiento preliminar y actividades de registro en El Zotz, Biotopo San Miguel La Palotada, Peten / ed. by S. Houston, Z. Nelson, H. Escobedo, et al. Guatemala, 2006. P. 9–11.
14. Сафронов А.В. Корпус монументальных памятников Вашактуна (Петен, Гватемала): актуальные проблемы исследования // Источники и историография по антропологии народов Америки / под ред. М.Ю. Мартыновой, Е.С. Питерской, Д.В. Воробьева. М. : ИЭА РАН, 2017. С. 89–106.
15. Smith R. Ceramic Sequence in Uaxactun, Guatemala. Vol. I–II. MARI Publication, № 20. New Orleans : MARI, Tulane University, 1955.
16. Proyecto Atlas Epigráfico de Peten, Fase I. Informe Final № 1. Temporada abril-mayo 2013 / ed. by D. Beliaev, M. de Leon. Guatemala, 2013.
17. Martin S., Grube N. Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya. London : Themes and Hudson, 2008.
18. Kováč M., Beliaev D., Špoták J., Safronov A. Uaxactun after the conquest by teotihuacanos as told by the mural from palace B-XIII // *Contributions in New World Archaeology*. 2019. № 13. P. 37–66.

19. *Laporte J.* El grupo B, Uaxactún: Arquitectura y relaciones sociopolíticas durante el Clásico Temprano // *Memorias del Segundo Coloquio Internacional de Mayistas*. Vol.I. Mexico : Centro de Estudios Mayas, UNAM, 1989. P. 625–646.
20. *Сафронов А.В.* Алтарь 1 из Вашактуна (Петен, Гватемала): анализ зооморфного монумента древних майя // *Краткие сообщения Института археологии*. 2022. № 268. С. 419–432.
21. *Beliaev D., Tokovinine A.* Análisis epigráfico del marcador de El Chival/Buena Vista // *Nuevas excavaciones en Uaxactun IX. Temporada 2017* / ed. by M. Kováč, S. Ventura, D. Garcia. Bratislava : Center for Mesoamerican Studies (CMS), Comenius University — Chronos, 2019. P. 236–239.
22. *Safronov A., Beliaev D. Kováč M. Špotak J.* La primera guerra maya: evidencias epigráficas sobre el conflict entre Tikal y Uaxactun en el Clásico temprano // *34 Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala 2021* / ed. by B. Arroyo, L. Méndez Salinas, G. Ajú Alvarez. Guatemala : Museo de Arqueología y Etnología de Guatemala, 2022. P. 153–162.

Information about the author:

Safronov Alexander — PhD in History, Associated Professor of the Department of Ancient History of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 27, 4, *Lomonosovsky Avenue, Moscow, 119234, Russian Federation*, e-mail: alexsafronov@bk.ru. ORCID: 0000-0002-2121-1136. SPIN-code: 5898-0440.

Информация об авторе:

Сафронов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119234, *Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4*, , e-mail: alexsafronov@bk.ru. ORCID: ID: 0000-0002-2121-1136. SPIN-код: 5898-0440.

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-431-445

EDN: KPTCJK

Research article / Научная статья

Palenque royal lists of the 7th-8th centuries

Daria S. Sekacheva

Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Russian State University
for the Humanities, *Moscow, Russia*

✉ daria.baida@gmail.com

Abstract. Since the middle of the 5th century AD, the territory of the archaeological site of Palenque (Chiapas, Mexico) was the capital of the Baakal state, the city of Lakamha'. A large number of monumental texts have been discovered here, which are of particular interest for the study of the organization and functioning of the royal court of the ancient Maya. The main objective of this work was to examine in detail the royal lists preserved in the monumental texts in order to reconstruct the kinship ties between the Palenque rulers and to reveal the peculiarities of the local political system. One of the main features to be considered about these written sources is a retrospective character, which in theory could give the rulers who created them wide opportunities for manipulation. The lack of detailed information about the rulers of the 5th-7th centuries, which is mainly limited to the dates of accession and death, is no less difficult. Although in the written tradition the royal dynasty is presented as a continuous one, the analysis of the texts reveals several lineages. Study also shows certain peculiarities of the system of power transmission in Baakal. In general, ancient Maya used patrilineal tradition, but the history of Palenque records cases different from this pattern. The throne there was once occupied by a woman, other cases show successive rule of several siblings. These data reveal the flexibility of the political system of the ancient Maya.

Keywords: Mesoamerica, pre-Columbian America, royal power, Palenque, Maya epigraphy, ancient Maya, dynastic history, royal lists

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 29.01.2024. Accepted: 02.04.2024.

For citation: Sekacheva DS. Palenque royal lists of the 7th-8th centuries. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):431–445. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-431-445>

© Sekacheva D.S., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Царские списки Паленке VII–VIII вв.

Д.С. Секачева

Мезоамериканский центр им. Ю.В. Кнорозова, РГГУ,
Москва, Российская Федерация

✉ daria.baida@gmail.com

Аннотация. С середины V в. н.э. на территории археологического памятника Паленке (штат Чиapas, Мексика) находилась столица государства Бакаль, город Лакамха'. Здесь было обнаружено большое количество монументальных текстов, представляющих особый интерес для изучения устройства и функционирования царского двора у древних майя. Основной задачей работы было детальное рассмотрение царских списков, сохранившихся в монументальных текстах, с целью реконструкции родственных связей между правителями Паленке и выявления особенностей местной политической системы. Главной особенностью текстов Паленке можно считать ретроспективный характер, что в теории могло давать создавшим их царям широкие возможности для манипуляций. Не меньшую сложность представляет отсутствие подробной информации относительно правителей V–VII вв., которая в основном сводится к датам воцарения и смерти. Хотя в письменной традиции царская династия представлена непрерывной, анализ текстов позволил выделить в ней несколько родственных линий. Кроме того, исследование показывает определенные особенности системы передачи власти в Бакале. Несмотря на то, что для древних майя в целом характерна патрилинейная традиция, в истории Паленке зафиксированы случаи, когда трон занимала женщина или последовательно правили родные братья. Эти сведения позволяют говорить о гибкости политической системы древних майя.

Ключевые слова: Мезоамерика, доколумбовая Америка, царская власть, Паленке, эпиграфика майя, древние майя, династическая история, царские списки

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 29.01.2024. Принята к публикации: 02.04.2024.

Для цитирования: *Sekacheva D.S.* Palenque royal lists of the 7th-8th centuries // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 431–445. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-431-445>

Introduction

The archaeological site of Palenque is located in the Mexican state of Chiapas and is known for its extensive corpus of hieroglyphic inscriptions. It is known from the texts that from 490 AD the territory of Palenque was occupied by the capital of Baakal kingdom — the city of Lakamha', flourished in the Late Classic period (middle of 7th-8th centuries). The monumental inscriptions preserve a great amount of data on the dynastic history, the structure of the royal court of Baakal and the relations of this political center with others.

Researchers have long been studying the dynastic history of Palenque. One of the first to draw attention to possible dates of reign of kings in the texts was Heinrich Berlin [1]. Based on the research of Tatiana Proskouriakoff [2],

he highlighted related names and dates in the text on the main panel from the Temple of the Cross. In 1954, Alberto Ruz, head of the Palenque Archaeological Project, pointed out a possible date for the death of king K'inich Janaab Pakal I (615–683) [3. P. 94]. By the late 1960s and early 1970s, George Kubler was able to identify in inscriptions the name of K'inich Janaab Pakal I, whom he called «Sun Shield» and his dates of birth and death [4]. He also hypothesized the name glyph of a descendant of K'inich Janaab Pakal I, «Jaguar-Snake» (684–702) (K'inich Kan Bahlam II). A little later came an article by Berlin devoted to the inscription on the Tablet of the 96 Glyphs, in which he identified the names of four rulers, calling them «subjects A, B, C and D» [5. P. 140.].

In 1973, at the First Palenque Round Table, Peter Matthews and Linda Schiele summarized the information on the Palenque kings of the Late Classic period [6]. Later in 1990, Linda Schiele and David Freidel described the dynastic history of Palenque in popular form [7]. They noted that the dynasty was not indivisible from its foundation and identified three patrilineages that were interrupted when power passed through the female line via *Lady Kanal Ikal* (583–604) (later her name was read Ix Yohl Ik' Nal) and *Lady Zac Kuk* (Ix Sak K'uk'). Schiele and Freidel explained dynastic crises and transition of power by internal political problems. All the rulers from the second third of the 5th century to the beginning of the 7th century, including Ix Yohl Ik' Nal, according to the authors, belonged to one patrilineage [7. P. 222]. Even though until the middle of the 6th century the texts do not indicate the connections of dynasts with each other and the kinship is based on the sequence of dates of their lives and reigns. Schiele and Freidel drew attention to the origins of the first kings of the dynasty, including «*U Kix Ch'an*» (Ukokan Kan [8]). The birth and accession dates of this ruler date from the 10th century BC, allowing him to be attributed to the mythological ancestors of the dynasty. Schiele and Freidel suggested that Ukokan Kan was not accidentally introduced by K'inich Kan Bahlam II into the Palenque written tradition. The dates of his reign belong to the heyday of the Olmec culture, which was perceived by the inhabitants of Mesoamerica of the Classic period as «the great ancestral civilization, just as the Greeks were in the Old World» [7. P. 254]. K'inich Kan Bahlam II, according to the authors, placed the legendary ancestor in the time of the Olmec culture to indicate the origin of the Palenque dynasty power from the legendary times of the beginning of civilization.

Three years later, Schiele and Mathews presented a more detailed analysis of Palenque's dynastic history as part of a workshop on Maya hieroglyphic writing at the University of Texas [9]. In 2000 Simon Martin and Nikolai Grube summarized then available data on the dynastic history of the major states of the Maya region, including Palenque [10]. Unlike previous studies, they considered not only the history of the Late Classic kings of Baikal, but also the early representatives of the dynasty, beginning with K'uk' Bahlam I (431–435).

One of the results of the study of Palenque's history by the epigrapher David Stuart was a book on the inscriptions from Temple XIX, which were created in the first half of the 8th century during the reign of K'inich Ahkul Mo' Nahb III (721 to 736) [11]. Despite the late date of the monuments' creation, they contain references to early history, which are discussed in the paper. A joint book by David and George Stuart published in 2008 [12] focused on the first rulers of the Baakal dynasty, including a rethinking of the existing genealogical scheme. It reflects the absence of direct indications of kinship ties between kings until the middle of the 6th century [12. P. 248].

Speaking about the sequence of Palenque rulers it should be mentioned that the one sole list of all the crowned members of the dynasty doesn't exist. A consecutive listing of rulers appears on several monuments discovered at Palenque: eastern panel of the Temple of Inscriptions, sarcophagus lid from Temple of Inscriptions, main panels from the Temple of the Cross and the Temple the Sun, Tablet of the 96 Glyphs. Thus, reconstruction of the full version of the royal list and probable connections between the rulers, is only possible by examining of all these texts in complex.

The royal lists

The history of the kings who ruled since the middle of the 7th century is described in the texts in great detail, while references to the early representatives of the dynasty are reduced to listing the dates of their births, accessions and the most important calendar rituals.

The earliest royal list was compiled at the behest of King K'inich Janaab Pakal I and is found on the eastern panel of the Temple of Inscriptions, one of three that make up the text recounting the ruler's deeds. This version of the dynastic history begins with the accession of Ahkul Mo' Nahb I in 501. It is noteworthy that the coronation of the first five rulers is expressed in the text by the formula *chumwaan ta huun name k'uhul Baakal 'ajaw*, which can be translated as «sat with the band/crown name, divine king of Baakal». As a rule, the coronation is described by the phrases «a band/white band was placed on his head» (*k'alhuu'n/k'al-sak-huu'n tu-baah*) or «ascended to the kingship» (*chumwaan ta 'ajawlel*). There is no definite answer to the question about the reasons for such a difference between the first rulers and their descendants starting from Ahen Yol Mat (605–612). Probably, in the beginning of the 7th century the kings of Baakal changed their status and this is reflected in the written tradition.

An addition to the main text from the Temple of Inscriptions is the inscription on the sarcophagus lid from the K'inich Janaab Pakal's tomb. It lists the deaths of the Baakal kings mentioned on the eastern panel: Ahkul Mo' Nahb I (d. 524), K'an Joy Chitam I (d. 565), Ahkul Mo' Nahb II (d. 570), Kan Bahlam I (d. 583), Ix Yohl 'Ik Nal (d. 604), Ajen-Yohl-Mat (d. 612). The only exception is the «wrong» king Mat

Muwaan (612–615), his place is taken by a certain Janaab Pakal (d. 612) — the namesake of the ruler buried in the sarcophagus and, apparently, his elder relative. The title «Holy Lord of Baakal» is even attributed to him, although no other source reports the existence of such a ruler. Obviously, the text lists the ancestors of K'inich Janaab Pakal I, but Mat Muwaan belonged to the same generation and was probably his cousin. This unique text makes it possible to compare the sequence of rulers and moreover to see the gaps in their reigns, which are not visible in the classical royal list.

The eldest son of K'inich Janaab Pakal I, K'inich Kan Bahlam II, erects in Palenque a complex of temples which is now known as the Cross Group. Main panels housed in an enclosed shrines of the Temple of the Cross and the Temple the Sun, records another variant of the royal list, which may be called an expanded version. The texts mention not only the real rulers of Baakal, but also the mythological ancestors of the dynasty. The first lord in the text from the Temple of the Cross is listed as Akanal Ixim Mat Muwaan, who ruled from 2325 BC. For a long time, researchers considered this character to be a female deity, the ancestor of the Palenque triad of deities [7. P. 244–255]. However, later it became clear that the gods of the triad were not the children of Akanal Ixim Mat Muwaan, as well as there is no evidence of the female nature. Dmitri Beliaev notes that the texts «specifically emphasize that the birth/arrival of the Triad was the result of Mat Muwaan's actions — his 'sacrifice'» [13. P. 135]. On the date 2.0.0.0.0 2 Ajaw 3 Wayhaab (2325 BC), Akanal Ixim Mat Muwaan performed rituals to celebrate the end of the period and became a king 200 days afterward. The text from Temple XIX says that this was the first enthronement, and by his actions Mat Muwaan set an example to the future Baakal kings of what duties towards the gods should be performed [13. P. 136]. According to the text, Mat Muwaan ruled in the place of Matawiil, the mythological ancestral home of the Palenque rulers. Mat Muwaan was succeeded by another mythical king, Ukokan Kan, who was born in 1013 BC and ascended the throne in 987 BC, assuming the title of the Holy Lord of Baakal.

K'inich Kan Bahlam II enlarged the royal list comparing to his father's version, adding two mythical and three real rulers. Unlike the text of K'inich Janaab Pakal I, the inscriptions of K'inich Kan Bahlam II do not mention the kings who ruled from 583 before him.

The third royal list was created in the second half of the 8th century by the order of K'inich K'uk' Bahlam II (764–783) and is recorded on the Tablet of the 96 Glyphs. It lists the kings of the Late Classic period, beginning with K'inich Janaab Pakal I and ending with K'inich K'uk' Bahlam II himself. This text represents some of the most beautiful inscriptions discovered at Palenque. The list itself looks unusual: it begins with K'inich Janaab Pakal I, but contains no mention of K'inich Kan Bahlam II. Right after K'inich Janaab Pakal I his second son K'inich K'an Joy Chitam II (ruled from 702) is mentioned, the next one is K'inich Ahkul Mo' Nahb

III (ruled from 722) and finally K'inich K'uk' Bahlam II (ruled from 764) itself ends the list.

In 1993, an extremely important monument (known in historiography as the *K'an Tok Panel*) was discovered in Temple XVI, which was published and analyzed in detail by Mexican epigrapher G. Bernal Romero [14]. Unlike the previous ones, this monument was not a royal monument, but was created in the second half of the 8th century to preserve the memory of the accession of courtiers to a certain office, not yet fully understood. The text mentions the rulers of Palenque from the middle of the fifth to the second half of the eighth century.

In most variants of the royal list, the biographies of the predecessors of K'inich Janaab Pakal I are presented extremely sparingly and are reduced to the dates of their births and accessions.

Royal family ties

Apparently, the first of the historical rulers of Palenque, taking into account the dates of his birth (397) and reign, was K'uk' Bahlam I. His existence is known from the list of the Temple of the Cross and his name is most likely present in a damaged fragment on a panel from Temple XVI. Unlike the mythical kings, K'uk' Bahlam I, instead of the title «Holy Lord of Baakal,» bore the title «Holy Lord of Toktahn,» as did his successor Ch'a... (435–487). It is noteworthy that in the text from the Temple of the Cross, of all the historical rulers, only the name of K'uk' Bahlam I is mentioned with an emblem glyph.

Due to the lack of data, it is extremely difficult to establish kinship ties between the rulers, the assumptions about their belonging to the same lineage are mainly based on the sequence of dates of accession. The text on the panel from the Temple of the Cross lists Ch'a... as the next ruler after the founder of the dynasty, K'uk' Bahlam I, but it remains unclear whether he was his direct descendant or not. In the texts from the Temple of the Cross and the Temple XVI, both kings bear the title «Holy Lord of Toktahn,» but an earlier travertine vase from the Dumbarton Oaks collection depicts Ch'a... with the title of «Holy Lord of Baakal» in the caption. Since an emblem glyph can only be passed from parent to heir (most often in the patrilineal way, but occasionally in the female line), at least one of the king's parents was from the Baakal dynasty. K'uk' Bahlam I is always mentioned only as the ruler of Toktahn. Most likely he was married to a member of the Baakal royal family and was the first to be related to the Baakal dynasty. In this case, Ch'a... received his title from his mother and further passed it on to his descendants.

Another ruler who is not mentioned in the list from the Temple of Inscriptions, but is presented in the texts of K'inich Kan Bahlam II is Butz'aj Sak Chik (487–501), during whose reign in 490 the capital of the kingdom was moved from Toktahn to Lakamha'. This event is mentioned in the text on a panel from the Temple XVII, discovered during excavations in 1993 [12. P. 116]. The text was created during the

reign of K'inich Kan Bahlam II and is retrospective in its nature. The protagonists are Butz'aj Sak Chik and Ahkul Mo' Nahb I, who bears the title *ch'ok* («young man»). Probably, the period of his elder brother's reign was marked by the struggle for the throne between people of Toktahn and Baakal and he, being a descendant of the Toktahn kings and a pretender to the Baakal throne, took an active part in it. In the text from the Temple of the Cross only the dates of birth and enthronement are associated with the name of Butz'aj Sak Chik. It is noteworthy that both texts do not indicate the title of this ruler, although the description of his accession does not differ from the others, the text from the Temple of the Cross uses the phrase «a white band was placed on his head» (*kal sak huun tu baah*). Butz'aj Sak Chik was succeeded by Ahkul Mo' Nahb I (501–524), also known by texts from the Temple of the Inscriptions and the Temple of the Cross.

The relations of Butz'aj Sak Chik and Ahkul Mo Nahb I with Ch'a-... and others are reconstructed only by the dates of their lives. Relying on the years of their birth (459 and 465 respectively), it is accepted to consider them brothers, sons of Ch'a-.... The only drawback of this version may be the age of Ch'a-... at the time of their birth: the king was already 37 years old when his elder son Butz'aj Sak Chik was born.

Basing on the main text of the Temple of the Inscriptions, the first legitimate king of Baakal was Ahkul Mo Nahb I, his image is also depicted among the ancestors of K'inich Janaab Pakal I on the sarcophagus. Perhaps he was the youngest son of Ch'a-... who was important to the creators of the texts because he was his heir from a mother of higher status.

Not much is known about the deeds of Ahkul Mo' Nahb I, apart from his presence at the founding of the capital at Lakamha'. The ruler offered gifts to the triad of Palenque patron gods to celebrate the completion of the twenty-year period in 514. As the first ruler mentioned in the Temple of the Inscriptions, he seems to establish a tradition for subsequent kings. The end of the period in 514 and the rituals associated with that date are described in texts from Palenque's neighboring states, including Piedras Negras, Tonina, and Yaxchilan. In David Stuart's opinion, this testifies to the close integration of Palenque into the regional political network of the Maya elite of the Western Lowlands [12. P. 116].

The next ruler K'an Joy Chitam I (529–565) «*was tied with a white band*» 5 years after the Ahkul Mo' Nahb I's death. In addition to the date of accession, the text from the Temple of the Inscriptions mentions a certain ritual in honor of the god Ch'aahk, which the king performed in 552. It is difficult to judge the kinship relations of the new king with his predecessor from the existent sources. Stuart suggested that they were hardly father and son because at the time of K'an Joy Chitam I's birth his predecessor was only 15 years old [12. P. 138]. Probably this opinion arose due to an error in calculating the dates of birth of the rulers. According to the text from the Temple of the Cross Ahkul Mo' Nahb I was born in 465, K'an Joy Chitam I in 490, 25 years later. However, the question about

their kinship ties is still relevant due to the five-year difference between the death of one ruler and the accession of another. In sources there is no mention of what happened during these years, probably the ruling dynasty was in a state of crisis and struggle for the throne, in which different political groups took part. It is not known to which of them K'an Joy Chitam I belonged, but subsequent written tradition emphasizes the legitimacy of his particular ruler. The text from the Temple of the Sun contains a very interesting passage about the initiation ritual of the young prince in 496, which was held in Toktahn. The ritual was the last event in Palenque's texts in connection with which this place name is mentioned. Previously, it was considered to be a ritual of appointing an heir, but after the work of A. Davletshin and S. Vepretskii its meaning became clearer [15]. The authors showed that several noble young men took part in the ritual together with the heir, hence K'an Joy Chitam I could accompany the heir to the throne, but not be him. Like his predecessor, K'an Joy Chitam I offered gifts to the patron gods of the royal dynasty, which is recorded in the text from the Temple of the Inscriptions.

Eighty-five days after the death of K'an Joy Chitam I, Ahkul Mo' Nahb II was crowned. In the text from the Temple of Inscriptions and twice in the text from the Temple of the Cross, he is referred to as the namesake and maternal grandson of Ahkul Mo' Nahb I (*yit k'aba'il u mam Ahkul Mo' Naahb*). The kinship term of *mam* emphasizes belonging to the dynasty by the female line, hence Ahkul Mo' Nahb II was not a direct male descendant of the line of Kuk Bahlam I [16]. It is possible to offer several explanations for this fact. K'an Joy Chitam I was married to the daughter of Ahkul Mo' Nahb I and Ahkul Mo' Nahb II was their son. In this favor is evidenced by the above-mentioned five-year gap between the death of Ahkul Mo' Nahb I and the accession of K'an Joy Chitam I. According to another version, K'an Joy Chitam I had no male heirs and after his death his nephew, his sister's son, succeeded to the throne. Either way, there is no doubt that there was a transition of lineage.

The reign of Ahkul Mo' Nahb II was short and ended in 570. The new king, Kan Bahlam I ascended the throne in 572. He was born a year later than his predecessor, from which we can assume that they were brothers [10. P. 158.]. This is evidenced by the fact that the message about their birth in the text of the Temple of the Cross is directly connected. However, unlike Ahkul Mo' Nahb II, his kinship with Ahkul Mo' Nahb I is nowhere mentioned. Kan Bahlam I is depicted on the wall of the sarcophagus of K'inich Janaab Pakal I among the ruler's ancestors represented as fruit trees sprouting from the ground. In the caption to the portrait of the ruler, the adjective *K'inich* "the hottest", appears for the first time in the Baakal royal names. In the royal titles the formant *K'inich* could be used as an honorific appellation to the name of the sun god K'inich Ajaw, or as a full-fledged adjective added in the initial position to the names-titles [13]. Thereafter, this adjective was used by all Palenque rulers beginning with K'inich Janaab Pakal I. In 573, in honor of the end of the calendar cycle, Kan Bahlam I "took royalty before the countenance

of his deities” ’*u-ch’amiy ’ajawlel yichnal ’u-k’uhil*. This event is noted in the text from the Temple of the Inscriptions and was undoubtedly of great importance to the ruling dynasty.

Kan Bahlam I died in 583, and Ix Yohl Ik’nal ascended the throne, becoming the first female Baakal ruler and one of the few women in the Maya area who ever held the royal title. Traditionally, royal power in the ancient Maya was passed patrilineal, but in rare cases, as in the history of Tikal or Naranjo, women found themselves on the throne. Since we do not have enough information about the relationship between Ix Yohl Ik’nal and her predecessor on the throne, we can only assume that Kan Bahlam I had no male heirs and his daughter took the throne. Ix Yohl Ik’nal could also have been a regent of a minor heir to the throne, but it is not possible to verify both these versions to date.

Like her predecessors listed in the royal list from the Temple of the Inscriptions, the queen performs rituals to celebrate the end of the twenty-year period and offers gifts to the gods of the Triad. In describing her reign, the hitherto sparse text from the Temple of the Inscriptions begins to reveal some facts about Palenque’s relationship with the outside world. On April 23, 599 Baakal was defeated by the forces of the Kanul kingdom, one of the strongest and most powerful Maya states, located far to the east of Palenque. This was the first major military defeat in the history of Baakal, mentioned in the sources and remained for many years in the historical memory of the elite. It is also the first written evidence of Palenque’s involvement in Maya geopolitical relations. Later, K’inich Janaab Pakal I used this event to emphasize the importance of his own victories over Kanul’s allies. The text on the hieroglyphic staircase of Building C in the Palace presents K’inich Janaab Pakal I’s victories as revenge for the defeat of Lakamha’.

The successor of Ix Yohl Ik’nal to the throne was king Ajen Yohl Mat (605–612), whose name is associated with a change in the status of the Palenque dynasty. In the text from the Temple of Inscriptions, the inauguration of all the predecessors of Ajen Yohl Mat is described by the expression *chumwaan ta-huun* “sat with a band”. The white band was one of the most important symbols of royal power among the ancient Maya, and the ritual of enthronement is often described as its tying on the head of the ruler, however, in combination with the verb “to sit” the band is almost never used. The most common phrase to describe the enthronement is *chumwaan ti-ajawlel* “sat on the rulership”, in Palenque’s texts it became in use starting from the inauguration of Ajen Yohl Mat. The change in the status of the dynasty may be related to the events surrounding the confrontation between Baakal and Kanul and the strengthening of Baakal’s influence in the region. The name Ajen Yohl Mat is found on Monument 1 from Santa Elena, a monument located 93 km from Palenque. This is the earliest non-retrospective mention of a Baakal king outside of Palenque. On the April 7, 611 Kanul inflicted another defeat on Lakamha’. Apparently, Ajen Yohl Mat was captured and his further fate is unknown [17. P. 96]. After that, there was a period of acute political crisis in Palenque.

In 612, the ruler Mat Muwaan (612–615) ascended the throne and was in power for only two years. Little is known about this ruler except that his name goes back to one of the characters in the mythological story of Palenque, and that his reign marked the end of the calendar cycle. In order to legitimize his own power, K'inich Janaab Pakal I described the reign of his predecessor in extremely gloomy tones and emphasizes that he did not fulfill his duties to the patron gods, which was the cause of a deep crisis. The text from the Temple of Inscriptions contains the passage: *sataay k'uhul Ixik, sataay 'ajaw... ma' y-ak'aw 'u-tut-al...* «The queen was lost, the king was lost.... He (Mat Muwaan) did not offer sacrifice” [12. P. 146]. Obviously, such a dire situation was directly related to the defeat at the hands of the Kanul state, which plunged Palenque into a political and dynastic crisis. The short reign of Mat Muwaan ended with another change of patrilineage and the appearance of K'inich Janaab Pakal I and his descendants on the Palenque's political scene.

It is likely that the political crisis triggered a power struggle among various elite groups. One of them bet on the minor son of Ix Sak K'uk', a woman from the Baakal dynasty. It is Ix Sak K'uk' and not K'inich Janaab Pakal I's father K'an Hix Mo' who is most often mentioned in the ruler's inscriptions. On the Oval Palette from the Palace, which was placed directly above the royal throne, K'inich Janaab Pakal I is depicted accepting a military headdress, one of the insignia of power, from his mother's hands. There is no mention of the ruler's father in this case, although monuments with a similar iconography found at Palenque depict both parents. Ix Sak K'uk' is also mentioned in connection with the ending of another twenty-year cycle in 633. K'inich Janaab Pakal I having been in power for 18 years already by that time. This unusual evidence may reflect the complex political hierarchy that developed at the court at that time within which, mother and son ruled together [12. P. 150]. Both parents, along with the predecessors of K'inich Janaab Pakal I, are depicted on his sarcophagus as sprouting trees. Their portraits adorn the north and south flanges of the sarcophagus carrying captures with name and title. A rich headdress, a costume with pectoral necklace, and an unknown emblem glyph indicate the high status of K'an Hix Mo'. He was most likely a member of the highest elite of a site within the political orbit of Palenque.

The incredibly long reign of K'inich Janaab Pakal I ended in 683 and his eldest son K'inich Kan Bahlam II became the new king of Baakal. Thanks to the preserved texts, there is no doubt about the family ties between K'inich Janaab Pakal I and his successors. K'inich Kan Bahlam II and K'inich K'an Joy Chitam II, who succeeded him in 702, are named in several texts (monuments from the Cross Group, Palace Panel) as sons of K'inich Janaab Pakal I and his wife Ix Tz'akbu Ajaw. The question remains open, however, as to the reasons for the transfer of power from brother to brother. The most obvious assumption may be the absence of male heirs of K'inich Kan Bahlam II. Perhaps his younger brother K'inich K'an Joy Chitam

II faced the same problem, and as a result their nephew took up the throne. It is worth recalling that it was in Palenque at the end of the 6th century that a woman, Ix Yohl Ik' Nal, took the throne, perhaps precisely because of the absence of a male heir. However, in the case of the sons of K'inich Janaab Pakal I, such a practice was for some reason inapplicable.

After the death of K'inich K'an Joy Chitam II, the throne was occupied by K'inich Ahkul Mo Nahb III. It is noteworthy that all known monuments created during his reign are in one way or another devoted to proving the legitimacy of his power. The text from the stone bench from Temple XIX, where the ruler connects his accession with the mythological time and the accession of the gods, speaks most eloquently about it. Most likely, as in the case of his grandfather K'inich Ahkul Mo Nahb III came to power after a deep dynastic crisis and had to rely on the support of a certain group of courtiers.

It is interesting that very little is known about the father of K'inich Ahkul Mo Nahb III. Tiwol Ch'an Mat died in 680, i.e. during the life of K'inich Janaab Pakal I. His image is present on the Slaves Tablet, where he, together with the mother of K'inich Ahkul Mo Nahb III, hands over to his son the insignia of power in a typical for Palenque scene. But the most interesting for the reconstruction of family ties and the system of succession to the throne, formed after the death of K'inich Janaab Pakal I is a partially preserved text from Temple XVIII. The temple was consecrated many years after his death and contains the tomb of Tiwol Ch'an Mat [12. P. 221]. The fragmented relief once depicted several people seated around a central figure on a throne, which undoubtedly represented K'inich Janaab Pakal I. Despite very poor preservation, the captions to the three figures, which correspond to the preaccession names of the ruler's sons, have survived [12. P. 163]. The text also contains an expression of direct speech: *tihmaj awohl atz'akbujiy*, "your heart is satisfied that you put them in succession". According to David Stuart this text is important evidence of the functioning of the Maya political structure. It also shows how complicated the issue of succession remained for K'inich Janaab Pakal I even 60 years after he came to power [12. P. 163]. This text records the event retrospectively and was created by order of K'inich Ahkul Mo' Nahb III within the program of legitimization of power, therefore it should be treated with a great deal of criticism. However, if we accept the fact of such assignment of the order of rulers as a truth, we are actually dealing with an unusual case in the political practice of the ancient Maya. And the coming to power of the nephew of K'inich Janaab Pakal I is not a consequence of the lack of heirs of his predecessors.

According to the latest royal list preserved on the Tablet of the *96 Glyphs*, in 764 the throne was taken by K'inich Ahkul Mo' Nahb III's son K'inich K'uk' Bahlam II, the full namesake of the founder of the dynasty. The text indicates the celebration of his first twenty years of rule and the creation of the Tablet in 783. In fact, on this

monument the written tradition in Palenque ends, along with information about the possible descendants of K'inich K'uk' Bahlam II.

The last royal list indicates a direct succession to the throne by K'inich K'uk' Bahlam II after his father. However, the exact date of K'inich Ahkul Mo' Nahb III's death is unknown, and from the texts of Temple XXI and the K'an Tok panel the name of another ruler Upakal K'inich Janaab Pakal, is known from the text from Temple XXI he is called *bah chok'*, "chief heir". Most likely he was a brother or cousin of K'inich Ahkul Mo' Nahb III. In this case we are again dealing with the successive rule of representatives of one generation followed by the accession of the king's nephew. It is extremely difficult to judge whether this practice became a tradition at the behest of K'inich Janaab Pakal I or was a forced measure under the circumstances because of the lack of data.

Conclusion

The royal lists of Palenque have a number of distinctive features not typical for this kind of sources found in other ancient Maya sites. First there are no separate texts with a full dynastic count. In the Classical Maya inscriptions dynastic count existed in the form of special formula "such-and-such heir of the founder of the dynasty". Nevertheless, it is possible to speak about the existence of some generational count of rulers. Besides, the presence of certain features of the format, data and descriptions of the kings' deeds indicates that the lists of names existed and the authors used them as a basis for compiling the surviving monumental texts.

Apparently, the earliest version of the list presented in the text from the Temple of Inscriptions started with the reign of Ahkul Mo' Nahb I (501–524) due to the fact that he was the first to rule only in Palenque-Lakamha'. Later the rulers of the Toktahn were added. It is interesting that the first ruler of the dynasty is not considered to be the first ruler of Toktahn itself, but a certain K'uk' Bahlam I (431–435). None of the subsequent rulers used this name until the second half of the 8th century. This name is not peculiar to the rather standard onomastic pattern of the Palenque dynasty. Even Muwaan Mat (612–615) adopted the coronation name of the first mythological king rather than K'uk' Bahlam, perhaps because Muwaan Mat was the first in terms of tradition to receive the rights to the throne.

Despite the existence of a single dynastic tradition, there are several breaks in the dynasty itself. Most researchers note the transition to a new branch with the accession of Ix Yohl Ik'nal (583–604). However, the problem with the enthronement of K'an Joy Chitam I (529–565) and the re-enactment of rituals with the Palenque gods, leave doubt about direct succession. It is logical to assume that he was the son-in-law of Ahkul Mo' Nahb I.

Thus, three dynastic genealogical lines can be distinguished:

1. K'uk' Bahlam — Ahkul Mo' Nahb I
2. K'an Joy Chitam I — K'an Bahlam I, although it could just as easily have been interrupted.
3. Ix Sak K'uk' and her descendants since 615

The genealogical ties of Ix Yohl Ik'nal with her descendants are almost impossible to ascertain.

There are also several important points in the history of Palenque's dynasty that demonstrate the peculiarities of the ancient Maya political system.

First of all, despite the general tendency towards patrilineality, we see the possibility of a woman receiving a royal title and practicing the corresponding rituals. This is clearly shown by the example of the queen Ix Yohl Ik'nal. The cases of Ch'a-... and K'inich Janaab Pakal I also show the possibility of passing the title through the female line. Another important feature of the Palenque succession system was its notable flexibility. At the king's command or due to circumstances, the throne could pass not to the ruler's son or daughter, but to his brother or nephew, like in case of the descendants of K'inich Janaab Pakal I.

References

1. Berlin H. The inscription of the Temple of the Cross at Palenque. *American Antiquity* 1965;(30):330–342.
2. Proskouriakoff T. Historical Implications of a Pattern of Dates at Piedras Negras, Guatemala. *American Antiquity* 1960;25(4):454–475; Historical Data in the Inscriptions of Yaxchilan, Part 1. *Estudios de Cultura Maya* 1963;(3):149–167; Historical Data in the Inscriptions of Yaxchilan, Part 2. *Estudios de Cultura Maya* 1964;(4):177–201.
3. Ruz A. Exploraciones Arqueológicas en Palenque. *Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia*. 1956;(6):79–110.
4. Kubler G. Studies in Classic Maya Iconography. Vol. XVIII *Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. New Haven: 1969, p.20-22.
5. Berlin H. The Tablet of the 96 Glyphs at Palenque, Chiapas, Mexico. *Archaeological Studies in Middle America*. New Orleans: Tulane University, Middle American Research Institute: 1970;(26):135–149.
6. Schele L., Mathews P. Lords of Palenque — The Glyphic Evidence. *The Proceedings of the First Palenque Round Table: December 14–22, 1973*. By ed. M.G. Robertson. Pebble Beach, Calif.: The Robert Louis Stevenson School; 1974.
7. Schele L., Freidel D. *A Forest of Kings: The Untold Story of the Ancient Maya*. New York: William Morrow and Company, Inc.; 1990.
8. Davletshin A. *Glyph for Stingray Spine*. 2003 Mesoweb: <https://www.mesoweb.com/features/davletshin/Spine.pdf>
9. Schele L., Mathews P. *The Proceedings of the Maya Hieroglyphic Workshop: March 13–14, 1993, University of Texas at Austin*, transcribed and edited by Phil Wanyerka; 1993.
10. Martin S., Grube N., *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London: Thames and Hudson; 2000.
11. Stuart. D. *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque: A Commentary*. San Francisco: Pre-Columbian Art Research Institute; 2005.

12. Stuart. D. Stuart. G. *Palenque. Eternal city of the Maya*. London: Thames and Hudson; 2008.
13. Belyaev DD, Pakin AV. Pravitel I ego poddannye v gosudarstvakh drevnikh maya [Ruler and his subjects in the ancient Maya states] *Pravitel i ego poddannye: sociokulturnaya norma I ogranicheniya edinolichnoi vlasti*. Moscow; 2009, p. 123–152 (In Russ.).
14. Bernal Romero G. *El tablero de K'an Tok. Una inscripci3n glifca maya del grupo XVI de Palenque, Chiapas*. Mexico: UNAM; 2009.
15. Davletshin A., Vepretskii S. Ritual Seclusion of Princes in Classic Maya Texts. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 2023;(6):53–73 (In Russ.).
16. Beliaev D., Galeev Ph., Vepretskii S. On the Mother's Side: Royal Women and Maternal Ancestors in Early Classic Peten. *Paper presented at the 23rd European Maya Conference, Valencia 05–10 November, 2018*
17. Safronov A.V. *Gosudarstva maya zapadnogo regiona v klassicheskiy period* [Maya states of the Western region in the classical period]. Diss. for the degree of PhD in History. Moscow; 2006. (In Russ.).

Библиографический список

1. Berlin H. The inscription of the Temple of the Cross at Palenque // *American Antiquity*. 1965. Vol. 30. P. 330–342.
2. Proskouriakoff T. Historical Implications of a Pattern of Dates at Piedras Negras, Guatemala // *American Antiquity*. 1960. Vol. 25. (4). P.454-475; Historical Data in the Inscriptions of Yaxchilan, Part 1 // *Estudios de Cultura Maya*. 1963. Vol. 3. P.149-167; Historical Data in the Inscriptions of Yaxchilan, Part 2 // *Estudios de Cultura Maya*. 1964. Vol. 4. P. 177–201.
3. Ruz A. Exploraciones Arqueol3gicas en Palenque: 1952 // *Anales del Instituto Nacional de Antropolog3a e Historia*. 1956. Vol. 6. P. 79–110.
4. Kubler G. Studies in Classic Maya Iconography // *Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. New Haven : 1969. Vol. XVIII. P.20-22.
5. Berlin H. The Tablet of the 96 Glyphs at Palenque, Chiapas, Mexico // *Archaeological Studies in Middle America*. New Orleans : Tulane University, Middle American Research Institute, 1970. Pub. 26. P.135-149.
6. Schele L., Mathews P. Lords of Palenque — The Glyphic Evidence // *The Proceedings of the First Palenque Round Table: December 14–22, 1973*, The, /M. G. Robertson ed. Pebble Beach, Calif. : Robert Louis Stevenson School, 1974.
7. Schele L., Freidel D. *A Forest of Kings: The Untold Story of the Ancient Maya*. New York : William Morrow and Company, Inc., 1990.
8. A. Davletshin. Glyph for Stingray Spine, 2003. Mesoweb: <https://www.mesoweb.com/features/davletshin/Spine.pdf>
9. Schele L., Mathews P. *The Proceedings of the Maya Hieroglyphic Workshop: March 13–14, 1993*, University of Texas at Austin/ transcribed and edited by Phil Wanyerka. 1993.
10. Martin S., Grube N. *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering the Dynasties of the Ancient Maya*. London : Thames and Hudson, 2000.
11. Stuart. D. *The Inscriptions from Temple XIX at Palenque: A Commentary*. San Francisco : Pre-Columbian Art Research Institute, 2005.
12. Stuart. D., Stuart. G. *Palenque. Eternal city of the Maya*. London : Thames and Hudson, 2008.
13. Беляев Д.Д. Пакин А.В. Правитель и его подданные в государствах древних майя // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2009. С. 123–152.
14. Bernal Romero G. *El tablero de K'an Tok. Una inscripci3n glifca maya del grupo XVI de Palenque, Chiapas*. Mexico : UNAM, 2009.

15. Давлетшин А.И., Вепрецкий С.В. Ритуал заточения царевичей у древних майя // *Stratum plus* Археология и культурная антропология. 2023. № 6. С. 53–73.
16. Беляев Д.Д., Галеев Ф.С., Вепрецкий С.В. On the Mother's Side: Royal Women and Maternal Ancestors in Early Classic Peten// Доклад на XXIII Европейской конференции майянистов, Валенсия 5–10 ноября, 2018.
17. Сафронов А.В. Государства майя Западного региона в классический период. Дисс. на соиск.уч.степени к.и.н. М., 2006.

Information about the author:

Sekacheva Daria Sergeevna — junior researcher at Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Russian State University for the Humanities, *Miuskaya square, building 6, block 3, Moscow, 125047, Russian Federation*, e-mail: daria.baida@gmail.com +79031104682. ORCID: 0000-0002-5004-5878. SPIN-code: 7738-5226.

Информация об авторе:

Секачева Дарья Сергеевна — младший научный сотрудник Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 3, e-mail: daria.baida@gmail.com +79031104682. ORCID: 0000-0002-5004-5878. SPIN-код: 7738-5226.